
метте танзен
перевод
Ирины Шейбак
под вересковым небом
антистресс-книга
роман
МИФ

Под вересковым небом
Метте Танзен

Аннотация
Метте Танзен. Под вересковым небом
Информация от издательства
Карапуз в сырной лавке
Проклятое судоходство
Чудак
Зануда
Как бы не так
Выходки
Симпатично
Красавчик
По-домашнему
Блестящая идея
Провиант
Пожитки
Равнодушие
Пустяки
Пусть полирует
Громадина
Всякая всячина
За тридевять земель
Идеально

Страшно
Совсем немного
Виляющий танец
Ябеда
Шустрая
Плевать
Золотой запас
Идеально
Неприятности
Ликование
Болтушка
Ни свет ни заря
По лестнице
Мокрый до нитки
Пополам
Мелочи
Тесная связь
Любопытный взгляд
Высшее общество
Мастер на все руки
Табу
Перина
На мой взгляд
Ужасно холодно
С шумом
Об авторе

МИФ Проза
Над книгой работали

Аннотация

Фрауке давно живет так, будто ее жизнь отложена на потом: работа не радует, отношения трещат по швам, а каждый день похож на бесконечный список дел. Когда муж предает, а карьера окончательно рушится, Фрауке сбегает в маленькую деревушку в Люнебургской пустоши.

Здесь, под бескрайним вересковым небом, среди запаха свежего хлеба и неспешных дней она впервые за долгое время разрешает себе просто быть. Постепенно она учится радоваться простым вещам, отпускать прошлое, слушать себя и снова с надеждой смотреть в будущее.

Иногда побег — это не конец, а шанс вернуться к себе и жизни, в которой снова хочется быть счастливой.

Метте Танзен
Под вересковым небом

Информация от издательства

Original title:
DER GESCHMACK DES LEBENS
Mette Thansen

На русском языке публикуется впервые

Танзен, Метте
Под вересковым небом / Метте Танзен; пер. с нем. И. Шейбак. — Москва: МИФ, 2026. — (Анти-стресс-книга).
ISBN 978-5-00281-164-9

Книга не пропагандирует употребление алкоголя. Употребление алкоголя вредит вашему здоровью.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Original Title: Der Geschmack des Lebens
Copyright © 2023 by Knaur Verlag. An imprint of Verlagsgruppe Droemer Knaur GmbH & Co. KG, Munich

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «МИФ», 2026

Все описанные в романе места существуют на самом деле.
Все люди и животные, дворы и дома, магазины и рестораны вымышлены

Посвящается всем женщинам, покоряющим неизведанные горизонты

Карапуз в сырной лавке

— И вот отсюда я тоже что-нибудь возьму.

Мой взгляд блуждает по бесчисленным видам сыра на прилавке рыночного ларька. Тут полным-полно деликатесов.

— …С зеленью, фисташками, трюфелями, боровиками, — бормочу я про себя, изучая этикетки.

Господи, да как же тут выбрать?

— А из чего этот творожный сыр? — спрашиваю я у продавщицы, чтобы потянуть время.

— Из козьего молока. Здесь все из козьего молока. Другого у нас нет.

Я с удивлением поднимаю глаза и заглядываю в веснушчатое лицо, которое все еще хранит следы летнего загара.

— Козы на Люнебургской пустоши? — спрашиваю я. — Я думала, здесь водятся только овцы.

Веснушки на лице женщины пускаются в пляс.

— Нет, — весело качает головой она, — здесь еще живет сто пятьдесят коз, моих коз. Они дают

молоко, а мы из него делаем вот этот сыр.

Широким и грациозным взмахом руки женщина указывает на прилавок. Затем слегка касается фотоколлажа, висящего позади. На изображении резвится целая армия белоснежных коз: с высоко поднятыми головами и рогами, бахромчатыми бородками и внимательными глазами. Козы смотрят в камеру радостно, даже излишне любопытно.

— Это новый хлев открытого типа, который мы построили в прошлом году, а вот на этой фотографии, — указательный палец женщины заскользил по пестрому коллажу, — козы пасутся летом на пастбище.

Я несколько раз киваю и тихо восклицаю:

— Вау!

— А это я!

Вдруг откуда-то из самых глубин лавки выскакивает маленькая девочка. Она вытягивается всем телом и энергично поднимает вверх указательный палец:

— Это я, когда была маленькой!

Девочка становится на цыпочки и достает до фотографии, на которой посреди стада коз виднеется красная детская коляска. Мы с продавщицей смеемся.

— Точно. — Женщина нежно, почти с наслаждением гладит ребенка по каштановым волосам. — Это ты, когда была маленькой.

— Мама, — девочка прильнула к матери, запрокинув голову, — у нас осталась коляска?

— Да, Валери, она на чердаке, а что?

— Она ведь понадобится нам, когда у меня появится сестренка.

Хозяйка ста пятидесяти коз на секунду закатывает глаза, усмехается и переводит взгляд на меня.

— Она только об этом и говорит. Валери больше всего на свете мечтает о сестре.

— А что, — я заговорщически подмигиваю малышке, — это вполне можно устроить.

Валери одаривает меня восторженной улыбкой, и я замечаю у нее между зубов широкую щербинку. Наверное, только-только пошла в первый класс, потеряла первые молочные зубы — и от этого выглядит еще милее. Что за очаровательное создание! Девочка тоже загорелая, в ярком летнем платье в полоску.

— Мама… У меня же будет сестренка?

Что-то в ее голосе вдруг трогает меня. Эта легкая дрожь. Эта просьба, мольба об исполнении заветного желания. Комок подступает к горлу,

я быстро опускаю взгляд. Как часто я и сама так стояла перед родителями. Раньше я так же сильно мечтала о сестре.

— Валери, мне нужно работать. — Решив не продолжать разговор, молодая мама наклоняется, смахивает дочке волосы со лба и целует ее. — Поиграешь еще немного в пони-ферму?

Малышка послушно исчезает за прилавком.

— Только не наступи снова на Беллу и Люси! — доносится снизу.

— У нее с собой игрушечные лошадки, — объясняет мама. — Сегодня мне, — она наклоняется вперед и чуть тише добавляет: — Пришлось взять Валери с собой на работу.

— Вот оно как, — я понимающе киваю и снова возвращаюсь взглядом к витрине. — С выбором сыра я дальше так и не продвинулась.

— Возьми с зеленью, — раздается снизу голос Валери, — мне он нравится.

— Ну, раз так, — я чувствую облегчение, что выбор сделан, — тогда мне творожный сыр с зеленью, пожалуйста.

Я в предвкушении наблюдаю, как это сокровище отправляется в мою корзину. Там уже ожидают изысканный полутвердый сыр, изрядный кусок бри и камамбер.

— Что-нибудь еще?

Я отрицательно качаю головой и, пока хозяйка подсчитывает сумму, незаметно разглядываю ее. Сколько ей лет? Под тридцать? Или немного за тридцать? В любом случае она совсем молода. И при этом у нее уже есть своя козья ферма. И прелестная дочка. Удивительно!

Я снова смотрю на коллаж и вижу фотографии из сыроварни: блестящие стальные смесительные чаны, погреб для созревания сыра с длинными деревянными полками и ящики, доверху заполненные готовой продукцией.

— С вас двадцать три евро.

Я роюсь в сумочке в поисках кошелька.

— Что, коза, снова обираешь бедных туристов?

Я удивленно оборачиваюсь и вижу мужчину с окладистой бородой. Кто это?

— Не называй меня так, Клас, это неприлично, — возмущается женщина, на что мужчина лишь довольно ухмыляется. — Иди уже, тебе давно пора спать.

— Слушаюсь! — мужчина прикладывает руку к козырьку кепки и стремительно удаляется.

Я растерянно смотрю, как рослая фигура исчезает среди покупателей, а вслед за мужчиной семенит крошечная такса. Забавная пара!

— Кто это? — спрашиваю я.

— Это Клас — самый нахальный и самый лучший пекарь в городе. Да что там в городе! Во всем нашем округе! Каждый день он встает в четыре утра, чтобы испечь хлеб, а днем снова ложится спать.

— Понятно.

Я отсчитываю мелочь и вместе с двумя купюрами протягиваю через прилавок:

— Без сдачи, спасибо.

Я собираюсь прощаться, на секунду поднимаю руку и уже разворачиваюсь, как вдруг вспоминаю:

— Ах да, а где пекарня этого… Класа? Хочу прикупить что-нибудь к сыру.

— Мимо ратуши, потом все время прямо, не заблудитесь.

Я благодарю женщину и пристегиваю корзину с покупками к своему арендованному велосипеду. «Не очень надежная конструкция, — думаю я, глядя на нагруженный багажник, — но должна выдержать».

— Передавайте от меня привет малышке, когда снова объявится! — кричу я продавщице и, спотыкаясь, толкаю велосипед по мостовой Люнебурга.

«Остановиться здесь на пару дней и отдохнуть было хорошей идеей, — размышляю я. — Как же прекрасен этот маленький ганзейский город, от него так и веет спокойствием». Я поднимаю глаза и окидываю взглядом фасады зданий. Кажется, почти каждое из них — исторический памятник. Здесь, в старом городе, один кирпичный дом краше другого. Многие фронтонные постройки, как и кривые улочки, сохранились еще со времен Средневековья. Я узнала об этом вчера, когда прямо под окнами квартиры, в которой я поселилась на время отпуска, остановилась группа туристов. Даже подслушивать не пришлось: через открытое окно на кухне я прекрасно могла разобрать каждое слово. Так я и узнала о рынке, который работает по средам и воскресеньям рядом с исторической ратушей.

«Полезная информация», — вспоминаю я теперь. Вдруг из мыслей меня вырывает телефонный звонок. «Пожалуйста, только не по работе, — молю я, — дайте мне еще немного насладиться отпуском».

Я спешно прислоняю велосипед к стене ближайшего дома и свободной рукой копаюсь в набитой покупками сумке. После трех сигналов я наконец нахожу эту проклятую штуковину. К

счастью, на дисплее светится совершенно безобидное «Бетти».

— Рада тебя слышать! — приветствую я подругу.

— Хэй, Фрауке, где я тебя застала на этот раз? Нью-Йорк, Берлин, Токио?

— Нет, я в Люнебурге.

— Чего?

— В Лю-ю-юне-е-ебу-у-урге, — повторяю я чуть громче.

— Прости, а где это?

— К югу от Гамбурга. Может, слышала о Люнебургской пустоши, степных овцах и вереске?

На том конце провода тишина. Потом раздается смешок:

— Но, Фрауке, это ведь провинция. Что ты там забыла? Ты же горожанка до мозга костей, а не какая-нибудь фермерша с пустоши.

«Бетти в своем репертуаре», — думаю я с улыбкой и прислоняюсь рядом с велосипедом к кирпичной стене. Чувствую приятное тепло: конец сентября — но солнце нагрело стену.

— Ах, это долгая история… я… в общем… так вышло, что… — я начинаю запинаться, но беру себя в руки. — Короче, я в отпуске.

— Все в порядке? Юстус с тобой?

— Нет, а почему ты спрашиваешь? У меня все отлично. Солнце светит, настроение просто прекрасное.

— Позволь-ка подытожить. Во-первых, ты в деревне. Во-вторых, в отпуске. В-третьих, без мужа. Ты! — Бетти делает глубокий вдох. — Это странно! Это не похоже на мою подругу Фрауке!

— У меня правда все хорошо, не переживай.

Последние слова я произношу чуть громче, потому что на улицах Люнебурга становится шумно.

— Что происходит? Я ничего не понимаю…

И в этом Бетти права, ведь ровно в полдень из ратушной башни прямо напротив раздается звон карильона.

— Мейсенский фарфор! — кричу я в трубку, поднося телефон прямо к губам; это я тоже подслушала вчера у экскурсовода. — В Люнебурге есть карильон из мейсенского фарфора, он звонит три раза в день.

Из трубки доносится многозначительное «Ага», а потом:

— Фрауке, не считаешь ли ты, что я…

Бабах! Оглушительный грохот отвлекает меня от телефонного звонка. Камамбер, а вместе с ним два яблока, морковь и красная луковица падают

на землю и катятся по мостовой.

— О нет, Бетти, извини, я перезвоню!

В следующую секунду я завершаю звонок и спешу за своими покупками. Черт, моя конструкция все же оказалась ненадежной. Я быстро поднимаю корзину и начинаю подбирать с земли упавшие продукты. Хочу взять последнюю морковину, но тут меня опережает собака.

— Дереза! Дереза, фу, ну-ка брось!

Я с удивлением смотрю на проворного мужчину и еще более быструю таксу.

— Вот дрянь! — Человек останавливается, а бегущая перед ним собака с высоко поднятой головой скрывается в угловом доме, прихватив с собой морковку. — Это животное когда-нибудь сведет меня с ума.

Мужчина — по-видимому, хозяин таксы — оборачивается, глядя на небо. Теперь я узнала его: это Клас, пекарь с окладистой бородой. Вначале я порываюсь сказать что-то а-ля «Каков пастух, таково и стадо», но сдерживаюсь и медленно поднимаюсь.

— Все не так страшно, это всего лишь морковка, — пытаюсь я унять его злость, а затем в качестве примирения добавляю: — Вы что, плохо кормите свою собаку?

Шутка вышла доброжелательной и вежливой, как я и привыкла.

— Чушь, — звучит в ответ его грубая и единственная реакция.

«Просто замечательно, — думаю я с возмущением. — Очарование явно не его конек».

Тем не менее этот тип поднимает велосипед и протягивает мне руку для рукопожатия. Потом, не попрощавшись и не извинившись, уходит.

— Шовинист, — не удержавшись, бормочу я вполголоса.

— Я все слышал, — бросает мужчина через плечо.

«Какой наглец. Продавщица на рынке была права: он просто чурбан. Попадись он мне на работе, я бы разнесла его в пух и прах», — подумала я с вызовом, решительно толкая велосипед. Я тренер по коммуникациям, и с тех пор как я начала работать на себя, уважительное отношение и осмотрительная вежливость стали моими фишками. Ни одним из этих качеств этот человек не обладает! Ни одним! О хороших манерах он и не слышал. А самое ужасное, что он этого даже не замечает! Таким, как он, чужда и неуверенность в себе, и саморефлексия. Такие люди по жизни идут напролом как танки и чувствуют себя при

этом просто отлично. Высокомерные эгоисты, которые…

Вдруг мне в нос ударяет восхитительный аромат, вытесняя прочь мысли, уже начавшие выводить меня из себя. Витающий в воздухе запах не спутать ни с чем другим. Запах свежего хлеба!

Я вспоминаю о своей покупке и представляю, как ломтик козьего сыра ложится на хлебную корочку, чувствую одновременно хруст и маслянистую мягкость… Боже мой, я просто сдаюсь перед лицом таких кулинарных изысков!

Конечно, я догадываюсь, что пекарня, от которой я только что потеряла голову, принадлежит Класу, этому наглому грубияну, которого мне пару минут назад хотелось хорошенько поколотить. И все же этот восхитительный аромат лишает меня всякой власти.

Как под гипнозом, я паркую велосипед — на всякий случай закрепляю его в специальной стойке — и попадаю в сказочную страну ароматов.

Мой муж Юстус точно сделал бы сейчас свое фирменное, слегка насмешливое выражение лица: брови приподняты, правый уголок губ втянут, взгляд устремлен куда-то вдаль. А потом, после небольшой театральной паузы, Юстус бы сказал: «Опять у тебя все мысли о еде. Тебе бы не

помешало сбросить пару килограммов».

Да, именно так бы все и было, но Юстуса здесь нет, а я — в раю. Ведь я уже вижу его — широкий прилавок с великолепным домашним хлебом, аппетитно разложенным рядами прямо передо мной. Я сразу понимаю, какой хлеб лучше всего подойдет к сыру. К счастью, самого пекаря не видно.

— Мне, пожалуйста, вон ту небольшую буханку ржаного хлеба, — выпаливаю я продавщице, едва она успевает заметить меня.

— Да, конечно.

Женщина ловко заворачивает моего «хлебного фаворита» в коричневую упаковочную бумагу со странными дырочками.

— Лучше хранить хлеб в этой упаковке, так он дольше останется свежим, — объясняет она, заметив мой скептический взгляд. — Мы сами придумали эту упаковку.

— Очень интересно, спасибо.

Я беру протянутый сверток и кладу его прямо в корзину с покупками.

— А теперь, пожалуй, мне бы не помешало купить что-нибудь сладкое на вечер. Какие у вас есть пирожные?

— У нас нет пирожных. Мы печем только хлеб.

Как же так? Не может быть.

— Но у вас ведь наверняка есть что-нибудь сладкое, хотя бы пара круассанов или булочек?

— Нет, правда, мы печем и продаем только хлеб, — отвечает продавщица настойчивее и уже окидывает взглядом вновь прибывшего покупателя.

— Что ж, ладно, — бормочу я себе под нос, отсчитываю мелочь, кладу ее на прилавок и отхожу в сторону.

При этом я чувствую, что нашла себе новую пищу для размышлений: что за тип этот Клас? Пекарь, который печет только хлеб? Самодовольный одиночка, который делает все что вздумается? Очень странно.

Погруженная в свои мысли, я уже собираюсь выйти из магазина — и слышу тихое чавканье. В нише около входной двери на небольшой подушечке уютно устроилась такса-воришка. Довольная, с бархатным блеском в глазах, она грызет морковку. До сегодняшнего дня я и не представляла, что собаки любят овощи. Блаженное удовольствие, что исходит от этого зверька, знакомо мне слишком хорошо, поэтому я заговорщически улыбаюсь собаке и шепчу:

— Приятного аппетита.

Затем покидаю пекарню и направляюсь к своему велосипеду.

Проклятое судоходство

Дуб на заднем дворе, мягко раскинувший ветви над террасой на крыше, все еще стоит зеленый. Его будто и не пугает надвигающаяся осень, хотя листва других деревьев уже давно приобрела желтые и коричневые краски. А я наслаждаюсь зеленью, уютно устроившись на шезлонге.

Эта квартира, которую я совершенно спонтанно решила снять на время отдыха, просто фантастическая. Удачная находка! Симпатичная мансарда в одном из тех великолепных домов с фронтоном, которые являются визитной карточкой Люнебурга.

Спальня расположена на самом верху. Это не комната, а мечта: белые тона, открытые выбеленные балки на потолке, обычная французская кровать, заправленная хлопковым постельным бельем, вощеный пол, комод — и на этом всё. Просто замечательно! Встать в полный рост удается лишь в центре комнаты, прямо под коньком

крыши. Она такая маленькая, но очень уютная.

Этажом ниже разместились терраса с шезлонгом и симпатичная, выкрашенная в светло-голубой цвет гостиная с открытой кухней. Дизайн кухни простой, а потому блестяще сочетается со старинным сервантом из мягкой древесины, который искусно вписан в комнату. Прямо за сервантом царит уют: светло-серый диван, обтянутый мягким выстиранным льном, кресло для чтения с подставкой для ног, камин и красивые датские окна. Планировка простая, но продумана до мелочей. У выхода на террасу нашлось место даже для небольшого письменного стола.

«В самый раз», — размышляю я и радостно шевелю пальцами ног со свежим ярко-красным лаком на ногтях. Затем хватаю телефон, чтобы проверить прогноз погоды. Надеюсь, завтра будет солнечно, ведь я планирую прокатиться на велосипеде. Не успеваю я посмотреть прогноз, как вижу сообщение от Бетти. Три сообщения, если быть точнее:

Что случилось? Почему ты сбрасываешь?

Пожалуйста, перезвони мне.

И наконец, минуту назад:

Фрауке, позвони мне!

Я вдруг начинаю чувствовать себя виноватой, звоню Бетти, слышу семь гудков и, ничего не добившись, кладку трубку. Я высылаю подруге свою геопозицию, прикрепляю пару фотографий квартиры, в которой остановилась, и фотографию нового педикюра. В принципе, этого должно хватить, чтобы ее успокоить.

Затем убираю телефон и стряхиваю с колен несколько хлебных крошек. Небольшое сырное ассорти, которое я только что с удовольствием съела, было просто божественным. А этот восхитительный ржаной хлеб, который я купила к сыру, — просто песня: мягкий, почти влажный внутри, хрустящий и плотный снаружи. Не поверите, но вкус был даже лучше, чем аромат.

Признаю: этот своенравный пекарь — мастер своего дела. Да, пожалуй, мне придется еще пару раз заглянуть к нему во время моего пребывания в Люнебурге.

А сейчас мне бы хотелось выпить бокал красного вина. Бутылка на кухне наверняка наполовину полна. Или еще слишком рано для вина? Я тянусь за телефоном, чтобы узнать время, но вдруг экран загорается. Бетти! Я отвечаю на звонок.

— Фрауке! Ты что делаешь? — раздается в трубке голос подруги.

— Сижу на солнце, крашу ногти, болтаю с лучшей подругой — вот как-то так.

— В среду!? Извини, не могу себе это даже представить. Ты же самая трудолюбивая пчелка на свете. Выкладывай, — Бетти громко вздыхает, — что случилось?

— …

— Молчишь? Дай-ка подумать. А ты не должна сейчас быть в Гамбурге? Разве та крупная судоходная компания не записалась к тебе на несколько тренингов? Ты же мне рассказывала об этом. Да, точно, я начинаю припоминать: ты должна была обучать целый экипаж. У них возникли какие-то проблемы, потому что пассажиры, путешествующие на их роскошных лайнерах, становятся всё сложнее…

— Требовательнее, — перебиваю я, — они становятся требовательнее. Тот, кто допускает даже мысль о том, что они сложные, уже проигрывает в общении с клиентами.

— Вот теперь я узнаю тебя, Фрауке.

Я буквально вижу, как на лице подруги расцветает победная улыбка.

— Так что в итоге с этими — подчеркиваю

— требовательными пассажирами и их шикарными стюардами? Почему ты не в Гамбурге?

— Они отменили контракт. Просто взяли и отменили. Восьмидневное обучение, очень крупный заказ.

— Нет, — протягивает Бетти, — так ведь нельзя.

— К сожалению, так бывает. Я ехала в Гамбург, когда мне позвонила директор, госпожа Маллинкродт.

— И что она сказала? Она ведь наверняка назвала причину.

— Сокращение штата. Семья владельца судоходной компании приглашала консалтинговую компанию по вопросам управления и теперь хочет стать «стройнее». Стройнее, умнее, моложе, динамичнее и черт знает чего они еще хотят.

Я чувствую, как внутри меня закипает злость, поэтому быстро поднимаюсь с шезлонга и бегу на кухню. Делаю это осторожно, потому что лак на ногтях еще не высох.

— Но вы ведь подписали контракт. Ты что, не подтвердила получение заказа? Договор предусматривает уплату сборов в случае отмены. Ты уже выставила им счет?

Самое время упомянуть, что Бетти — это не

только моя лучшая подруга, но и мой финансовый эксперт. Будучи профессионалом в сфере налогового и бизнес-консультирования, она специализировалась на таких отраслях, как коммуникации и искусство. Прибыльное дело, особенно с тех пор, как рынок искусства переживает бум.

— Официально, — теперь уже я начинаю протягивать слова, — тренинги перенесены на более поздний срок. Я уверена, что, как только ситуация успокоится, кадровая служба продолжит со мной сотрудничать. Конечно, они же не хотят терять такого ценного специалиста, как я, учитывая наши доверительные и надежные деловые отношения…

— Это тебе директор так сказала? — перебивает меня Бетти.

— Да, передаю дословно.

— Хм.

— Вот именно: хм.

— Другими словами, сиди, не высовывайся и молчи о расходах, иначе можешь сразу попрощаться со своим клиентом.

— Да, дорогая Бетти, лучше и не скажешь.

Между тем я подхожу к серванту, ставлю звонок на громкую связь, вытаскиваю пробку из

бутылки и наполняю бокал. С бокалом в руке, смартфоном и, конечно же, Бетти я возвращаюсь на террасу.

— И что теперь? — спрашивает она.

— Теперь я воспользуюсь моментом и отдохну пару дней.

— В Люнебурге?

— В Люнебурге, — весело отвечаю я.

— И что ты там будешь делать одна?

— О, я совсем не чувствую себя одиноко. Видела, какую милую квартиру я сняла? К тому же здесь столько интересных людей. Сегодня утром я познакомилась на рынке с фермершей, которая разводит коз и делает просто фантастический сыр. А еще здесь есть пекарь. Поверь мне, он печет…

— Ладно-ладно, вижу, что у тебя все в порядке. Пока ты думаешь о еде, все хорошо.

— Ха-ха.

Слова Бетти даже немного задели меня. Неужели я настолько предсказуема для окружающих? Мне хватает Юстуса, который постоянно твердит о моих «кулинарных причудах», как он это называет. Теперь и Бетти туда же.

— Так, Фрауке, мне нужно идти, — подруга меняет тон на деловой. — Скоро начнется собрание.

Звучит короткое «Пока» — и разговор завершается так же резко, как и начался. Типичная Бетти.

Я кладу телефон на небольшой столик, который поставила прямо рядом с шезлонгом. Стало тихо. Непривычно тихо. Прислушиваюсь к дубу: ни дуновения ветра, ни шелеста листьев.

Я покашливаю, делаю глоток и запрокидываю голову. Может, все-таки стоило все рассказать Бетти? Я прикрываю глаза. Наверное, так было бы лучше.

От моего хорошего настроения вдруг не остается и следа. В мыслях я снова вижу себя на парковке у автомагистрали A-7 недалеко от Ганновера. Дождь моросит по лобовому стеклу. Пока некоторые водители выходят из своих грузовых автомобилей и бесцеремонно мочатся на все, что не может убежать, я сижу в машине и плачу навзрыд. Не из-за истории с судоходной компанией, которая только что так высокомерно и даже грубо мне отказала. Нет, я плачу из-за той последней капли, которая переполнила чашу.

Чашу, которая наполнялась и наполнялась уже несколько месяцев и заставляла меня чувствовать себя все более напряженно. Между тем в панике я становилась радостнее, громче и актив-

нее. Я миролюбивый человек и терпеть не могу, когда в семье разлад. Тогда я делаю все возможное для того, чтобы это исправить.

Но на этот раз у меня не получилось. На этот раз Юстус стал еще молчаливее и в конце концов не проронил ни слова. Лишь бросил одну-единственную фразу: «Я съезжаю».

«Я съезжаю». Это было в воскресенье. Рано утром в понедельник мне нужно было быть в Гамбурге на тренинге с этой проклятой судоходной компанией. Я профессионал и, конечно же, после бессонной ночи отправилась в ганзейский город. И была этому рада! Ведь что еще мне оставалось делать? Помогать бывшему собирать вещи?

Уехав из Франкфурта, я почувствовала облегчение. Но когда вдруг позвонили из Гамбурга и сообщили об отмене в такой форме, будто я была какой-то простофилей с улицы, все мое самообладание куда-то пропало. Я держалась из последних сил, но, положив трубку, разрыдалась в голос. Чтобы не рисковать, я свернула на ближайшую парковку и дала волю эмоциям.

Опять меня охватило чувство, словно я абсолютно все в жизни сделала не так.

Спустя некоторое время я вытерла слезы, за-

вела двигатель и включила дворники. Выехала с парковки, добралась до ближайшего съезда с автомагистрали, чтобы развернуться и направиться обратно в Гамбург, но рядом со съездом увидела указатель с надписью: «Люнебург».

Люнебург. За считаные секунды все связанное с этим словом фильмом пронеслось перед моими глазами: фермерский дом с соломенной крышей, мягкие, как бархат, кролики, куры, пони, родители, бесконечные летние каникулы. Несколько раз мы с семьей отдыхали на Люнебургской пустоши. Какое же прекрасное было время!

Повинуясь какому-то внутреннему импульсу, я свернула на обочину и притормозила. Достала телефон, зашла в интернет, набрала «Люнебург» и «Квартира для отдыха». Ведь что, скажите, мне делать дома? В квартире, которую я всегда считала слишком большой и чужой и пребывание в которой теперь — без мужа — стало бы просто невыносимым. Нет, я поеду куда угодно, но только не в этот холодный пустой дом.

Я принялась листать поисковые запросы и вскоре нашла его — свое гнездышко. Завораживающе красивые двухэтажные апартаменты: две комнаты и терраса, которая, словно птичье гнездо, простирается прямо до кроны дуба. Од-

них фотографий было достаточно, чтобы меня убедить. Я сразу же набрала номер владелицы квартиры. Мне повезло: квартира была свободна, а забронировать ее можно было в ту же минуту.

Я завела машину и почувствовала себя лучше. Еще лучше мне стало, когда я увидела через лобовое стекло странно знакомый пейзаж Люнебургской пустоши: бескрайние просторы, уходящие вдаль сосновые и буковые леса, перемежающиеся живописными лугами и деревушками.

Добравшись до небольшого городка, я была готова сесть на мель в прямом смысле этого слова, ведь, как оказалось, моя квартира была расположена прямо на берегу реки Ильменау, название которой я, кстати, хорошо помнила. Где-то неподалеку находилась ферма, куда я приезжала в детстве на каникулы.

Владелица квартиры, госпожа Андерсон, живущая прямо по соседству, встретила меня бодрым «Привет!». Я уже и забыла, как звучит традиционное северонемецкое приветствие.

Окинув меня проницательным взглядом, женщина, кажется, сразу все поняла. Она не задавала лишних вопросов. Показав квартиру, госпожа Андерсон оставила мне ключи, тепло сжала мою руку и ушла, тихо прикрыв за собой дверь.

Вот я и на месте. Это мое время и мое пространство.

Позже, когда я проголодалась и решила вернуться в прихожую, возле коврика для ног я обнаружила бутылку вина. На стикере неровным почерком было написано: «Добро пожаловать в Люнебург». Я снова почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы.

Снова. Но теперь я сглатываю их, откашливаюсь и выпрямляюсь. Какое-то движение привлекает мое внимание. Прямо на крону дуба приземлилось что-то зеленое: на ветке по диагонали сидит довольно большая птица в красной шапочке на голове. Она энергично стучит клювом по грубой коре дерева. Дятел? Мне немного стыдно, что я не знаю названия птицы, поэтому, недолго думая, я загружаю ее фотографию в поисковую систему в интернете. Да, и вправду зеленый дятел.

И не один! Проходит немного времени — и прилетает второй. Это пара? А дятлы моногамны? Я держусь изо всех сил, чтобы не спросить об этом «Википедию». Вместо этого вспоминаю историю про лесных совят, которую мама когда-то рассказывала мне на ферме. С наступлением ночи на ферме можно было услышать уханье. Протяжное «Уху-уху-хухухухуу» пугало городского ребен-

ка. Наверное, чтобы меня успокоить, мама и придумала эту сказку о двух совятах, которые отправились в приключение, а потом вернулись в уютное гнездо и навсегда остались жить вместе. В моей памяти совы — самые верные птицы на свете. Если они и ухают своим «Уху-уху-хухухухуу», то лишь для того, чтобы сказать друг другу: «Я рядом, я всегда рядом с тобой».

Не знаю, правда ли это. Я никогда не искала в интернете информацию насчет верности сов — и не собираюсь этого делать сейчас. Мне гораздо больше нравится наблюдать за двумя зелеными дятлами, которые скачут друг за другом в кроне дерева. Кажется, это какое-то предзнаменование, знак примирения.

Может быть, все еще наладится. Может быть.

Чудак

Добравшись до места назначения — Чертова моста, — я делаю заслуженный привал. Фух, запланированная на сегодня велопрогулка превратилась в приключение на целый день. Я прислоняю велосипед к перилам моста и наблюдаю за тем, как бежит река. Ильменау широкой голубой лентой вьется сквозь сказочное зеленое царство. У берегов реки сменяют друг друга пойменные луга, тростниковые заросли и выгоны для лошадей. За ними виднеются сосновые леса. Этот живописный пейзаж возвращает меня прямиком в детство — в то время, когда мы с семьей отдыхали в Люнебурге.

Вон там, на берегу, сидит мой отец. Он достал мольберт и поставил его перед собой. Не маленький мольберт, нет, большой! На мольберте — огромный холст. Метр на метр сорок, если быть точнее. Отец задумал что-то грандиозное. Я знаю эти размеры наизусть, ведь картина, которая

родилась прямо на этом месте, теперь висит в моей квартире. Уже миллион раз она, как и другие полотна отца, переезжала со мной, а теперь… Сейчас я стою прямо на этом самом месте, у истоков ее создания.

Я закрываю глаза и чувствую вкус домашнего лимонада, того самого, которого уже нигде не найти. Мы с мамой устроились на лужайке на покрывале и погрузились в мир книг, которых нам обеим всегда было мало. Время от времени нам становится очень жарко, и тогда мы заходим в реку. Прохладная вода нежно обнимает колени и бедра, неустанно течет, бурлит. Каждую лишнюю каплю летней жары она забирает из тела и уносит прочь в своем потоке.

«Можно посмотреть?» — этот вопрос я задавала отцу чаще, чем любой другой. С мокрыми ногами я стою позади на безопасном расстоянии и украдкой смотрю на холст. Папа не любит показывать незавершенные работы, и только мне он разрешает изредка взглянуть на них.

Отец энергично взмахивает правой рукой — и этого жеста достаточно для ответа. Я стремглав бросаюсь к отцу и устраиваюсь у него на коленях. И мы *смотрим*.

«Смотреть — вот что самое главное», — говорит

папа. Он всегда повторял это. Кисточкой отец указывает на реку перед нами, на бесчисленное множество крошечных волн, сменяющие друг друга оттенки голубого, тени от деревьев, пробивающиеся сквозь листву лучи солнца, на танцующие на воде блики. А потом мы видим все это на картине, вновь находим на полотне каждую деталь.

Сначала отец нарисовал Ильменау, потом изобразил берег с его зеленью и Чертов мост. Я помню эту картину в точности. Более того, я вижу перед собой, как она появляется, — словно фильм, который можно перемотать.

Каждый раз, когда мы отдыхали здесь, отец рисовал множество картин. Картин, которые несли его неповторимый почерк и были целиком и полностью его творениями. Эти картины я узнаю из тысячи.

Я отталкиваюсь от перил. Невероятно, сколько всего всплыло в моей памяти с того момента, как я вернулась в Люнебург. Проснувшись сегодня утром, я точно знала, что поеду на Чертов мост. И вот теперь они все вернулись, все эти детские воспоминания. Как же они прекрасны!

— Там пони! — вырывает меня из размышлений детский голос.

— Вау, круто! Я тебя обгоню!

Мимо меня по направлению к выгону для лошадей, расположенному вниз по течению реки, проносятся на велосипедах две девочки. Они устроили соревнование. Я улыбаюсь и смотрю вслед их развевающимся юбкам. Девочки одеты в одинаковые светлые футболки в цветочек. Точно близняшки.

Я здороваюсь с их родителями, которые неспешно едут позади, и мне сразу вспоминается маленькая Валери, дочь фермерши. Я снова слышу, как она доверчивым голосом спрашивает: «Мама… У меня же будет сестренка?» Как я ее понимаю. Чего мне всегда хотелось, даже во время каникул на Люнебургской пустоши, так это подруги, сестры. Мне ее очень не хватало, и я надеялась, что она вот-вот появится в моей жизни. Но этого так и не случилось.

Я морщусь, чувствую сухость в горле, хватаю из велосипедной корзины бутылку с водой и пью большими глотками.

«Интересно, а все ли дети, у которых нет братьев и сестер, чувствуют себя так? — Я опускаю бутылку. — Все ли они мечтают о брате или сестре? В любом случае все было бы по-другому, будь мы вдвоем, — размышляю я. — Если бы у меня

была сестра, то она бы была здесь. Даже несмотря на то, что родители давно умерли, у меня бы осталась частичка семьи».

Я делаю последний глоток, закручиваю крышку бутылки и бросаю ее в корзину. Сейчас не время для сентиментальности!

Но, видимо, это неизбежно, учитывая все то прошлое, к которому я сегодня возвращаюсь. Весь день я потратила на поиски фермы, где мы раньше отдыхали с родителями. Не нашла! Она как сквозь землю провалилась. Я точно помню, как она выглядит, помню старый дом и хлев, но никак не могу вспомнить название. Я целый день ездила по округе и изучала указатели в надежде обнаружить хоть какую-нибудь зацепку.

Но все было напрасно — и теперь с меня хватит. Я решаю закончить на сегодня. Достаточно воспоминаний, хватит этого мозгового штурма. Я не колеблясь кладу руки на руль, отталкиваюсь от земли и направляюсь вперед по узкой тропинке. «До города наверняка осталось немного», — думаю я и изо всех сил кручу педали.

Как же хорошо! Ветер здорово освежает меня, а сама я с удовольствием скольжу по тропинке вдоль берега реки. Мысли начинают литься потоком, заставляя подумать о моем гнездышке

— прекрасной террасе под дубовой кроной, которая уже ждет меня.

«Велопрогулки всегда были одной из тех вещей, — размышляю я, — которые неизменно поднимают мне настроение. А особенно сегодня, ведь в этих местах на пути едва ли встречаются горы». Наоборот: я легко и неспешно качусь на своем городском велосипеде.

Не проходит и двадцати минут, как я добираюсь до своего района в Люнебурге, но решаю для начала заехать в пекарню к Класу. Я голодна и хочу все-таки взглянуть, что же еще он приготовил. Быстро паркую велосипед в уже знакомую стойку, взбегаю по ступенькам к входной двери, собираюсь толкнуть ее, но дверь заперта. Почему? Я в растерянности поднимаю глаза. Неужели закрылись? «Не может такого быть, — думаю я, — еще слишком рано».

И тут я замечаю небольшую табличку, болтающуюся на внутренней стороне стеклянной двери:

Закрыто! Все распродано.

Этого не может быть! Глазам своим не верю. Я в замешательстве всматриваюсь в темную глубь магазина, прикрыв рукой глаза от света. Действительно, все вымели дочиста в прямом смысле

этого слова. Я возмущенно качаю головой. Как можно было просто взять и закрыть магазин? Как можно было спланировать все настолько плохо, что товар распродан еще до закрытия? Что за чудак этот пекарь?

— Вам помочь? — раздается сзади баритон.

Я отрываю взгляд от стеклянной двери, опускаю руку и оборачиваюсь. Передо мной, широко расставив ноги, стоит Клас собственной персоной.

— Вы закрыли магазин, — отвечаю я с упреком, ожидая услышать искренние извинения.

Ничего подобного. Этот Клас просто смотрит на меня — в упор, будто упущена какая-то значимая деталь, будто самое важное еще не сказано.

Я с беспокойством замечаю, как его темно-карие глаза изучают меня из-под кепки. Мой взгляд приклеился к глазам мужчины, как муха к липучке. И вдруг я чувствую у своих коленей две лапы. Две мокрые лапы. Я не успеваю отойти, как эти лапы уже скользят вниз к моим лодыжкам, оставляя следы земли. Такса. Стоит передо мной, радостно глядя снизу вверх, совершенно не замечая ничего плохого, словно мы с ней лучшие друзья.

— Это животное когда-нибудь сведет меня с ума! — Клас умоляюще поднимает взгляд к небу,

и эта картина кажется мне почему-то знакомой.

— Честно говоря, меня тоже, — тихо отвечаю я и вижу, как по моим укороченным белым брюкам расползается пятно. К счастью, мокасины не пострадали, потому что эту светлую замшу я бы в жизни не отстирала.

— Вы слишком уж шикарно одеты. Кто вообще катается на велосипеде в такой одежде? Ничем хорошим это не заканчивается!

Я не верю своим ушам. Что за грубиян! Значит, это я виновата, что мои брюки испорчены?

— Это все, что вы хотели сказать? — парирую я.

— Нет, но раз уж вы спросили, — тут же наносит ответный удар Клас, — вы ужинали?

Я стою в шоке. Что все это значит? Я смело сбег*аю* по ступенькам и, к моему большому удивлению, чувствую себя совсем маленькой рядом с ним. Я в недоумении останавливаюсь. При росте 1,88 метра я обычно легко возвышаюсь над большинством людей. Необычный для женщины рост я унаследовала от отца и не всегда была этому рада. Достаточно часто мужчины, которые мне нравились, были ниже меня. Но не Клас: он огромный и, должно быть, ростом почти два метра.

— Что вы имеете в виду?

Я беру себя в руки и встаю перед мужчиной, выпрямив спину. Клас на секунду закатывает глаза.

— Я имею в виду, вы голодны? Г-о-л-о-д-н-ы?

Я настораживаюсь. Приглашение на ужин? От него? Желудок предательски выдает меня и начинает урчать так громко, что мой собеседник резко оборачивается и, небрежно махнув рукой, приглашает проследовать за ним.

— Что? — кричу я ему и указываю на грязные брюки: — Хотите, чтобы я пошла с вами на ужин в таком виде?

Клас останавливается и поворачивается ко мне:

— Поверьте, там, куда мы идем, это никому не доставит неудобств.

Затем Клас делает паузу, словно пытаясь собраться с мыслями. Откидывает кепку, медленно потирает лоб и опускает взгляд.

— Моя собака уже два раза повела себя просто недопустимо по отношению к вам, — тон мужчины заметно смягчился. — Я хотел бы загладить вину. Не будете ли вы так любезны поужинать со мной?

Что-то заставляет меня последовать за ним. Удивление оттого, что этот человек может так

много говорить, да еще и так вежливо? Или, может быть, эта жизнерадостная такса, которая продолжает скакать передо мной? Или крошечные морщинки от смеха, обрамляющие два темно-карих глаза мужчины…

Пусть будет так. Через пару улочек мы с Класом и таксой доходим до небольшой деревянной террасы, спрятанной во внутреннем дворе. Между фронтонами домов проглядывает солнце. Сегодня достаточно тепло, а это значит, что можно устроиться на улице.

— Присаживайтесь, пожалуйста, — Клас указывает на один из деревянных столов.

Мы здесь первые гости, ведь для ужина еще довольно рано. Азиатка с длинными черными залакированными волосами выходит и любезно приветствует нас. Кажется, Клас здесь завсегдатай. Мы заказываем напитки, и официантка оставляет нам две деревянные доски с прикрепленными к ним светло-зелеными листами бумаги. Я беру меню и быстро просматриваю его, искоса поглядывая на Класа: этого я от него не ожидала. В моем представлении мы должны были уже поедать жареную картошку с салом и яичницей, но никак не сидеть в этом ресторане. В меню столько изысканных, свежих и легких

блюд. Этот азиатский ресторан идеально бы вписался во флигель какого-нибудь дома в Берлине и стал бы настоящим местом притяжения.

— Вы часто здесь бываете? — начинаю я разговор.

— Мы с владелицей этого заведения, — произносит Клас, указывая подбородком на дверь террасы, — знакомы уже много лет. Я люблю вьетнамскую кухню.

Я одобрительно киваю. Когда официантка возвращается, я заказываю карри с курицей, сладким горошком и лемонграссом. На закуску беру дамплинги: обожаю эти искусно начиненные, приготовленные на пару пельмени. Делать их долго, поэтому в меню они встречаются редко.

— Мне, пожалуйста, суп фобо[1] и рисовый боул с авокадо, водорослями вакаме и жареными кешью. — Клас складывает меню и отдает официантке. — Спасибо, Нхи, — голос мужчины становится мягким, почти нежным.

Когда Клас обращается ко мне, в его тоне снова звучит твердость:

— Что вы делаете в Люнебурге? Приехали в отпуск?

---

[1] Примечания: 1

Традиционный вьетнамский суп на основе говяжьего бульона с рисовой лапшой, тонко нарезанным мясом и свежими травами. *Прим. ред.*

— Так сильно похожа на туристку? — я чувствую себя застигнутой врасплох.

— Ну да…

— Вы правы, я приехала на пару дней, спонтанно решила отдохнуть. Меня, — я на секунду запинаюсь, — меня сюда как-то занесло.

— «Занесло», говорите. — Пока я удивляюсь собственной откровенности, Клас продолжает: — Меня, в общем-то, тоже.

— Серьезно? Я была уверена, что ваша семья уже как минимум пять поколений сохраняет здешние традиции пекарского дела.

Клас усмехается.

— Все не совсем так, — отвечает он и протягивает мне руку. — Кстати, меня зовут Клас.

— Фрауке, — представляюсь я и пожимаю руку. — Можем перейти на ты.

Мой собеседник коротко кивает:

— Мне действительно очень жаль, что моя собака так себя повела. Надеюсь, у тебя получится отстирать брюки.

Взгляд Класа скользит под стол, где виднеются не только мои испачканные штанины, но и сама собака.

— Эта жесткошерстная такса настолько упряма, что трудно себе представить. Она совершенно не

поддается дрессировке.

— Она?

— Да. Дереза — девочка.

— Вот оно что.

Теперь и я заглядываю под стол:

— У нее интересное имя. Дереза… Коза?

— Нет. Колючий кустарник.

Снова эта грубость. Я разглядываю своего собеседника, хозяина таксы. С виду грубый, но на самом деле ведь неплохой человек.

Затем мое внимание привлекает Нхи. Она почти бесшумно подходит к нашему столику, ставит перед Класом бирюзовую супницу с узором, а передо мной — фаянсовую тарелку с золотой каймой. На тарелке уже красуются пять искусно закрученных пельменей.

— Как вкусно выглядит, — бормочу я и с восхищением прикасаюсь пальцами к посуде.

В этот момент я замечаю, как Нхи и Клас обмениваются парой слов. Быстро, тихо, непринужденно и на языке, которого я не понимаю.

— Вьетнамский? — спрашиваю я неуверенно, когда Нхи уходит.

— Да, я пару лет жил в Ханое.

Клас снова меня удивляет. Да, признаю, изначально я была уверена, что передо мной какой-то

чурбан, деревенщина, которому не удалось продвинуться дальше собственного села. Но он другой. Клас — как коробка с сюрпризами, и ее содержимое интригует.

— И как же ты попал из Вьетнама в Люнебург?

Я отправляю в рот первый пельмень и на мгновение закрываю глаза, чувствуя нежную структуру теста.

— Через Лос-Анджелес, остров Зюльт, Швейцарию и Гамбург.

— Довольно интересный маршрут, — улыбаюсь я. — Что ты там делал?

— То же, что и здесь. — Клас опускает ложку в горячий суп. — Я выпекал хлеб. Будучи немецким пекарем, ты можешь работать где угодно. Когда мне надоели все эти поездки, я открыл в Люнебурге свой небольшой магазин с лучшими рецептами, которые удалось собрать во время путешествий по миру.

— Удивительно. Но скажи, это правда, что ты печешь только хлеб?

— Да, это правда. Но я пеку хлеб не один, нас в цеху четверо. Мы выпекаем больше десятка сортов хлеба и делаем это настолько хорошо, насколько можем.

— Верю на слово. Но можно ли заработать этим

на жизнь? Конкуренция не спит.

Клас тяжело откидывается на спинку стула. Кажется, ему уже не раз задавали этот вопрос — и он не любит на него отвечать.

— Три года назад я решил начать свое дело и открыть пекарню, в которой буду печь только хлеб. Тогда все думали, что я спятил. «Ничего не выйдет», — говорили мне все эти умники. Немало хлопот мне доставил поиск банка, который был бы готов выдать мне на это кредит. А сегодня, — Клас снова наклоняется вперед, — после обеда весь хлеб был распродан, хотя мы производим его столько, сколько может вместить цех. Весь хлеб раскупили, потому что его качество на высоте и каждый, абсолютно *каждый* чувствует это. Мне не нужно ничего объяснять, не нужен маркетинг и пустая болтовня. Вкус есть — и все тут.

Я разламываю последний пельмень и испытываю при этом противоречивые чувства. Клас говорит убедительно, но ни он, ни его бизнес-идея мне все же не понятны.

— Это действительно впечатляет, и да, я не могу не согласиться: хлеб, который вы выпекаете, невероятно вкусный. Поэтому ты мог бы задуматься о расширении: нанять еще сотрудников, открыть больше магазинов, построить простор-

ный производственный цех, — перечисляю я.

— Но я не хочу, — Клас решительно качает головой. — Мне нравится печь самый лучший хлеб, который только можно себе представить, с людьми, которых я знаю и которым доверяю. И я хочу печь хлеб сам, своими руками.

Клас разводит пальцы, словно солнечные лучи.

— Я пекарь! Пекарь, а не канцелярская крыса, которая сидит в каком-то бездушном промышленном центре над письмами, заказами, счетами, налогами и объявлениями о вакансиях. Меня это совершенно не интересует, ни капли.

Клас начинает злиться, его глаза сверкают.

— Скажи, какой хлеб ты покупала у нас?

— Ржаной.

— Ржаной! Замечательный выбор. Но в следующий раз возьми хлеб на закваске. Ты почувствуешь вкус *времени*, которое мы в него вложили.

Времени? Я настораживаюсь. Клас — поэт, который умеет выпекать время? Мне на ум тут же приходит легендарная книга «Момо» Михаэля Энде[2], которая рассказывает о загадочных Серых господах, ворующих у людей время.

---

[2] Примечания: 2

Михаэль Энде (1929–1995) — немецкий писатель, автор произведений для детей. *Прим. ред.*

Я слушаю дальше.

— Мы готовим закваску четыре дня, — начинает Клас свой рассказ. — Есть собственно тесто для хлеба и опара, часть которой мы храним в холодильнике, проверяем каждый день и подкармливаем. Оба вида теста готовятся из муки, воды и соли. Так мало надо, почти что ничего, да? Секрет вкуса кроется во *времени*, которое мы отводим на то, чтобы хлеб поднялся. А еще в нашем внимании к тесту, в его консистенции, в том, какое оно на ощупь, когда нужно добавить муки, как оно выглядит при подходящей температуре и когда начинает расти — прямо как живой организм. Такому тесту требуется отдых и воздух. Его нужно аккуратно разравнивать, но месить его нельзя. Ни в коем случае! Закваска не прощает ошибок. Когда тесто готово и наступает день выпечки, мы разогреваем духовку до двухсот тридцати градусов и поддерживаем влажность, поместив внутрь небольшой глиняный горшок с водой. Потом охлаждаем духовку до двухсот градусов, достаем горшок и ставим в духовку хлеб. Он выпекается добрых полчаса, а затем нужно приоткрыть дверцу духовки и подождать еще некоторое время. Только потом хлеб можно доставать. Как говорится, закваска не

прощает ошибок. Ее нужно уважать. Теперь ты представляешь, что я имею в виду, когда говорю о *выпечке*? Понимаешь, что значит выпекать идеальный хлеб?

Когда Клас замолкает, он светится, пылает. Все его тело и все его естество напряжены до предела. Да, на ум сразу приходит слово «страсть». Клас нашел свою страсть, в этом нет никаких сомнений.

Нхи тихонько приближается сзади. Тянется забрать пустую тарелку Класа — и в этот момент только что раздраженный мужчина преображается: наклоняет голову, закрывает глаза. Он напоминает мне кота, который довольно выгибает спину и ждет, когда же его погладят. Завораживающее зрелище. Когда Нхи снова уходит, кажется, что ее нежность окутала плечи Класа, будто шелковый шарф.

Я откашливаюсь и складываю руки на столе. Вспоминаю о Юстусе — инвесторе, который ездит по миру в поисках таких самородков, как Клас со своей пекарней. Если он находит что-то подобное, то вкладывает в это деньги. Юстус отправляет туда своих консультантов, оптимизирует процессы, создает бренды и дистрибьюторские сети. Он расширяет производство.

— Тобой никогда не интересовался какой-ни-

будь инвестор?

Я должна задать Класу этот последний вопрос. Услышав его, мужчина лишь устало взмахивает рукой.

— Интересовался, и не один. Если бы я согласился на их предложения, у меня была бы уже целая сеть франшиз. Но на самом деле это не так: я стал бы всего лишь управляющим директором, получил бы акции, но это место мне бы больше не принадлежало. Вместо этого я, движимый собственным успехом, был бы вынужден каждый год показывать все лучшие результаты. И это меня тоже совершенно не интересует, ни капли.

Я сжимаю губы и несколько раз молча киваю. Мой взгляд останавливается на узорчатой деревянной поверхности стола, а мысли проносятся в голове свободно и легко, будто кто-то предварительно убрал все преграды.

— Заставляет задуматься?

Мужчина наклонился вперед. Я поднимаю глаза и вижу его глубокие от смеха морщинки. Интересно, сколько этому Класу лет?

— Сколько тебе лет?

Я удивляюсь своей же прямоте. Но что сказано, то сказано.

— Сорок три. А тебе?

— Сорок два.

— Хм.

— Что значит «хм»?

— Это значит, что мы с тобой оба в том возрасте, — Клас подпирает рукой подбородок, — когда хорошо бы знать, как хочется распорядиться оставшимся временем.

В этот момент мне становится жарко. Не только потому, что этот мужчина снова излучает невероятных масштабов силу, но и потому, что он говорит о тех вещах, которые меня мучают. Чего я хочу от собственной жизни? Что для меня имеет смысл? Кризис, который я сейчас переживаю в отношениях с Юстусом, выбрасывает на поверхность именно эти вопросы. Это больно.

Я с облегчением смотрю на Нхи, которая выходит на террасу и несет в руках основное блюдо. Официантка одаривает меня очаровательной улыбкой и легким движением руки ставит блюдо на стол. Я восхищенно перевожу взгляд на боул и вдыхаю аромат карри. Когда я смотрю на Класа и радостно произношу: «Приятного аппетита», он тоже сияет. Еда определенно доставляет вдвойне больше радости, если делишься ей с кем-то еще.

Позже, когда Клас расплатился и мы отправились в путь, терраса Нхи уже заполнилась

посетителями. Теперь там на столах горят свечи. На город опускаются сумерки, и мне становится прохладно в легкой блузке. Мы медленно прогуливаемся к пекарне, где остался велосипед. Такса семенит впереди. Я снимаю велосипед со стойки и замечаю, как Дереза пробегает мимо магазина к небольшому входу сбоку.

— Куда это она? — спрашиваю я.

— Домой, — Клас указывает на окна верхних этажей. — Мы живем над пекарней.

— Ну, тогда… — я прокашливаюсь, — тогда желаю вам с Дерезой спокойной ночи. Тебе наверняка завтра рано вставать.

Клас молча кивает и слегка наклоняет голову в сторону.

— А я ведь серьезно, — голос мужчины понижается.

— Ты о чем?

— Ты слишком шикарно одета для велопрогулок, — его веки слегка опускаются, глаза темнеют, — но выглядишь потрясающе.

Зануда

— Возьму белые.

Я смотрю на свое отражение в зеркале — и все встает на свои места. Темно-синие кроссовки больше бы подошли для моих сегодняшних планов, но белые смотрятся лучше. Все просто.

— Не могли бы вы упаковать мне эту пару?

— Конечно, — молодая продавщица восторженно кивает.

И у нее есть на это все основания. Еще даже не пол-одиннадцатого, а я уже скупила полмагазина. На кассе разложены в ряд джинсы длиной по щиколотку, льняные блузки (пошив великолепный, поэтому я беру сразу две: белую и светло-голубую), легкая ветровка и спортивная сумка через плечо с широким неоновым тканевым ремешком. Теперь к вещам добавляются кроссовки.

— Еще нужны короткие носки, — бормочу я себе под нос и беру с витрины две пары.

Все эти прекрасные вещи отправляются в боль-

шой бумажный пакет, на котором красуется вычурный логотип бутика. Я протягиваю свою кредитную карточку через прилавок и вскоре снова оказываюсь на улице Святого Духа — одной из лучших торговых улочек Люнебурга. Здесь нет одинаковых сетевых магазинов. Вместо них — куча изысканных частных лавок с тщательно выверенным ассортиментом. Я еще немного прогуливаюсь вдоль витрин, любуюсь фасадами старых кирпичных строений, покупаю по пути мороженое и не спеша возвращаюсь домой. Там распаковываю свои трофеи и иду на кухню за ножницами, чтобы срезать бирки.

Клас прав: для спонтанного отдыха и велопрогулок я одета очень нарядно или, как он мило выразился, «слишком шикарно». Неудивительно, ведь я приехала в Люнебург в деловом костюме, а не с отпускным багажом. Улыбка сама расцветает на лице, когда я вспоминаю вчерашний вечер, а особенно слова Класа: «…выглядишь потрясающе».

Когда в последний раз Юстус делал мне комплимент? Я напрягаю память, но, черт возьми, вспоминаю только обрывки фраз вроде «Сколько можно тебя ждать?», «Снова ты со своими покупками?» или «Хватит думать о еде».

— Это просто возмутительно, — бурчу я себе под нос, вытаскивая из бумажного пакета одну из блузок.

Особенно оскорбительны комментарии Юстуса по поводу моей фигуры. Да, я люблю вкусно поесть, но разве это автоматически делает меня толстой?

Я срезаю бирку, прикладываю блузку к груди и оглядываю себя. «Собственно говоря, — думаю я, — с тех пор как мне исполнилось сорок, я чувствую себя лучше, чем когда-либо. Что вообще плохого в том, чтобы наслаждаться модой и радоваться красивой одежде?»

Я собираю остальные вещи, складываю их и несу в спальню. Быстро надеваю новые джинсы с белой блузкой и встаю перед большим зеркалом. Я вижу перед собой высокую женщину, которую трудно не заметить: со свежим цветом лица и парой веснушек, красивым декольте, длинными ногами, симпатичными икрами и стройными лодыжками. Красоту фигуры подчеркивают удобные стрейчевые брюки по щиколотку и льняная блузка с высоким разрезом, которая свободно спадает на бедра и ягодицы.

Я пожимаю плечами. Честно говоря, не пойму, что не нравится Юстусу. Да, я далеко не такая

спортивная, как он, и да, мой высокий рост помогает в случае чего распределить лишние килограммы. Но в чем проблема?

Я сажусь на кровать, думаю о Класе и примеряю новые кроссовки. Вау, смотрятся классно! Может быть, новый мужчина тоже был бы ничего. Когда я старательно завязываю вторую кроссовку, раздается звонок в дверь.

Кто это? В Люнебурге меня никто не знает. Никто, кроме Класа! Разве я ему вчера рассказывала, где живу? Я подрываюсь с кровати и бегом спускаюсь по лестнице. Прямо у двери меня бросает в жар.

— Госпожа Андерсон, это вы, — приветствую я женщину, отворяя дверь и пытаясь скрыть свое разочарование.

— Привет! Прекрасно, что я застала вас дома. Собираетесь уходить?

— Да, хочу после обеда съездить в Вильзеде.

— Замечательная идея! Эта старая деревушка расположилась прямо в сердце Люнебургской пустоши. Там сейчас все цветет, не упустите момент! — пожилая дама явно в своей стихии. — Могу ли я дать вам парочку советов?

— Конечно!

— Итак, лучшее место для парковки — это Ни-

дерхафербек. Оттуда прогуляйтесь по пустоши до Вильзеде. Там можно остановиться и съесть кусочек пирога или чего душа пожелает. Но сначала советую пройтись к долине Тотенгрунд, ее еще называют Долиной мертвых. — Взгляд госпожи Андерсон на секунду становится мечтательным. — На Люнебургской пустоши нет ничего красивее, чем долина Тотенгрунд. Не бойтесь заблудиться, все дороги помечены указателями. С вами ничего не случится.

«Ну, надеюсь, — думаю я про себя. — Кому вообще захочется плутать в Долине мертвых?»

— Вы же в курсе, что в Вильзеде запрещено ездить на автомобиле? — госпожа Андерсон смотрит на меня изучающе.

Нет, если честно, я этого не знала. Хорошо, что она об этом сказала. Я тепло улыбаюсь и благодарю женщину за советы.

— Собственно, зачем я пришла? — лицо госпожи Андерсон становится серьезным. — Ах да. Вы уже знаете, как долго пробудете в Люнебурге?

— Нет, э-э, я пока не решила. Вы ведь говорили, что квартира свободна?

— Да, в самом деле. — Женщина потирает шею, на которой от волнения уже начинают проступать красные пятна. — Я так говорила. Но

теперь со мной связался мой сын. Знаете, я хочу перестать сдавать квартиры отдыхающим: для меня это слишком тяжело. Сын хочет взять это на себя, расширить дом и организовать что-то совершенно новое, что-то вроде пансионата, как он выразился. Не спрашивайте меня, что это, я все равно в этом не разбираюсь.

— Ага, — протягиваю я в ответ на ее объяснение и готовлюсь услышать самое главное.

— В любом случае нужно освободить все квартиры в доме. Даже из парикмахерской на нижнем этаже он планирует что-то сделать. Я просто не поспеваю за ним. К счастью, госпожа Петер, владелица этой парикмахерской, все равно съезжает. В конце месяца она досрочно выходит на пенсию. Проблемы с бедром. Все эти годы, проведенные на ногах, дают о себе знать. Вы ведь понимаете.

Да, я понимаю, но иносказательная манера госпожи Андерсон выражаться уже начинает меня нервировать. Мне нравится эта пожилая женщина со спокойным характером, но меня не покидает ощущение, что она просто ходит вокруг да около.

— Вообще, мы с сыном договорились, что я перестану сдавать квартиры после летнего сезона, — продолжает госпожа Андерсон, — но вы так

внезапно позвонили, а квартира как раз пустовала. Я подумала, что время еще есть.

— Но все изменилось.

Женщина растерянно кивает и опускает взгляд на свои туфли.

— Все начнется на следующей неделе. К чему такая спешка? Не понимаю. Сын уже назначил встречи с архитектором, с мастером, с…

— Когда мне нужно съехать? — перебиваю я хриплым голосом.

Я чувствую ком в горле. Неужели так закончится мой отдых? Придется возвращаться во Франкфурт? В пустой дом?

— Крайний срок — воскресенье. Мне очень жаль.

Воскресенье. Это послезавтра. Уже послезавтра.

— Без проблем, госпожа Андерсон, — говорю я в своей привычной дружелюбной манере, — в воскресенье вечером квартира будет свободна, не беспокойтесь.

Вскоре после этого я закрываю дверь — и ощущаю, что мне нужно присесть. Последние дни я провела просто замечательно. В Люнебурге, в своем маленьком гнездышке, я чувствовала себя так хорошо, что все мысли о Юстусе отошли на

второй план. Забавно, что я совсем по нему не скучала. Если так поразмыслить, я почти и не думала о нем.

«Это интересно», — вероятно, добавила бы сейчас Бетти, если бы была в курсе всего происходящего.

А если бы я рассказала ей о Класе, которого со вчерашнего вечера не могу выкинуть из головы, она подготовила бы другие комментарии. Что-то вроде: «Если тебя так впечатляет один-единственный комплимент, несложно догадаться, насколько плохо твой муж с тобой обращался». Или: «Думаешь, это совпадение, что такой харизматичный мужчина встретился тебе на пути именно сейчас?» Может быть, даже что-то вроде: «Этот зануда Юстус все равно тебя не заслуживает». Мне известно мнение Бетти о моем муже: она его на дух не переносит с первой секунды их знакомства.

Я опираюсь локтями о колени и чувствую себя рыбой, попавшейся на крючок. Все, что мне сейчас нужно, так это свобода, движение, что-нибудь, что отвлечет меня, а потом — большой кусок торта.

Я вскакиваю, бегу на кухню, достаю из холодильника небольшую бутылку воды и бросаю

ее в свою новую сумку. Беру ветровку, кошелек, ключи, телефон, помаду — и отправляюсь в путь. Вообще-то я хотела немного спланировать сегодняшнюю прогулку и, может быть, даже найти в интернете адрес какого-нибудь гостевого дома или уютного кафе. Но у меня нет на это никакого душевного спокойствия. Нет, я последую рекомендациям госпожи Андерсон. Сейчас главное — просто выбраться на свежий воздух.

Как бы не так

Просто неземной пейзаж! Я стою на холме — и не верю своим глазам: передо мной простирается фиолетовое море, котловина, покрытая цветущим вереском и окруженная узкими песчаными тропинками. Темно-зеленые кусты можжевельника возвышаются над этим морем, словно скульптуры. Небольшие лиственные леса и стоящие порознь группки деревьев обрамляют прекрасную картину, вид на которую открывается отсюда, сверху. Я стою на краю долины Тотенгрунд — и это зрелище завораживает.

В такой ясный и теплый сентябрьский день, как сегодня, это место просто пленяет своей красотой. В нем действительно нет ничего жуткого. Хотя, конечно, в туманный ноябрьский вечер все было бы совсем иначе. Не нужно много воображения, чтобы представить себе заколдованный пейзаж. А зимой, я уверена, это место становится по-настоящему мистическим.

Но не сейчас. Сегодня меня с улыбкой встречает солнце, а зеленый указатель ведет прямиком в Вильзеде. До деревни осталось примерно два километра. Я с легкостью преодолею это расстояние, хотя, признаюсь, новые кроссовки сильно жмут. Я останавливаюсь у ближайшей скамейки, снимаю обувь и вытряхиваю из нее песок. Тут я замечаю, что натерла правую ногу до крови.

— Вот черт, — ворчу я, делаю глоток воды и снова надеваю кроссовки.

Нужно идти дальше, а по этой деревне можно передвигаться только пешком.

Я добираюсь до места назначения уже прихрамывая. Правая нога действительно болит. К счастью, долго искать кафе в этой крошечной деревушке не приходится. С тихим стоном я опускаюсь на первый попавшийся стул и закрываю глаза. Как же хорошо!

Открыв глаза, я вижу что-то розовое. На столе передо мной лежит сумка размера XL. Я поднимаю взгляд и чуть ли не слепну от канареечно-желтой блузки с эффектными рукавами-фонариками и сияющей копны седых волос. Чуть ниже замечаю очки в серой толстой оправе и дружелюбное лицо.

— Найдется свободное местечко?

Я с удивлением оглядываюсь: похоже, мне достался последний свободный столик в саду.

— Да, конечно, — я указываю на стул напротив и беру в руки меню.

— Попробуйте меренговый малиновый торт, он невероятно вкусный. — Моя соседка заняла место за столиком и теперь смотрит на меня с ожиданием.

— Почему бы и нет. — Я захлопываю меню. — Малиновый торт звучит здорово. Вы тут часто бываете?

— Каждый год, когда цветет вереск. — Женщина с отвращением морщится. — Для моих дочерей очень важна эта поездка всей семьей. Мы арендуем повозку, набиваемся в нее и путешествуем по округе. В дороге расстилаем покрывало и устраиваем грандиозный пикник, на который каждый должен что-то принести. Это так надоедает. Не знаю, как вам, — она опускает голову и шепотом продолжает: — Но мне это совсем не по душе.

Я ухмыляюсь. Что за любопытная героиня решила составить мне компанию?

— Кстати, меня зовут Фрауке, — я протягиваю руку. — Приятно познакомиться.

— Рада знакомству, Фрауке. Меня зовут Катинка, я из Гамбурга.

«Да, точно, — думаю я, — именно так выглядит типичный житель Гамбурга». Мне кажется, что женщине около семидесяти. У нее короткие седые волосы, впереди они заметно длиннее и зачесаны наверх. Ее макияж безупречен: розовая помада сочетается с сумкой, а тени бледно-зеленого цвета — с нефритовым камнем на цепочке. Когда Катинка смеется, как сейчас, она может дать фору любой телеведущей.

— И что теперь? Где ваша семья? — Я заговорщически подмигиваю своей собеседнице. — Признавайтесь, вы от них сбежали?

— Вся эта процессия отправилась в краеведческий музей. Но меня все это старое барахло не интересует, мне нужна приличная порция капучино. — Женщина поднимает руку и машет официантке.

Мы делаем заказ, и Катинка задает главный вопрос:

— А у вас есть дети?

Я вежливо улыбаюсь и не успеваю сказать «нет», как женщина взмахивает рукой и решительно добавляет:

— Ну и ладно!

Никто мне раньше такого не говорил — и я не могу сдержать улыбку. Катинка нравится мне,

даже очень.

— Просто сегодня у вас случилась передозировка родственниками, — замечаю я, — диагноз очевиден.

— И я о том же, — ворчит она, потом снова поднимает руку, машет официантке и, когда та поворачивается к ней, кричит: — Еще две бутылочки игристого, пожалуйста!

— Вы выпьете со мной? — спрашивает Катинка, состроив щенячьи глаза.

Я соглашаюсь и радостно киваю:

— Вы не против, если я сниму обувь?

Катинка приподнимает одну бровь:

— А должна?

— Нет, конечно нет, — отмахиваюсь я. — Просто я натерла ногу. Знаете, только сегодня купила эти кроссовки…

— …и никто не предупредил вас, что совершать длительные прогулки в новой обуви — плохая идея?

— Вы говорите как мой муж. — Я ненадолго исчезаю под столом и снимаю правую кроссовку. — Я от вас такого не ожидала.

— Ой-ой, вижу, у вас разлад в семье.

— Это мягко сказано. — Я выпрямляюсь и решаю не вдаваться в подробности. — В любом

случае с Юстусом, так зовут моего мужа, такого бы никогда не случилось. Натереть ноги — какая оплошность! Юстус бегает один марафон за другим и при этом контролирует все: частоту сердечных сокращений, пульс и, конечно же, снаряжение.

— Звучит не очень привлекательно. — Катинка кривится, как будто наступила на что-то гадкое, а потом достает из своей гигантской сумки-шопера зеркальце и помаду с золотистым футляром.

— Мой муж — человек цифр, — продолжаю я, почти извиняясь. — И вполне вероятно, он еще помешан на контроле.

Катинка подкрашивает губы.

— Знаете что? — я заговорщически наклоняюсь к своей собеседнице. — Юстус с утра до вечера отслеживает расход калорий и количество шагов. Он завел для этого целую Excel-таблицу, и если данные не сходятся, то у него сразу портится настроение. Недавно у Юстуса появилась еще и программа, которая мониторит его сон: утром он по *часам* считывает, хорошо ли отдохнул.

Многозначительный взгляд скользит по столешнице.

— Мой муж знает наизусть содержание белка в своих протеиновых напитках так же, как водоне-

проницаемость своей функциональной куртки. Ах, да что там, своих *функциональных курток!* Во множественном числе! Юстус держит всю свою беговую экипировку в нескольких комплектах. У него целые коллекции! Поверьте, есть функции, которые не имеют вообще никакого отношения к одежде.

Я начинаю закипать и чувствую, как хорошо бывает иногда проболтаться и выплеснуть все свои повседневные неприятности. Я глубоко вздыхаю и немного выпускаю пар.

Официантка возвращается и с многообещающим бренчанием ставит перед нами торт, кофе и просекко. Катинка открывает первую бутылку и разливает ее содержимое в два бокала.

— За вашу свободу! — Она с торжественным выражением лица поднимает свой бокал.

— За *что* чокнемся?

— За вашу свободу! — настойчиво повторяет Катинка. — Вы ведь не собираетесь провести остаток жизни с этим отвратительным человеком.

Нет, конечно нет. Проблема как раз в том, что Юстус об этом никогда не спрашивает. А я? Что со мной? Чего я хочу? Я тихо стону и, честно говоря, вообще ничего не понимаю. Покачав головой, я тянусь к своему бокалу и чокаюсь с Катинкой.

Чувствую, как меня постепенно отпускает.

— Я определенно нуждалась в этой встрече!

Кажется, Катинка отлично меня понимает.

— Я вам вот что скажу: не каждый мужчина способен вынести рядом с собой такую женщину, как вы.

Я удивленно поднимаю глаза.

— Вы только посмотрите на себя! — Катинка делает широкий жест рукой. — Вы так элегантно выглядите. У вас есть чувство стиля. Вы харизматичны…

В этот момент я чувствую, как к щекам приливает краска.

— …и очаровательны, — добавляет Катинка, заметив мое смущение.

Я беру десертную вилку, отламываю кусочек торта и отправляю его в рот. После такого количества комплиментов мне нужно отвлечься — и сладкое безе блестяще с этим справляется, лопаясь на языке. Терпкая свежесть ягод и воздушный бисквит дополняют вкус. Удачное сочетание!

— В любом случае Юстусу бы все это не понравилось, — я показываю вилкой сначала на торт, потом на бокал. — Он всегда считал, что мне надо сбросить пару килограммов.

— Дорогая, вам нужно прекратить…

«Что прекратить?» — я мысленно спрашиваю об этом саму себя, ведь рот уже полон торта.

— …прекратить смотреть на себя глазами мужа. Вы принижаете себя, но ведь все совсем не так! Вы чувственная, прекрасная женщина, которая любит жизнь.

У меня на глаза наворачиваются слезы. Когда в последний раз кто-то говорил мне что-то настолько замечательное?

— Можно я расскажу вам небольшую историю? — спрашивает Катинка, пристально разглядывая меня, и я сдерживаю подступившие эмоции. — Я прожила со своим мужем тридцать два года. Я бы сказала, что была типичной женой по меркам того времени: хранительница очага, мать, готовая пожертвовать собой ради детей, заботливая дочь немощных родителей. Конформистка. Со всеми дружелюбная. Всем старалась угодить. Представили себе картинку?

Я киваю. Да, кое-что мне очень знакомо.

— Однажды моя подруга, которая переезжала со своим цветочным магазином в новое помещение, попросила меня о помощи. Она была не уверена в цвете стен, да и в целом в дизайне всего помещения. Знаете, какая была моя первая реакция, когда она обратилась ко мне за советом?

Я отрицательно качаю головой и напряженно отпиваю немного просекко.

— Я сказала ей: «Ничем не могу помочь, я не творческий человек». Ведь всегда, будь то с родителями или позже с мужем, все мои необычные идеи высмеивали, а потом отправляли пылиться в архив. Со временем на основе этого я и сформировала представление о самой себе — и в нем не было места творчеству.

— Как отреагировала на это ваша подруга?

— Она сказала мне: «Шутишь? Я не знаю никого, кто одевался бы креативнее и ярче, чем ты».

Катинка запрокидывает голову и громко хохочет. Фейерверк из канареечно-желтого цвета, испещренного розовыми и нефритовыми вкраплениями, настолько заразительный, что я тоже начинаю смеяться.

— Я этого даже не замечала! — Она задыхается от смеха. — Всегда думала: «Ох, немного цвета — это под силу каждому». Как бы не так!

— А что было потом? — Я внимательно слушаю, с любопытством ожидая продолжения истории.

— В тот же день я начала работать над дизайном нового цветочного магазина, и это было, — она изображает руками в воздухе вывеску, — *on*

fire[3].

— Пожалуйста, расскажите поподробнее, — я начинаю терять терпение, — что именно вы сделали?

— Мы выкрасили стены магазина матовой меловой краской в темно-синий цвет. Сегодня этим уже никого не удивишь, но в те времена никто не решался на подобное. И только мне удалось с первой минуты увидеть перед глазами конечный результат. Я знала, что цветам с их великолепными оттенками нужен темный фон, на котором они могли бы производить по-настоящему сильное впечатление и *сиять*, как звезды на ночном небе. Конечно, нам понадобилось первоклассное освещение, теплый деревянный пол, несколько золотых акцентов тут и там. На этом, пожалуй, всё.

— Ваш план сработал? Магазин пользовался успехом у покупателей?

— Клиенты стекались толпами. Моя подруга стала смелее: она создавала роскошные цветочные композиции и продавала их работникам офисов и ресторанов. Она находила поставщиков новых интересных цветов. Все случалось как-то

---

[3] Примечания: 3

Фурор; успех (*англ.*). *Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.*

само собой.

Катинка хватает вторую бутылочку игристого и наполняет наши бокалы почти до краев.

— Знаете, с тех пор моя жизнь изменилась. Мою подругу постоянно спрашивали, *кто же работал над дизайном интерьера* в ее магазине. Я вдруг стала получать заказы от модных бутиков, кафе, отелей — от всех, кого только можно себе представить. В один момент работы стало так много, что мне понадобилась своя контора и сотрудники. Сегодня я разрабатываю материалы, мебель, а моя первая коллекция очков, — Катинка постукивает пальцем по правой дужке у виска, — вот-вот появится в продаже. Все идет как по маслу.

— Мама, вот ты где! — раздается вдруг голос сзади нас, женщина в струящемся летнем платье бегом пересекает террасу. — Мы тебя обыскались.

Катинка решительно игнорирует ее. Вместо ответа она хватает бокал и выпивает его содержимое.

— Вот тебе и на! Меня нашли. Но что же мне делать с вами? — Она откидывается назад и оценивающе смотрит на мою больную ногу. — Знаете… Вы пойдете с нами. В повозке есть еще одно место, мы высадим вас прямо рядом с вашим

автомобилем.

Я с благодарностью соглашаюсь на ее предложение и вскоре с удовольствием доверяю свое дальнейшее путешествие двум сильным лошадям. По пути я знакомлюсь с семьей Катинки — невероятно приятные люди! Когда Катинка шумно прощается со мной около моего автомобиля, я аккуратно кладу ее визитку в кошелек. Она сделана из плотного светло-серого картона, а напечатанное на ней имя покрыто лаком канареечно-желтого цвета.

И я чувствую, что эта визитка мне еще пригодится.

Выходки

Уважаемая госпожа Маллинкродт,

к письму прилагаю счет на оплату сборов в размере 80 % от стоимости семинаров в связи с их отменой с Вашей стороны. Надеюсь на дальнейшее сотрудничество и прошу произвести оплату в ближайшее время.

С уважением…

Нажимаю кнопку «Отправить» — и письмо пропадает из папки «Исходящее». Я краснею. Тут же. Я не часто так четко обозначаю свою позицию. На секунду горжусь собой и тем, что выставила этим высокомерным людям из судоходной компании счет за отмену заказа, как и посоветовала Бетти.

Но не было ли мое сообщение слишком лаконичным, чрезмерно формальным? Может быть, восемьдесят процентов — это очень много? А если госпожа Маллинкродт откажется платить?

Что я тогда буду делать? Подключать к делу адвоката? Могу ли я вообще позволить себе такие выходки, когда Юстуса нет рядом? Или наоборот: могу ли я позволить себе не брать деньги за отмену, когда я у меня отсутствует финансовая поддержка мужа?

Меня начинают грызть сомнения. Неважно какие. Меня постоянно мучают эти ужасные сомнения.

Я спешно встаю из-за стола, выбегаю на террасу, возвращаюсь на кухню. Иду в гостиную. Там я на секунду сажусь на диван, потом бегу наверх, хватаю кардиган, быстро спускаюсь, пристально смотрю на экран ноутбука. Иду в туалет, снова возвращаюсь к столу.

Почему отправленные письма нельзя удалить? Интересно, а госпожа Маллинкродт уже обнаружила мой счет?

Черт! Я опираюсь на локти и провожу руками по волосам, снова чувствуя себя рыбой, попавшейся на крючок. Я этого не выдержу, надо срочно выйти отсюда на свежий воздух.

Не проходит и пяти минут, как я энергично кручу педали, проезжая по улицам Люнебурга. Я уже доехала до церкви Святого Николая, всего через пару метров буду на природе. Когда я ми-

ную старую кирпичную церковь, раздается звук органа. Этот звук перерастает в оглушительный гром. Вау! Останавливаюсь и прислушиваюсь к музыке, которая доносится изнутри. Начинает петь хор: «Пой, душа моя, вперед, пой красиво…»[4] Слежу за мелодией, краем уха улавливая обрывки текста. Пение вдруг прекращается, потом снова раздается музыка.

«Наверное, репетиция хора», — предполагаю я. Еще немного прислушиваюсь к музыке, а потом еду дальше. При этом я замечаю, что мне стало легче. Старинная церковь, уходящая ввысь готическая архитектура, песня с ее старыми простыми словами, множество поющих голосов — все это успокоило мои нервы. Рыба сорвалась с крючка — и мир снова стал большим.

«Выпьем за вашу свободу!» Торжественное выражение лица Катинки вдруг всплывает передо мной. Вчерашняя встреча с ней произвела на меня сильное впечатление. Катинка показалась мне такой смелой, такой сильной, такой… такой… живой. Один только ее смех чего стоит! Она смеется так, будто ликует.

Ночью мне приснилось, что Катинка стоит на

[4] Примечания: 4

Начальные строки немецкой хвалебной песни, написанной теологом и духовным поэтом Паулем Герхардтом (1607–1676) в 1653 году.

лестнице в пекарне Класа и красит стены темно-синей краской. Когда я вхожу, она оборачивается и говорит: «Фрауке, не будьте конформисткой, это не поможет вам продвинуться дальше по жизни. Лучше помогите мне. Эти одинаковые белые стены так надоедают!»

Проснувшись сегодня утром, я уже знала, чем займусь. Я оделась, заварила чай и села за ноутбук, чтобы отправить судоходной компании счет для оплаты. Чтобы затребовать то, что с них причитается. Все просто.

А потом возникли эти сомнения. Они снова начали выползать на свет, будто демоны. Просто ужас.

Я сильнее кручу педали и заезжаю на небольшую возвышенность к оборонительному валу и Либесгрунду, когда-то городскому рву и крепостным стенам, которые теперь являются парком. Вся эта постройка раньше служила богатому ганзейскому городу в качестве неприступной оборонительной стены. Наверху меня встречает аллея старых деревьев — и я попадаю в театр теней и слушаю шелест ветра в кронах. Наслаждаюсь множеством кирпичных домов, которые вижу отсюда. Мой взгляд скользит по плотно расположенным друг к другу фронтонам

и крышам, стоящим рядом, словно огромный кукольный домик.

В конце аллеи я спускаю велосипед с городского рва, который теперь называют Долиной влюбленных. И тут я вспоминаю, что еще не завтракала и могла бы (какое совпадение!) забежать к Класу за свежим хлебом.

Я радостно кручу педали и еду в центр города. По пути замечаю симпатичную парикмахерскую, расположенную в очаровательном доме с фронтоном и с эркерами — типичными для зданий Люнебурга выступами. Из окон парикмахерской открывается почти панорамный вид. У двери стоит белая скамейка, на которой сидят и оживленно болтают друг с другом две молодые женщины. Их волосы обернуты фольгой для мелирования.

Мне сразу хочется чего-нибудь яркого. Очень хочется! Я быстро паркую велосипед. Может быть, мне повезет и меня примут сразу. Но как только я захожу в парикмахерскую, все мои планы рушатся: внутри битком набито.

— К сожалению, мы сегодня больше никого не принимаем, — слышу я в ответ на свой вопрос. — Как насчет следующей недели?

Владелица парикмахерской тянется за календарем.

— Жаль, но на следующей неделе я уже буду во Франкфурте. — Я разочарованно пожимаю плечами и прощаюсь.

Что ж, попробовать стоило, а теперь мне пора к Класу.

Когда я доезжаю до пекарни, меня уже поджидает следующее разочарование: очередь. Она тянется широким полукругом от тротуара, поднимается по лестнице прямо к двери магазина. Просто невероятно! Что здесь происходит?

Покачав головой, я паркую велосипед в стойку и встаю в очередь. В конец. В самый конец. Серьезно? Такое ощущение, будто в этом городе только одна пекарня.

— Извините, — я слегка касаюсь плеча стоящего впереди парня, — сегодня какой-то особенный день?

— Да нет. — Молодой человек вынимает один наушник из уха. — По субботам здесь всегда так.

Потом он исчезает в своем худи и выглядит совершенно расслабленным.

Ладно, тогда подожду. Почему бы и нет? Я все равно в отпуске. Не страшно. Совсем не страшно. Ожидание совсем не нервирует меня.

Чтобы скоротать время, я начинаю рассматривать лица людей, которые уже поднялись

по лестнице. Все они выглядят терпеливыми и спокойными, никто не ворчит. Совсем наоборот: кажется, что многие из них знакомы друг с другом и пользуются случаем, чтобы поболтать и обменяться новостями. Кто-то смеется.

Я продвигаюсь вперед и надеюсь, что к моему приходу на прилавке еще что-то останется. Идея Класа печь исключительно хлеб, превосходный хлеб, и его упрямство в стремлении не расширять пекарню, а производить меньше уровня спроса, похоже, работают. Дело процветает.

Как и Катинка, Клас просто занимается тем, во что верит. В глубине души он точно знает, что это должно быть именно так и никак иначе. И у него получается. Он не позволяет всяким умникам сбивать себя с толку, не распыляется на мелочи и прислушивается к своей интуиции, даже если поначалу ему и было трудно. Интересно, он вообще знает, что такое сомнения? Те сомнения, с которыми я так часто сталкиваюсь? Сомнения, которые, будто звери, грызут меня изнутри и уничтожают всю мою смелость?

— Что желаете?

Наконец я оказываюсь перед прилавком.

— А у вас еще остался хлеб на закваске?

Не говоря ни слова, продавщица ныряет рукой

в прямоугольную корзину и заворачивает для меня большую буханку хлеба.

— Проходите дальше, пожалуйста! — говорит она, и вот я уже стою на улице.

Все произошло быстрее, чем я думала. Жаль, что не удалось встретить Класа и Дерезу. Очень жаль. Я еще раз незаметно оглядываюсь и укладываю хлеб в багажник, на секунду закрывая глаза и наслаждаясь восхитительным ароматом. Сажусь на велосипед и спешу домой, чтобы позавтракать.

Однако меня ждет сюрприз.

Когда я сворачиваю на *свою улицу*, то замечаю перед *моим* домом темно-синий кабриолет. Шикарный ауди с франкфуртскими номерами. И я прекрасно знаю, чья это машина.

Симпатично

— Бетти!

Моя подруга небрежно прислонилась к своему автомобилю и внимательно смотрит на экран телефона. Я машу ей издалека и изо всех сил кручу педали.

— Бетти!

— Фрауке, вот ты где!

Она отталкивается от автомобиля и подходит ко мне.

Я торможу, зажимаю велосипед между ног и падаю в объятия подруги. Боже мой, как же хорошо!

— Ты как нельзя кстати! — Я отстраняюсь от подруги, но только на секунду, чтобы потом обнять ее еще крепче. — Что ты здесь делаешь?

— Я очень хотела побывать в Люнебурге. К тому же, — добавляет Бетти, заметив мой скептический взгляд, — должна же я проверить, как у тебя дела.

— Ты с ума сошла! И ради этого ты ехала из Гамбурга в Люнебург?

— Я думаю, этого достаточно. Кстати, в понедельник у меня встреча здесь рядом, в Любеке. Совмещаю приятное с полезным, не правда ли?

— Бетти, ты просто чудо! Пойдем, — я ищу в сумке ключи, — покажу тебе свое гнездышко.

Я оставляю велосипед, хватаю под мышку хлеб, и мы заходим в дом.

— Новая сумка? — Пока мы поднимаемся по лестнице, Бетти касается ярко-неонового ремешка.

— Да, а что?

— Спортивная! Я не знала, что ты увлекаешься спортом.

— Ах, Бетти, я тоже не знала. Мне столько всего тебе нужно рассказать! Я так рада, что ты приехала. — Я распахиваю дверь в квартиру. — А пока заходи.

Не дожидаясь меня, подруга осматривает комнаты, а потом приходит ко мне на кухню и задумчиво кивает. Я к тому времени уже успела нарезать свежий хлеб, налила в чайник воду и теперь прислушиваюсь, как она кипит.

— Ну, что скажешь? Классное у меня гнездышко, правда?

— Да, симпатично здесь у тебя. Кажется необычным, если знаешь тебя в привычной жизни, но квартира тебе подходит. И новая сумочка тоже.

И тут моя Бетти замолкает. Стоит напротив, наклонив голову, и рассматривает меня с задумчивым выражением лица.

— Только в парикмахерской ты пока не была, — добавляет она тихо, будто детектив, который напал на след.

— Ты о чем? — я чувствую себя застигнутой врасплох и выключаю чайник.

— Фрауке, — голос подруги становится серьезным, а взгляд — неприятно проницательным, — что стряслось?

В ту же секунду у меня на глаза наворачиваются слезы.

— Юстус хочет съехать, а может, уже съехал. — Я опускаюсь на стул. — Он сказал мне об этом в воскресенье вечером.

— Как чувствовала, что что-то подобное произойдет.

Бетти садится рядом, берет мою руку в свою и нежно сжимает. А потом внимательно слушает, как я изливаю ей душу и разбираю Юстуса по косточкам.

— А теперь? — спрашивает она наконец.

Я всхлипываю и пожимаю плечами.

— Фрауке, может быть, все не так плохо. Я знаю, как ты важна для него. То, что он съезжает, еще не значит, что он тебя не любит.

— А что, скажи, пожалуйста, это значит?

— Что у вас серьезные проблемы, что ваши отношения зашли в тупик, что вы оба несчастны. Но разве в этом есть что-то удивительное? Разве в вашей семейной жизни никогда такого не было?

Я молча качаю головой.

— Юстус больше не хочет жить так, как раньше. Это единственный вывод, который я могу сделать из твоего рассказа.

Я удивленно поднимаю глаза. Об этом я не подумала. Во мне загорается искра надежды.

— Я только хочу узнать, — голос Бетти становится мягче, — а *ты* все еще хочешь быть с ним? Ты часто кажешься мне такой несчастной. Уже давно. Ты уверена, что хочешь и дальше жить так, как вы жили с Юстусом?

Внезапно меня одолевает усталость. Слезы утомляют. Я закрываю глаза, и внутри, будто на холсте, откуда ни возьмись всплывают картины: приемы в вечерних нарядах, непринужденные беседы за столиками, влиятельные мужчины у барной стойки, женщины в дорогой одежде в

зоне отдыха. Юстус за трибуной. Юстус в одной из своих винтажных машин, ралли по всей стране, его тщеславие и мое неумение ориентироваться по картам. Юстус, сгорбившийся над своим вездесущим телефоном. Часами. И вдруг: я. Я сижу на нашем огромном диване, поджав под себя ноги, и замерзаю. Замерзаю, потому что в этом проклятом пентхаусе постоянно сквозняк.

— Я не знаю, как хочу жить, — бормочу я и думаю: «Я даже не понимаю, кто я».

— И не надо тебе этого знать. По крайней мере, сегодня.

Бетти снова берет меня за руку:

— Дай себе время. Вы созванивались в последние дни?

— …

— Писали друг другу?

— …

— Вы вообще разговаривали?

Я отрицательно качаю головой. Бетти стонет:

— Ну, это плохо, учитывая, что ты тренер по коммуникациям.

Я игнорирую комментарий подруги. Что мне на это сказать? Вместо этого я перехожу к сути:

— Бетти, что ты предлагаешь?

— Для начала мы замечательно проведем вы-

ходные. Ты насладишься своим симпатичным гнездышком. Потом позвонишь Юстусу. Договоришься, обсудишь с ним все. А там будет видно, что делать.

— Ты думаешь, — страх пробирает меня до костей, — у него другая?

Бетти безучастно пожимает плечами:

— Нет, он не из таких.

— Бетти, — теперь уже я беру подругу за руку, — спасибо тебе…

— …но ведь для этого и нужны друзья…

— Я имею в виду, спасибо, что ты так честно отнеслась к Юстусу. Он ведь тебе никогда не нравился. Я ожидала, что ты скажешь: «Радуйся, что наконец избавилась от этого старого зануды».

— Радуйся, что наконец избавилась от этого старого зануды.

— Эй! — я легонько толкаю подругу в плечо.

— Посмотри, ты снова улыбаешься. — Бетти преувеличенно потирает место удара. — Теперь бегом в ванную! Вытри слезы, а потом покажешь, где ты купила эту замечательную сумочку. Я тоже такую хочу.

Красавчик

— Дамы, прошу! — пожилой работник пункта проката показывает Бетти черный городской велосипед. — Вот этот должен подойти.

Бетти хватает руль, проверяет высоту сиденья и собирается сделать пробную поездку по двору. Из-за проблем с ногами, на которые мне пришлось надеть поношенные шлепанцы, мы с подругой решаем впредь передвигаться на велосипедах. Для этого нам не хватает только транспортного средства для Бетти.

— А вам идет! — кричит мужчина вслед Бетти. — И как долго вам нужна будет эта прекрасная вещица?

— До завтра, — отвечаю я за Бетти.

— Ага, — произносит мужчина рассеянно, ведь все его внимание приковано к моей подруге. Он следит за ней, круг за кругом.

Бетти пятьдесят, она на восемь лет старше меня. Моя подруга принадлежит к категории тех

женщин, которые с годами становятся красивее и выразительнее. Сейчас, когда она наворачивает круги по двору, это особенно заметно. Ее гибкие движения и стройное сильное тело выдают, сколько часов в неделю она проводит на коврике для йоги. У Бетти классические черты лица. Длинные волосы цвета платиновый блонд распущены; если и есть седые пряди, то они незаметны. Если вдруг однажды агентство Бетти обанкротится (что в принципе исключено), она сможет работать в качестве модели «лучшего возраста». Уверена, предложений будет достаточно.

— Беру. — Бетти резко тормозит прямо перед нами. — Просто супер!

— У нас только самое лучшее, — важничает работник и, кажется, теперь замечает мое присутствие. — А что насчет вас?

— Я ваш клиент, — указываю я на свой велосипед, который стоит у ворот, — уже как неделю.

— Ах, вот оно что, — отвечает мужчина с удивлением.

Видимо, я не произвела на него никакого впечатления. Как бы то ни было, прямо сейчас в моей сумке звонит телефон. Я достаю его и прихожу в ужас: госпожа Маллинкродт! Да еще и в субботу! Это плохой знак. Она явно обнаружила счет — и

теперь у меня будут проблемы. Я поспешно отхожу в сторону и отвечаю на звонок.

— Хорошо, что я до вас дозвонилась, — раздается в трубке голос госпожи Маллинкродт, — вы нужны нам на следующей неделе. Понедельник, девять утра, центральный офис в Гамбурге. Сможете приехать?

Я ошарашена. Это не то, что я ожидала услышать.

— Конечно, — ее тон становится доброжелательным, — мы выразим вам свою признательность. Я же могу на вас рассчитывать?

— В чем дело? — я беру себя в руки, и мой голос теперь становится более формальным.

В следующие несколько минут госпожа Маллинкродт обрисовывает мне совершенно изменившуюся ситуацию, вызванную разногласиями внутри судоходной семьи; между нами говоря, это можно даже назвать скандалом. В любом случае она тоже бессильна перед лицом всего происходящего и может действовать только задним числом. Короче, отставить все! Нужно начинать все сначала.

— Значит, речь идет о восьмидневном обучении? — уточняю я.

— Все верно.

— Хорошо, мне нужно будет перенести несколько встреч, это будет не так просто, — я делаю вид, что очень занята. — Но вы можете на меня положиться. Начинаем в понедельник утром.

В трубке раздается облегченный вздох.

— Что касается счета…

— …да, я только что увидела письмо. Уверена, мы найдем решение… В конце концов, обучение просто перенесено на более поздний срок. Если у вас возникли какие-либо трудности, то, конечно, мы отблагодарим вас, отблагодарим щедро…

Закончив разговор, я чувствую себя так, будто только что меня вытащили из стиральной машинки. Ситуация изменилась в мою пользу. А что самое приятное: мой отдых продлен почти на две недели. Вместо пустой квартиры во Франкфурте меня ждет куча работы в Гамбурге. Просто замечательно!

— Фрауке, ты идешь? — Бетти уже стоит с велосипедом у выезда со двора. — Я готова.

— О да! — Я подхожу к ней и закрепляю сумку в багажнике.

— Неужели случилось что-то фантастическое? — Подруга снова все заметила и теперь с любопытством оглядывает меня.

— Не поверишь, но мне позвонила госпожа

Маллинкродт. — Я быстро ввожу подругу в курс дела, рассказывая и о счете, который отправила утром.

— Вот такая Фрауке мне нравится! Все идет по плану, — из уст подруги это звучит так, будто она посвящает меня в рыцари.

До невозможности гордая собой и полная мотивации, я сажусь на велосипед и выезжаю со двора. Я хочу показать Бетти *мой город*: мы пересекаем Ильменау, проезжаем мимо Старого крана, символа Люнебурга, и погружаемся в, казалось бы, сотню маленьких переулков ганзейского города.

Перед кафе и ресторанами на солнце сидят люди, перед магазинами приглашают отдохнуть лавочки, а рядом с ними расположились цветочные горшки и яркие манекены. Мы катимся по улицам города и пробираемся к ратуше с ее просторной рыночной площадью.

— Послушай, а тут действительно оживленно! — Бетти слезает с велосипеда. — Пойдем выпьем эспрессо.

Бетти подбородком указывает на трехколесный скутер, переоборудованный в передвижное кафе.

— Ах да, я угощаю.

Я протискиваюсь рядом с подругой и делаю заказ у молодой продавщицы. Она энергично

возится с итальянской кофемашиной и подает мне два «эспресси».

— Ну, если так посмотреть, — взгляд Бетти блуждает по оживленной толпе, — тут безумно много молодых людей.

— Люнебург — студенческий город.

Я протягиваю подруге кружку.

— А еще, если учесть численность населения, Люнебург явно обыгрывает все немецкие города по количеству кабаков, — раздается глубокий баритон прямо у моего правого уха, — что, конечно, связано и со студентами.

Клас. Это определенно Клас. У меня по спине пробегают мурашки.

— Бетти, познакомься… — начинаю я.

— …я Клас, очень приятно, — мужчина протягивает моей подруге руку.

— Клас — лучший пекарь в городе, — добавляю я.

— Какой комплимент! — Клас хитро улыбается; судя по всему, у него отличное настроение. — Спасибо!

— А это Дереза.

Я наклоняюсь к таксе, которая с энтузиазмом обнюхивает мои босые пальцы ног, и глажу ее по длинной спине.

— Дереза и привела к тому, что мы… — начинает объяснять Клас.

— …познакомились, — добавляю я. — Дереза украла у меня морковку и…

— …и испортила Фрауке брюки, — завершает за меня Клас. — Кстати, удалось их отстирать?

Я киваю:

— Это оказалось проще, чем я думала.

— Так вы двое уже сработались, — включается в разговор Бетти, ее проницательный взгляд мечется между нами. — Это удивительно, скажу я вам. — Подруга отпивает кофе, пока ее слова проносятся по воздуху, словно полоса дыма.

— Выпьешь с нами кофе? — быстро спрашиваю я Класа.

— Вынужден отказаться, пекарня вызывает, — он уже поднимает руку. — Хорошего отдыха в Люнебурге. Наслаждайтесь!

Клас уходит размашистыми шагами, и мой взгляд задерживается на нем: его плечах, длинных ногах, отодвинутой назад кепке.

— Забавная пара, — Бетти тоже смотрит вслед мужчине, — этот огромный тип с крошечной собачкой.

Потом Бетти оборачивается и внимательно изучает меня.

— Значит, его зовут Клас, ага, — говорит она, и это звучит так уверенно, будто живой восклицательный знак.

Я чувствую, как краска приливает к лицу.

— Радуйся, — Бетти ставит чашку на небольшую стойку, — радуйся, что еще располагаешь к себе представителей мужского пола. По крайней мере, теперь ты знаешь, что на свете существует не один только Юстус.

Подруга снова удивляет меня своим хладнокровием и расчетливым характером. Но когда я это замечаю, она отмахивается:

— Нет ничего сложного в том, чтобы ясно видеть вещи со стороны. Но вот когда ты сам оказываешься в подобной ситуации, все происходит совсем по-другому.

— Что ты имеешь в виду? — странная нотка огорчения в голосе подруги заставляет меня задать этот вопрос.

Бетти пожимает плечами:

— Я уже тысячу лет не чувствовала ничего подобного: этих покалываний, этих бабочек в животе. Мы с Виктором так давно вместе, а другими мужчинами я особо никогда не интересовалась.

Бетти замужем уже целую вечность и всегда оставалась верна своему Виктору, в то время как

ее муж, успешный владелец галереи, спокойно наслаждался жизнью. Бетти отреагировала на это весьма креативно: когда они перестроили нынешний дом, она решила и дальше жить с мужем под одной крышей, но в разных квартирах. Они отпустили друг друга, но остались супружеской парой.

Бетти задумчиво качает головой:

— Нет, не могу вспомнить, когда я в последний раз краснела из-за какого-нибудь мужчины. Я не испытывала влюбленности уже очень-очень давно.

— Ну, — возражаю я, — в моем случае я бы не назвала это влюбленностью, хотя Клас, должна признать, и обладает харизмой.

— Да брось, — Бетти несогласно взмахивает рукой. — Твой пекарь — красавчик.

— Тише, — шепчу я и оглядываюсь по сторонам, — здесь все знакомы друг с другом. К тому же с чего ты так решила? Не ты ли только что утверждала, что не интересуешься мужчинами?

— Не интересуюсь. Но глаза-то у меня есть.

Я убираю пустую кружку и решаю оставить эту деликатную тему:

— Поехали дальше, нам еще надо взглянуть на Люнебург сверху.

— Ты арендовала самолет?

— Что-то вроде того. Это сюрприз.

Мы берем велосипеды и отправляемся к водонапорной башне.

Просторная смотровая площадка на башне возвышается над городом. С этого места должны открываться невероятные виды — по крайней мере, об этом мне по секрету рассказала госпожа Андерсон. Мы не спеша движемся по пешеходной зоне, проезжаем мимо внушительной церкви Святого Иоанна и вскоре оказываемся у водонапорной башни.

— Сколько ступеней надо пройти, чтобы оказаться наверху?

Бетти скрепляет оба наших велосипеда замком.

— Триста или около того.

— Что?

— Здесь есть лифт, пойдем.

Вместе с группой школьников мы втискиваемся в лифт и быстро едем наверх. Оставшиеся пару ступенек я без проблем преодолею и с поврежденной ногой.

Госпожа Андерсон не преувеличивала, когда говорила, что отсюда открывается потрясающий вид. Вдалеке даже можно заметить очертания

Гамбурга. Я показываю Бетти те места, в которых мы сегодня побывали, и те, куда нам еще предстоит отправиться. Люнебург раскинулся у наших ног, будто игрушечный городок.

— А где лавка твоего пекаря? — Бетти явно дразнит меня.

— Дай-ка посмотрю, — отвечаю я серьезно на ее вопрос. — Видишь ратушу? Пекарня прямо на соседней улице.

Я указываю пальцем в направлении пекарни и ухмыляюсь:

— *Мой* пекарь определенно произвел на тебя впечатление.

Посмотрим, смогу ли я обратить ситуацию против нее самой.

— Привлекательный парень, да. Но, к сожалению, уже занят. — Бетти дерзко улыбается. Я тоже.

— Скажи, — я становлюсь серьезнее, — тебе всего хватает?

— В данный момент?

Я легонько толкаю подругу плечом:

— Ты знаешь, что я имею в виду. Может быть, тебе чего-то не хватает в жизни? Мужчины, флирта, влюбленности, нежности? Виктор даже не был бы против, у него ведь свои любовные интриги.

— Не интриги, а подруги. Это его *подруги*, — Бетти широко раскрывает рот, словно лягушка. — Нынешняя очень даже неплохая, ее зовут Клео. Но возвращаюсь к твоему вопросу: нет, мне всего хватает. Да, кажется необычным, но я никому не доверяю так сильно, как Виктору. Если мне нужен дельный совет, я иду к нему; если предстоит неприятная встреча, он сопровождает меня; если у меня ломается машина, я звоню ему. Его имя я внесла в свое завещание, его имя стоит в документах на случай моей недееспособности. Я уверена, что он все делает для моего блага и будет рядом до последней минуты. — Бетти надувает губы. — Мы знаем друг друга уже несколько десятков лет, никто больше так не сможет. И что значит по сравнению с этим парочка любовных интриг? Тем более, Виктор — приличный человек.

— Это все очень хорошо, красиво и, безусловно, очень по-взрослому. — Я тихо вздыхаю. — Однако между мужчиной и женщиной есть еще кое-что…

— Да, есть, — Бетти перебивает меня. — Но что в конечном счете имеет значение? На чем строится крепкий брак? Разве это не безумие — отказаться от чего-то настолько драгоценного, что есть у нас с Виктором?

Я несколько раз молча киваю.

— Так где же находится бутик, — голос Бетти звучит так, будто она ведущая и просто переходит к следующему пункту повестки дня, — в котором ты купила эту фантастическую сумочку?

Я улыбаюсь подруге, кладу одну руку ей на плечо, а другой указываю по направлению бутика.

— Тогда вперед! — Бетти отталкивается от парапета. — Быстрее!

По-домашнему

Я просыпаюсь ночью от света луны. Молочно-белая, ее сияние наполняет мое гнездышко. Я переворачиваюсь на спину и смотрю на высокий декоративный фронтон в оконном проеме. Луна светит настолько ярко, что открытые балки на потолке отбрасывают тени.

Уверена, я скоро снова провалюсь в сон. По крайней мере, я надеюсь на это и переворачиваюсь на бок. Последние ночи я сплю как сурок. И это на самом деле удивительно, учитывая все произошедшее.

Я опять ложусь на спину.

Дома, во Франкфурте, я почти всегда плохо сплю: либо не могу успокоиться, либо ворочаюсь в постели до трех или четырех часов утра. Затем у меня в голове проносятся мысли — они катаются со мной на карусели, а потом пускаются прямо по дороге ужасов.

Интересно, Бетти тоже не спит? Она внизу, в

гостиной. Госпожа Андерсон, которая принесла постельное белье, помогла нам превратить диван в уютную гостевую кровать. Вообще, Бетти планировала поехать в отель, но я убедила ее остаться и теперь рада этому.

Разговоры с Бетти пошли мне на пользу, я действительно наслаждаюсь ее присутствием. Неужели Юстус все еще любит меня? Даже мысль об этом утешает. Не хочу умалять те чувства, которые вызывает во мне Клас, но Юстус — моя гавань. Я ощущаю себя уверенно и защищенно просто потому, что он рядом.

С другой стороны, наша совместная жизнь не делает меня счастливой. В этом Бетти права. Точнее, мне просто скучно. При этом я прекрасно понимаю, что многие женщины мечтают о таком мужчине, как Юстус, и о том, что он может им предложить. Почему я все усложняю? «Тебе грех жаловаться», — слышу я вдруг голос Юстуса так близко, будто он стоит прямо рядом со мной.

В этот момент я сажусь на кровати и пытаюсь нащупать на тумбочке маску для сна. Может быть, она поможет мне уснуть. Не могу найти. Наверное, я оставила ее в ванной.

Я выскальзываю из постели и тихо открываю дверь, стараясь не потревожить Бетти. На цы-

почках крадусь к соседней двери и в темноте на ощупь проверяю полки. Маска должна быть где-то здесь.

— Можешь спокойно включить свет, — раздается вдруг голос сзади, — я не сплю.

— Ай! — в следующую секунду я довольно сильно и довольно громко ударяюсь голенью о табурет.

Я потираю ушибленное место, включаю свет. Вот же она — вещь, которую я ищу. Хватаю маску, надеваю ее на волосы, как горнолыжные очки, и спускаюсь к Бетти.

— Сегодня полнолуние, — подруга полулежит на подушках и указывает на дверь, ведущую на террасу.

Я подхожу к окну и выглядываю из него. Дуб уходит высоко в синеву ночного неба, будто гигантский, вырезанный из бумаги силуэт. Из-за ветвей дерева ярко светит луна. Ее сияние пробивается сквозь ночь.

— Удивительно красиво. — Я поворачиваюсь к Бетти.

Подруга кривит рот:

— Я не могу уснуть, когда так светло. Дома я опускаю жалюзи, но здесь их нет.

Подруга указывает на мою голову, вернее — на

маску для сна.

— Милая вещица, — иронично подмечает она.

— Давай, — я оставляю без внимания ее комментарий, — выйдем на террасу.

— Что?

— Пойдем-пойдем, — повторяю я с энтузиазмом, — возьмем с собой одеяла, на улице не так холодно.

— Ну, я не знаю…

— Зато я знаю. — Я уже стою около дивана и пытаюсь забрать у подруги ее одеяло и подушки.

— Эй!

— Ну же, сходи на кухню и возьми вино, а я пока все обустрою на террасе.

Тихо ворча, Бетти исчезает в указанном направлении. Я в это время собираю одеяла и подушки, раскладываю их на шезлонге и кресле. Потом нахожу свечку и зажигаю ее. Когда я возвращаюсь на террасу, то вижу, что Бетти уже удобно устроилась в кресле. На столике рядом ждут два бокала с красным вином.

— Вау! — восклицает Бетти, когда я ставлю на столик свечу. — Так по-домашнему.

Я с блаженной улыбкой кутаюсь в одеяло.

— Подвинься немного. — Я кладку пятки на подставку для ног у кресла Бетти, и она охотно

уступает мне место.

Словно по команде, мы с Бетти поднимаем взгляд и обе смотрим на ночное небо.

— Красиво.

— И не говори.

Мы молчим. Молчим долго — как минимум по меркам нашей дружбы. Потом Бетти берет два бокала вина и протягивает один мне.

— За твое счастье! — Бетти поднимает бокал.

Я чокаюсь с ней и под тихий звон бокала отпиваю немного вина. Он полный и круглый. Как и луна.

— А здорово ты все это придумала, Фрауке.

— Что именно?

— Люнебург, эта квартира, твой тайм-аут.

— Да, — я киваю, — замечательно вышло; внутренний голос подсказал.

Я делюсь с подругой тем, как отдыхала раньше с семьей на Люнебургской пустоши и с каким теплом вспоминаю то время.

— Тебе стоит почаще прислушиваться к внутреннему голосу, — замечает Бетти, когда я заканчиваю свой рассказ. — Это идет тебе на пользу.

— Ты определенно права, но в обычные дни сделать это не так просто, — я улыбаюсь. — Наверное, мне нужен был сильный толчок, чтобы я

вспомнила о своей интуиции.

— Страдания помогают оторвать пятую точку от стула и начать шевелиться.

— Я только хочу понимать, что со мной будет дальше. Где? С кем? Знаешь, я и Юстус…

— Тсс! — Бетти прикладывает указательный палец к губам. — Дай себе время. Не нужно пытаться увидеть все и сразу. Потом все станет ясно. Если внутренний голос подсказывает тебе что-то насчет следующего шага, то этого достаточно. Ориентируйся по ситуации.

Я согласна с каждым словом Бетти. Нужна лишь смелость. И доверие.

— Я привыкла слышать от своего финансового эксперта, — мне просто жизненно необходимо сказать Бетти что-нибудь провокационное, — другие слова.

— Ты так думаешь? Да, я люблю ясность и логику, люблю, когда уравнения сходятся, а один плюс один дает два. Мне это нравится. Наверное, именно поэтому моя работа все еще приносит мне удовольствие. Но чтобы действительно хорошо консультировать и разрабатывать финансовые концепции, которые подходят именно моим клиентам, — для этого нужна интуиция. Без нее я не была бы человеком. — Бетти ненадолго замол-

кает, обдумывает что-то и добавляет: — Кто все планирует, тот не живет по-настоящему.

Мы знакомы уже так давно. Интересно, сколько лет? Я мысленно прикидываю и прихожу к выводу: пятнадцать. Но за все эти годы нашей дружбы таких разговоров у нас никогда не было. Теперь я открываю философскую сторону своей подруги, о которой до сих пор даже не догадывалась. Наверное, все дело в луне. В любом случае я затрагиваю тему, которая давно мучает меня. Делаю глоток, потом еще один — и решаюсь заговорить.

— Но некоторые вещи в жизни все-таки нужно планировать, — начинаю я. — Ты никогда не жалела о том, что у тебя нет детей?

Бетти молчит, поднимает глаза на дуб, ее взгляд теряется где-то в ветвях.

— Жалела ли я когда-нибудь о том, что не завела детей… — повторяет она тихо. — А на этот вопрос вообще есть ответ? Однозначный ответ?

Я смотрю на Бетти, на лице которой отражается мерцание свечи.

— Недавно меня осенило, что я никогда не стану бабушкой. Это так странно, хотя и совершенно логично. В моей жизни не произойдет стольких событий, определяющих жизнь с детьми: крещение, первый класс, выпускные экзамены,

университет, свадьба, рождение моих внуков. Когда у тебя нет детей, этот вопрос приобретает всё новые грани. От размышлений об этом никуда не деться, сколько бы лет тебе ни было.

Я киваю. У меня, как и у Бетти, нет детей. Но, может быть, так произошло само собой? В какой-то момент, каким-то образом.

— Некоторые женщины планируют свой брак и материнство, еще будучи выпускницами школы, — размышляю я вслух. — Например, одна моя школьная подруга решила стать учителем только для того, чтобы, будучи государственным служащим, иметь больше возможностей для воспитания детей.

— Круто. Может, она не смогла придумать ничего получше и решила устроить свою жизнь точно так же, как и ее мама.

— Может быть, это был умный поступок с ее стороны. — Я ставлю бокал на столик. — Кто знает?

Бетти закрывает глаза, поворачивает лицо к лунному свету и погружается в свои мысли. Лишь спустя некоторое время она продолжает:

— Долгие годы мысль о беременности вызывала у меня страх. Раньше мне казалось, что с рождением ребенка я потеряю привычный мир и саму себя. И я боялась этих перемен. — Бетти

поднимает руку, когда видит мое протестующее выражение лица. — Безусловно, я бы думала совсем иначе, будь у меня семья. У меня был бы совершенно другой опыт. Помнишь мою подругу Гудрун? Она не планировала становиться мамой, но родила ребенка — и была счастлива! Хотя она и говорит, что в другой ситуации никогда бы не стала матерью. Наверное, она чувствовала себя так же, как и я.

— А Виктор? Он никогда не хотел детей?

— Ты же знаешь Виктора, — Бетти кривится. — Он не годится для семейного очага. К тому же, когда я влюбилась в него, я не выбирала отца для будущих детей. Боже мой, как же мы были влюблены друг в друга! И как молоды! Он сделал мне предложение спустя три недели. Я согласилась. Мы были самыми счастливыми людьми на всем белом свете.

— А потом… У вас не возникло желания завести детей?

— Возникло. Только гораздо позже. Когда мне исполнилось сорок лет, я вдруг испугалась, что пропустила самое важное в жизни. Сразу же пошла к своему врачу, пообщалась с ней о возможности иметь детей, начала смотреть фильмы о парах, которым удалось родить детей благодаря

центрам репродуктивной медицины, и об одиноких женщинах, которые смогли забеременеть благодаря донорам.

— И?

— И поняла, что это не для меня. Шанс забеременеть естественным путем после сорока лет составляет меньше двух процентов. С искусственным оплодотворением дело обстоит не лучше.

— Ага, вот он снова — человек цифр. — Я тянусь за бутылкой вина. — Если бы я сегодня забеременела, то родила бы ребенка. Даже в сорок два года.

Бетти молча протягивает бокал. Я подливаю нам обеим, и мы откидываемся на подушки.

— Факты помогают внести ясность. По крайней мере, мне. — Бетти делает глоток. — Конечно, есть голливудские актрисы, которые и в пятьдесят лет рожают детей и активно делятся этим в социальных сетях, но это редкие исключения. Кроме того, когда я была в твоем возрасте, я просто не поняла, откуда взялся этот странный страх, который внезапно овладел мной. Возможно, дело было даже не в детях. Дело было в… Как бы тебе сказать… В быстротечности самой жизни. Когда тебе двадцать или тридцать, ты думаешь, что будешь жить вечно и что у тебя бесконечно много

сил. Но в сорок лет все внезапно меняется. — Бетти делает глубокий вдох. — Может быть, я просто боялась старости. Боялась того, что однажды рядом никого не окажется, что я больше не буду знать, где мое место.

Я сглатываю, ведь понимаю, о чем она говорит.

— Как ты справилась с этим страхом? — теперь мой голос становится тонким и хрупким, как стекло.

— Знаешь, что очень помогает? — Бетти приподнимается на подушках и с воодушевлением смотрит на меня. — Очень помогает осознание того, что в один момент ты уже не можешь стать всем и сразу. Я уже не стану балериной, оперной дивой, я не буду изучать в университете медицину и спасать мир. Время для этого прошло. И да, я уже не стану матерью. В какой-то момент я приняла это — и успокоилась. Я просто начала приводить себя в порядок, снова взяла жизнь в свои руки. — Бетти на секунду замолкает, а потом спрашивает: — Помнишь, как пять лет назад мы перестраивали с Виктором наш дом?

О да, я хорошо это помню. Тогда речь шла не о доме, а, скорее, о каркасе со стропильной фермой наверху.

— Мы собирались продумать столько все-

го: каркасную конструкцию, опорные балки, выложенный из кирпича камин, скат крыши, канализационные трубы и все, что только можно. Сначала я все это проклинала. Я ведь хотела воплотить свои идеи в жизнь и втиснуть их в планировку дома. Потом, слава богу, у меня закончились силы, и я стала искать то, что может предложить сам дом и что действительно возможно. А позже настал момент, когда я начала ценить то, что неизменно. В огромном количестве возможностей это стало моим ориентиром, рамкой, внутри которой я могла развивать абсолютно новые идеи. Сегодня самые красивые комнаты в доме те, которые позволили мне проявить творчество. Я просто без ума от них.

— Думаешь, надо принимать жизнь такой, какая она есть? А потом создавать из нее что-то прекрасное?

— В этом и кроется искусство! Боже мой, — Бетти поднимает руки к луне, — да мы с тобой просто счастливчики! Когда, в какое время, в каком уголке этой Земли были женщины, как мы с тобой? Мы независимы и свободны, мы можем формировать и устраивать свою жизнь. Что за невероятная привилегия! Давай воспользуемся этим!

Бетти, как это часто бывает, заставляет меня рассмеяться. Она светится от своей жизнерадостности и восторга так ярко, как звезды над нами.

— Давай-ка, — она снова поднимает бокал, — за твою свободу!

Мы чокаемся, а я думаю о Катинке. Она тоже желает мне свободы. А я? Я чувствую себя маленькой птичкой, которая сидит на самом верху своего вольера и не знает, улетать ей или нет.

Блестящая идея

Этой ночью все ощущается по-другому. Не только потому, что мы с подругой разговариваем и открываем друг друга с новых сторон, но и потому, что вокруг царит это особое состояние: насыщенная, глубокая атмосфера, чувство, будто весь мир на мгновение замер. Я не могу избавиться от впечатления, что вырвалась из временны*х* рамок. Чувствую, будто прошлое, настоящее и будущее встретились и слились в этот единственный час. Здесь, под моим дубом, при свете полной луны.

Потом Бетти уходит спать, а я остаюсь на террасе и сижу, закутавшись в одеяло. Впервые за долгое время я чувствую себя такой живой и бодрой.

— «И, широко расправив крылья, / Душа моя в тиши ночной / Неслась над спящею долиной,

/ Неслась как будто бы домой…»[5] — последние строки стихотворения «Лунная ночь» Эйхендорфа[6] слетают с моих губ, и я невольно улыбаюсь, вспоминая о своем романтическом порыве.

Где сейчас Юстус? Я задумчиво верчу в руках бокал с вином, в котором отражается луна, и думаю о моем муже. «Мой муж» — звучит как что-то чужое. Попробую еще раз: «Мой муж». А есть ли это на самом деле? Это «мой»?

Я поднимаю голову и смотрю высоко-высоко в ночное небо. Вдруг мое внимание привлекает одна из звезд. Эта звезда светится особенно ярко.

«Ты видишь ее, Венеру?»

Я вдруг чувствую рядом присутствие Юстуса. Одной рукой он обнял меня за плечи, а другой указывает на ночное небо: «Венера — самая яркая из всех звезд».

Мы сидим на небольшой рыночной площади где-то в Провансе, в крошечной деревушке. Хозяин гостиницы давно ушел спать, попросив задуть свечи, когда мы соберемся уходить. Перед

---

[5] Примечания: 5

Пер. А. Н. Плещеева (1825–1893). *Прим. ред.*

[6] Примечания: 6

Йозеф фон Эйхендорф (1788–1857) — представитель немецкого романтизма, поэт, прозаик, драматург, литературный критик и переводчик. *Прим. ред.*

этим он поставил на стол вторую бутылку вина и выключил свет.

Юстус обнаружил в меню местное кюве, которое было сногсшибательным в прямом смысле этого слова. Тогда он еще любил выпить. О, как он любил вино! Это было еще до всех его изменений. Юстус просто был мужчиной, в которого я влюбилась: остроумным, спонтанным, очаровательным, внимательным и умеющим наслаждаться жизнью.

Какое-то время мы сидим рядом и молча смотрим в ночное небо.

«Венеру невозможно не заметить, как и тебя», — шепчет он мне на ухо.

«Подлиза», — говорю я с нежностью и прижимаюсь головой к его плечу.

Эта ночь — одна из тех теплых летних ночей, которые слишком жалко тратить на сон. При этом нам даже не пришлось далеко ехать: прямо под большим кленом на рыночной площади стоит наш кемпер — кровать на колесах. Сине-белый фольксваген — коллекционный экземпляр и «невероятное предложение», как объявил Юстус с блеском в глазах. Спонтанная покупка. Не прошло и трех дней, а мы уже сидим здесь. Решили опробовать автомобиль, но проба затянулась.

«Какие у нас планы на завтра?» — Я ближе прижимаюсь к Юстусу.

«Давай просто покатаемся по округе, — говорит он, берет бутылку с вином и изучает этикету. — Château Fabuleux[7]!»

«Называть самого себя сказочным — это очень самоуверенно», — комментирую я.

«У нас есть повод поближе познакомиться с этой винодельней, как думаешь?»

Юстус вертит в руках бутылку в поисках нужной ему надписи маленьким шрифтом.

«Le Puy-Sainte-Réparade[8], — читает он на своем блестящем французском. — Это недалеко от Экс-ан-Прованса».

Во мне вдруг просыпается любопытство.

«Тогда в первой половине дня мы могли бы съездить на рынок на площади Ришелье, он замечательный. — Я приподнимаюсь. — А потом поедем к виноделу. Что думаешь?»

«Полагаю, что это блестящая идея». — Юстус нежно касается своим носом моего и целует меня.

Он действительно знал толк в поцелуях.

---

[7] Примечания: 7
Сказочное шато (*фр.*).

[8] Примечания: 8
Ле-Пюи-Сент-Репарад (*фр.*).

Из воспоминаний меня вырывает холод, и я сильнее кутаюсь в одеяло. «Наверное, стоило тоже пойти спать», — размышляю я про себя. Завтра я хочу насладиться с Бетти последним днем в Люнебурге. К счастью, госпожа Андерсон пошла на уступки и разрешила нам уехать из квартиры вечером. Теперь у нас есть целое воскресенье.

Я вздыхаю, быстро встаю. Хватаю под одну руку одеяло, под другую — подушку и тихо открываю дверь в квартиру.

В гостиной слышу ровное дыхание. Бетти крепко спит.

Я стараюсь не шуметь, осторожно притворяю дверь на террасу и пробираюсь по лестнице наверх. В комнате бросаю на кровать одеяло и подушку, сажусь рядом и хватаю телефон. Начинаю набирать сообщение:

Ты сегодня ночью видел Венеру?

Я отправляю сообщение Юстусу. Первый признак жизни спустя почти неделю тишины.

Тело тяжелеет, я ложусь на спину и натягиваю на глаза маску для сна. «Юстус, — думаю я, — где же ты? Что же ты с нами делаешь?»

В мыслях всплывает залитая солнцем рыночная площадь в городе Экс-ан-Прованс… поездка

в сказочное шато… улочки, которые вьются все дальше и дальше… голос Юстуса… его слова «Давай будем вместе»… его поцелуи. Обрывки воспоминаний проносятся в голове.

Начинает смеркаться… мы вдвоем перед кемпером, каждый сидит на деревянном ящике из-под вина… сверчки устроили вечерний концерт… мы пробуем на вкус новую покупку… потом Юстус делает мне предложение: «Ты выйдешь за меня?.. Пожалуйста, скажи да».

Я резко поднимаюсь в постели, убираю маску для сна и снова хватаю телефон:

Как ты мог все испортить?

Я падаю обратно на подушки. Наконец приходят тяжесть и усталость. А вместе с ними и Эйхендорф: «…Неслась над спящею долиной, / Неслась как будто бы домой…»

Провиант

Никогда бы не подумала, что госпожа Андерсон может пользоваться этим приложением. Я с воодушевлением хватаю телефон и в сотый раз открываю обзорную карту. Ага, вот мы и на месте. Я приближаю картинку и проверяю наше местоположение. Фух, все верно, и мы уже преодолели немалое расстояние.

Маршрут для нашей велопрогулки Бетти обнаружила сегодня утром. Во время запоздалого завтрака она решила пролистать небольшую книжку, в которой госпожа Андерсон оставила всевозможные советы для своих гостей. Так подруга и обнаружила велосипедные маршруты, которые через QR-код в ту же секунду оказались в моем смартфоне. Самый лучший из маршрутов мы приберегли для последнего дня в Люнебурге.

— И? Где мы находимся? — Бетти догнала меня и остановилась рядом.

Я наклоняюсь к подруге и показываю скрин-

шот карты.

— Так мы ведь проехали уже больше половины. — Бетти поднимает взгляд. — Думаю, пора сделать привал. И я уже даже знаю где.

Я следую за Бетти и вижу неподалеку обветшалую деревянную скамейку. Она расположена на небольшой возвышенности и окружена кустами можжевельника.

— Замечательно!

Я паркую велосипед и достаю из корзины провиант.

Бетти уже обогнала меня, и я с радостью наблюдаю, как она пружинящим шагом направляется к месту отдыха.

— Почему мы не устраиваем это чаще? — кричу я вслед подруге.

Дойдя до скамейки, я опускаю корзину на землю и упираю руки в бока. Вид, который открывается отсюда, завораживает: перед нами раскинулась целая вереница лугов, уходящих вдаль. За сосновым лесом мелькает крыша — вероятно, ферма.

— Что именно нам стоило бы устраивать чаще? Совместные велопрогулки? — реагирует Бетти на мой вопрос. — Я и не знала, что тебе это нравится.

— И я не знала, — я качаю головой. — Пока жи-

ла с Юстусом, отвыкла кататься на велосипеде. Постоянно эти гонки… Но с тобой мне нравится.

— Вот, возьми, — Бетти вкладывает мне в руку стаканчик, который достала из корзины, и наливает из термоса чай.

Потом подруга разворачивает пергаментную бумагу и достает два смазанных маслом ломтика хлеба, которые мы взяли с собой в качестве провианта. Бетти протягивает мне один бутерброд.

— Как вкусно выглядит, — я с удовольствием разглядываю бутерброд. — Прямо как раньше.

Я откусываю немного и улыбаюсь Бетти, соревнуясь с ней в уровне радости. Я нарезала хлеб на закваске из лавки Класа толстыми ломтиками, добавила немного руколы и оставшийся козий сыр — бутерброды получились на высоте. А на свежем воздухе, да еще и после велопрогулки, они вдвойне вкуснее.

— Как ты думаешь, можно попробовать время на вкус? — спрашиваю я, проглотив первый кусок бутерброда. — Клас рассказывал мне о том, как он печет этот хлеб. Одно только тесто готовится четыре дня.

— И поэтому симпатичный пекарь считает, что время можно попробовать на вкус? — Бетти скептически разглядывает бутерброд, откусывает

часть и задумчиво перекатывает ее во рту.

Потом моя подруга глотает, замирает и говорит:

— Вполне возможно.

— «Вполне возможно»? — такой краткий ответ меня не устраивает. — Этот хлеб просто фантастический! Только взгляни, — я подношу свой бутерброд Бетти прямо под нос. — Эти крупные поры. На такое способно только тесто на закваске, которому дали достаточно времени и покоя. Ты чувствуешь, насколько этот хлеб эластичный, я бы даже сказала, сочный?

Как бы в подтверждение своих слов я делаю еще один укус.

— Это просто невероятно, насколько он свежий! — добавляю я уже с почти что полным ртом и глотаю. — А этот аромат — такой густой, и насыщенный, и настоящий. — Теперь я подношу бутерброд уже к своему носу. — Он пахнет как… как… как здоровье, как сок и сила, как крупные зерна и теплое солнце. — Я снова вдыхаю аромат. — Ах, какое наслаждение!

— Ты тоже своего рода наслаждение, — Бетти улыбается. — Я действительно не знаю никого, кто получал бы от еды большее удовольствие, чем ты.

— Ах, ты просто меня дразнишь. Юстус тоже так постоянно делает.

— Ну нет ведь! — Бетти хватает меня за руку. — Как раз этого я не хотела. Я серьезно: восхищение, которое исходит от тебя, и то, как ты говоришь о еде, — это действительно что-то невероятное.

Я замираю. Никто никогда не говорил мне такого. Но разве Бетти не преувеличивает? Разве в этом действительно есть что-то особенное?

— Фрауке, я серьезно, — Бетти все еще держит меня за руку. — У тебя особый нюх, талант. Не каждому это под силу. Один только этот перекус, — подруга смотрит на свой бутерброд, который лежит на пергаментной бумаге у нее на коленях, — он такой… такой изысканный. Я не могу описать это словами. Я даже не знаю, где бы еще я смогла попробовать такой козий сыр.

— Ну, раз уж ты так думаешь. — Я смущенно убираю руку и тянусь за стаканчиком с чаем.

— Ты никогда не хотела сделать из этого что-нибудь?

— А что я могу из этого сделать?

Вот теперь Бетти действительно преувеличивает.

— В социальных сетях сейчас столько гурманов и лайфстайл-блогеров, которые обсуждают свои

любимые блюда, делятся разными историями, советуют, в какой ресторан сходить и что купить. Ты могла бы сделать что-нибудь подобное.

— Ты серьезно?

— Конечно! В отличие от всех этих самозванцев, у тебя действительно есть квалификация и самые лучшие рекомендации. Ты все-таки осваивала специальность по управлению гостиничным и ресторанным бизнесом и не один год работала в лучших заведениях Франкфурта.

Да, я так много работала в лучших заведениях Франкфурта, что однажды заболела: подозрение на профессиональное выгорание. Когда я снова встала на ноги, то вдруг почувствовала, что должна заняться чем-то новым. Постоянные ночные смены вымотали меня. Я уволилась со старой работы и записалась на курсы коучинга. После этого прошла несколько курсов по риторике и стала работать тренером по коммуникациям. При этом я всегда оставалась верна своей отрасли: ресторанам, отелям, туризму. Без контактов, которые дала мне моя прошлая работа, и без сарафанного радио я бы вряд ли добилась успеха. Сегодня мой бизнес развивается более-менее удачно. Если быть точнее, я ношусь с одной встречи на другую, а такие большие заказы, как от судоходной ком-

пании, — абсолютное исключение.

— Хм, социальные сети, говоришь. — Я пытаюсь остудить чай в стаканчике. — Ах, я не знаю.

— Ну и ладно.

Бетти облокачивается на спинку скамейки. Некоторое время мы молчим. Пьем чай, едим бутерброды, наслаждаемся живописным пейзажем.

— Что это там белое? — Бетти с задумчивым выражением лица указывает на опушку леса вдалеке.

И действительно: вдалеке вдруг появились белоснежные фигуры. Они спокойно бродят по пастбищу, с каждой минутой их становится все больше и больше.

— Гуси? — размышляю я вслух.

— Возможно. — Бетти щурится и моргает. — Но разве они не слишком большие для гусей?

— Без понятия. — Я застегиваю ветровку, ведь после бессонных ночей всегда немного мерзну. — Быстро доедим и поедем дальше, мне что-то холодно.

— Тебя не остановить! Фрауке, не смей превращаться в деревенщину!

— Ну уж нет, Лизбет, не бойся.

Я успокаивающе похлопываю подругу по бедру

и тут же вижу, как она закатывает глаза. Бетти всегда так реагирует на полную форму своего имени. А мне эта форма ее имени нравится.

Прошла всего пара минут, а мы уже успели собрать вещи и стоим перед нашими велосипедами.

— Завтра я точно почувствую свою пятую точку. — Бетти кривится и залазит на велосипед.

— А я ноги, — стону я. — Бетти, мы стареем.

— Ой, прекрати.

Я кручу педали и вспоминаю наш маршрут: до следующей деревни прямо, потом первый поворот направо. Или второй? Пока я пытаюсь вспомнить дорогу, мне в глаза бросается въезд на ферму. По обе стороны от него растут шесть лесных буков. Подождите-ка, надо притормозить.

— Что такое, Фрауке? Почему ты остановилась? — Бетти, которая ехала на пару метров впереди, теперь обернулась ко мне.

— Не знаю… — бормочу я, уставившись на въезд на ферму.

На краю стоит громадный фермерский дом, типичный для Нижней Саксонии: темный деревянный каркас, красный кирпич, белые окна с переплетами, которые выглядывают из-под большой соломенной крыши. Широкая деревянная

арка обрамляет утопленную в нишу, искусно вырезанную дверь.

— Красиво.

Бетти развернулась и теперь вместе с велосипедом стоит рядом со мной.

— Я знаю это место.

Мой взгляд скользнул к фронтону дома, где пересекаются две деревянные скульптуры — лошадиные головы. Они улыбаются. Лошадиные головы улыбаются — как и раньше.

— Бетти, на этой ферме я в детстве отдыхала с родителями! — кричу я. — Я все же нашла ее! Я не могу в это поверить!

— Наверняка это было замечательное время. — Бетти смеется. — Ты просто вне себя от радости.

Я восторженно киваю и не могу насмотреться на то, что было скрыто так глубоко в моих воспоминаниях.

— Все как и прежде, за все эти годы ничего не изменилось.

Мой взгляд начинает блуждать дальше по ухабистому мощеному двору и уходит прямиком в палисадник, увитый шарами самшита.

— Тогда взглянем поближе.

Бетти отталкивается от земли и медленно направляется к въезду во двор.

— Но ты не можешь просто взять и…

— Нет, я могу. Смотри! — Она указывает на белую эмалированную вывеску на одном из деревьев.

«Садовое кафе, ферма Лобекхоф», — написано на вывеске, а рядом с надписью виднеется длинная стрелка.

— Ага, — бормочу я вполголоса и следую за Бетти.

Когда мы проезжаем мимо шести буков, меня вдруг пробирает дрожь. Я слезаю с велосипеда и поднимаю взгляд на кроны деревьев. Сколько времени прошло с тех пор, когда я в последний раз была здесь? Сколько времени прошло с тех пор, как…

— Ну же, Фрауке, пойдем! — кричит Бетти.

Я снова сажусь на велосипед, игнорирую дрожь в теле и следую остальным стрелкам-указателям. Они ведут вокруг фермерского дома. За домом притаилось небольшое строение, старый хлев. Его соломенная крыша опустилась почти до земли. Там, где обычно расположен вход в хлев, — окна и стеклянная дверь. На двери изображен силуэт козы, а над ним виднеется уже знакомая мне надпись: «Садовое кафе».

— Кажется, это оно. — Бетти слезает с вело-

сипеда и закрепляет его в стойке. — Будешь капучино?

— Только если разрешишь тебя угостить. — Я паркую свой велосипед рядом с велосипедом подруги.

— Если ты так этого хочешь, то конечно. — Бетти наблюдает, как на соседней лужайке за столиками расположилось несколько гостей. — А я пока подыщу нам красивое местечко.

Мы разделяемся. Я с любопытством иду в старый хлев, чтобы сделать заказ. По пути рассматриваю новый, еще светлый штакетный забор вокруг клумбы с многолетником, любуюсь цветущими в металлическом горшке георгинами и фиолетовыми осенними анемонами по обе стороны от входа. Как же красиво!

Я захожу в кафе и удивленно оглядываюсь: за старым фасадом открывается просторное, выкрашенное в белый цвет помещение. Оно тянется до самого верха крыши, обнажая старый деревянный каркас. Я медленно прохожу в середину кафе и оборачиваюсь. «Нет, — размышляю я, — ничего из этого я не помню». Хотя… Мой взгляд останавливается на длинном балконе: не там ли наверху когда-то был сеновал, на котором я так любила прятаться? Я задумчиво разглядываю

деревянную лестницу рядом, которая встроена в поперечные балки. Кладу руку на закругленную перекладину, сужающуюся по краям. «Сколько же поколений поднималось и спускалось по этой лестнице?» — тихо спрашиваю я сама себя и провожу пальцами по дереву. Его мягкая, отполированная до блеска руками и ногами поверхность напоминает мне кусок прибитой к берегу коряги, которую не один год носило по морю.

— Я могу вам чем-то помочь?

Через распашную дверь в кафе заходит женщина с рыжими волосами, а за ней следует не сравнимый ни с чем запах свежего масляного пирога.

— Да, пожалуйста. — Я поворачиваюсь к женщине. — Два капучино и немного масляного пирога.

— Какой у вас тонкий нюх. — На щеках молодой женщины танцуют веснушки. — Я только-только достала пирог из духовки.

— Замечательно! Теплым он еще вкуснее, — радуюсь я и уже чувствую во рту маслянисто-сладкий вкус.

— Я принесу за столик, не беспокойтесь, можете идти.

— Спасибо!

Я разворачиваюсь, чтобы выйти на улицу, как вдруг вспоминаю: я знаю эту женщину.

— Скажите, а это я у вас покупала фантастический козий сыр? На рынке в Люнебурге?

— Да, у меня, — женщина улыбается. — Понравился?

— Не то слово! Такой сливочный бри, как вам это удалось? Редко встретишь такую текстуру. А камамбер! Он меня просто поразил. Невероятный аромат! Правда, вы просто мастер своего дела.

Кажется, мой кулинарный порыв позабавил фермершу, ведь веснушки на ее лице пустились в пляс.

«Может быть, в чем-то Бетти действительно права, — думаю я. — Возможно, моя любовь к еде — это некий талант, а не только причина лишнего веса».

— У вас хороший вкус. — Женщина внимательно смотрит на меня. — Я действительно рада, что мой сыр вам понравился. Секрет кроется в хороших ингредиентах, без них никуда, — тут же объясняет она. — Я использую только молоко, которое дают наши козы. Они пасутся прямо во дворе.

— Ах вот оно что! Те белые животные, которых мы заметили издалека, — ваши козы, — размыш-

ляю я вслух и протягиваю женщине руку. — Кстати, меня зовут Фрауке. Можем перейти на ты.

— Меня зовут Лив, рада познакомиться с тобой, — женщина крепко пожимает мою руку. — Не хочешь купить сыра?

Лив подбородком указывает на три холодильника со стеклянными дверцами у стены. На полках теснятся самые изысканные сорта. Вся эта картина так и манит.

— Нет, спасибо, — я разочарованно качаю головой. — Мы устроили велопрогулку и просто проезжали мимо.

Я изо всех сил сдерживаюсь, чтобы не открыть один из холодильников. Но что мне делать с сыром в номере отеля в Гамбурге, где я окажусь уже сегодня вечером? Лучше побыстрее уйти в сад.

В саду Бетти уже устроилась за деревянным столиком под могучим дубом. Ветви дерева раскинулись над ней, словно балдахин.

— Кто это там у тебя?

Я подхожу к столику и вижу на коленях у подруги светло-серый клубочек.

— Тсс! — Бетти окидывает меня строгим взглядом. — Он только-только уснул.

Непрерывное мурлыканье подтверждает слова подруги.

— Очаровательный котенок, правда? — спрашивает Бетти, когда я осторожно сажусь рядом с ней.

— У тебя в глазах светятся маленькие сердечки, — дразню я подругу, но, к сожалению, безрезультатно.

Я внимательнее осматриваю зверька.

— Да, котенок очень милый, у него такая красивая густая шерсть.

По реакции Бетти все сразу становится понятно: она очарована. Бетти не переставая гладит котенка по спине и глаз не сводит со своего нового друга.

— Это Клуни. — Лив подходит к нам сзади. — Наш завоеватель.

— Несомненно. — Я забираю две тарелки с очаровательным цветочным декором в стиле «бабушкиного дома». — Моя подруга только что влюбилась по уши.

Я знакомлю Бетти с Лив, а потом осторожно постукиваю вилкой по светло-коричневой корочке пирога. Она трескается, словно тонкая корка льда. «Вот таким должен быть масляный пирог», — довольно размышляю я. Лив — мастер своего дела. Сахар, которым она посыпала еще горячий пирог, карамелизовался. Об этом сви-

детельствует не только текстура, но и аромат, наполняющий воздух.

— Она постоянно делает что-то подобное. Все, что можно съесть, кажется Фрауке невероятно привлекательным, — слышу я объяснение Бетти и только сейчас замечаю, что обе женщины наблюдают за мной.

— Значит, она почувствует то же, что и я. — Лив прижимает пустой поднос к бедру. — Мне не терпится узнать, как ей на вкус мой пирог.

Лив и Бетти продолжают наблюдать за мной, как за своим личным подопытным кроликом. А я… Я делаю им одолжение и пробую пирог. Помимо карамели, чувствую утонченный дрожжевой аромат, много масла и воздушную, нежную текстуру. Пирог еще не успел остыть. Это просто божественно!

— Ей нравится, — комментирует Бетти, будто ведет прямую трансляцию. — Даже очень. Сто баллов из ста, я бы сказала.

Теперь подруга тоже тянется к тарелке.

— Вообще, у нас только что был пикник, но перед вашим пирогом просто невозможно устоять.

Бетти отправляет кусочек пирога в рот и шепчет:

— Замечательно.

Только тогда Лив довольно улыбается, оборачивается и уходит, оставив нас в хорошем настроении.

— Она похожа на Пеппи Длинныйчулок: рыжие волосы, веснушки… — Бетти задумчиво смотрит вслед удаляющейся женщине. — Вы знаете друг друга?

— Нет. — В голове проносится несколько дат. — Прошло около тридцати лет с тех пор, как я последний раз была здесь, на ферме. Лив тогда еще даже не родилась.

Я издаю тихий вздох:

— О боже, когда говоришь что-то подобное, то точно не чувствуешь себя молодой.

— Определенно, — подтверждает Бетти без всякого чувства такта. — Тогда где вы познакомились?

Я рассказываю подруге про рынок, сыр, остатки которого мы доели во время нашего привала, и про коз, которых видели издалека.

— Как думаешь, мы могли бы взглянуть на них? — Бетти вдруг начинает светиться от восторга.

— Почему бы и нет, можем спросить. Не знала, — я с улыбкой смотрю на подругу, — что ты любительница животных. Вот тебе и деревен-

щина…

Я все еще смеюсь, достаю из кармана телефон, проверяю наш маршрут и только потом смотрю на время. Сегодня Бетти планирует поехать в Любек, а я — в Гамбург, поэтому нам лучше поторопиться.

— У нас еще есть время на твой контактный зоопарк, — объявляю я и заодно открываю сообщения: Юстус так и не отреагировал на мое ночное послание. Но прочитал: об этом я узнала утром, когда увидела около сообщения две синие галочки.

— Юстус не объявлялся? — спрашивает Бетти, пока я прячу телефон обратно в карман.

Я качаю головой:

— Нет, но я и не надеялась на это. Юстус вообще не очень любит разговаривать. Это ведь часть его программы цифрового детокса.

— Я думала, немногословные мужчины давно вымерли.

— Вымерли? Не смеши меня, — я театрально закатываю глаза. — Давай немного подождем. Юстус полетел на Майорку, там ежегодно проходит его тренировочный лагерь по бегу. Это открывает большие перспективы.

— Перспективы чего?

— Вымирания! — восклицаю я. — Юстус и еще толпа сумасшедших бегают по горам. При этом они передвигаются по таким узким тропам, что кажется, будто они просто переломают себе все кости.

— Хм. — Бетти собирает вилкой последние крошки пирога. — Значит, ваши вкусы разошлись: он любит приключения, а ты без ума от масляного пирога.

— Предельно точно подмечено. — Я беру салфетку и вытираю рот от сахара. — Поначалу я даже принимала участие в его экскурсиях. Как минимум приезжала вместе с ним. Сидела одна в отеле у бассейна, чтобы вечером выслушивать рассказы о героических подвигах всей группы. Поверь, это очень быстро утомляет.

Бетти бросает на меня сочувственный взгляд, а потом переключает внимание на Клуни, который все еще мурлычет у нее на коленях.

— Но у вас же должно быть хоть что-то общее. Вы ведь женаты.

С точки зрения логики Бетти должна быть права. Но когда я вдруг задумываюсь, что у нас с Юстусом может быть общего, моя голова становится ватной.

— Как все было в самом начале? Когда вы по-

знакомились? — помогает мне Бетти.

— Ты имеешь в виду, когда Юстус взял меня на работу? Он тогда просто искал управляющего рестораном для «Ламберти», в который только-только инвестировал деньги. Ему понравилось, что у меня был какой-никакой опыт, а еще я знала, как обстоят дела в гастрономическом мире Франкфурта. Просто совпадение. Я понравилась Юстусу с первой секунды — вероятно, не только из-за своей квалификации. Рабочие отношения довольно быстро переросли в нечто большее. Об этом ты и сама знаешь.

Бетти морщится, а я погружаюсь в размышления.

— Когда я начинала работу в «Ламберти», это была небольшая лавка. Я даже не понимаю, зачем вообще решила туда устроиться. Но ты ведь знаешь Юстуса. — Я выпрямляюсь. — Он не просто так инвестировал в это место деньги, у него отличное чутье на восходящие звезды и…

— …но ведь именно ты сделала эту лавку известной, — Бетти сердито перебивает меня. — Ты, а не он.

— Я бы сказала, что ни он и ни я. Это место прославил сам Роман Ламберти. Без повара такого уровня мы бы ничего не достигли.

— Боже мой, опять ты преуменьшаешь. А кто с первого же дня начал привлекать нужных клиентов? Кто всех поразил? Ах, что я говорю, ты заразила каждого, кто переступил порог «Ламберти». И гостей, и персонал. Никто не смог уйти от твоей страсти к хорошей еде. Нет, не надо ничего говорить. — Бетти вскидывает обе руки вверх. — Мы с Виктором часто бывали у вас, и я знаю, о чем говорю. Там все горело! И ты разожгла этот огонь. Ты!

Бетти настолько разошлась, что Клуни спрыгнул с ее колен и убежал.

— Боже, Фрауке, — теперь Бетти по-настоящему разозлилась, — ты должна хоть раз отпраздновать собственные достижения, а не только достижения других.

Я сглатываю. Все это мне уже говорила мой психотерапевт, когда я была на грани выгорания. Меня к ней тогда направил мой терапевт. Пять лет работы на износ в ресторане довели до предела не только мое тело. «Свеча, сгорающая с двух концов» — так меня назвала психотерапевт после первого сеанса. А после еще пары сеансов я поняла, что мне нужен перерыв.

— С тех пор как я уволилась из «Ламберти», я больше никогда там не появлялась, — бормочу

я себе под нос.

— Все наладится, всему свое время, — голос Бетти снова смягчился. — В конце концов, речь не о ресторане, а о тебе. Ты обладаешь особым талантом. Такой талант есть не у каждого.

Заметив мой вопросительный взгляд, она прокашливается:

— Если не веришь мне, поверь Юстусу.

Теперь уже я выгляжу абсолютно растерянной. Подруга замечает это и добавляет:

— Разве не ты мне только что рассказывала, что у Юстуса отличное чутье на восходящие звезды? Неужели ты думаешь, что этот старый лис дал бы тебе полную свободу в «Ламберти», если бы не увидел в тебе ту самую звезду?

На мгновение что-то внутри меня отключается, потому что Бетти права.

Я это знаю. Так же, как я могу с уверенностью найти лучший козий сыр на всем рынке, Юстус находит чемпионов. Он не ставит на хромых лошадей, просто не ставит. Я проработала с ним достаточно долго, чтобы в этом убедиться.

— Пойдем, — голос Бетти вырывает меня из мыслей, — спросим Лив, сможет ли она показать нам своих коз.

Я киваю. Бетти права: надо идти, иначе день

просто пролетит. Но я буду еще долго думать над словами подруги.

Я быстро допиваю капучино и кладу под чашку купюру.

— Пойдем.

Когда мы подходим к старому хлеву, Лив уже движется навстречу.

— Мы сейчас закрываемся. — Женщина достает из кармана связку ключей. — Хотите что-то заказать?

— Нет, спасибо, — я качаю головой. — Но прежде чем уйти, мы бы хотели посмотреть на твоих коз.

— Можно? — добавляет Бетти, и ее глаза сверкают.

— Конечно, сейчас в любом случае уже время загонять их в хлев. Можете помочь мне, — отвечает Лив, запирая дверь кафе, и идет вперед.

Мы следуем за женщиной, обходим бывший хлев для овец, в котором теперь размещено кафе, и видим перед собой новое большое здание. Древесина еще светлая.

— Это новый хлев.

Лив распахивает ворота, пускает нас на пастбище, а затем открывает задвижку на двери.

Мы с Бетти с любопытством заглядываем

внутрь и удивляемся просторному помещению. Это место пока пустует, но в яслях уже полным-полно ароматного сена.

— Это лето выдалось таким засушливым, что наши луга почти перестали давать урожай. Теперь приходится подкармливать животных, — объясняет Лив. — Козы уже с нетерпением ждут своего ужина.

— А что вон там? Это балкон? — Я указываю на своего рода помост, к которому ведут разные пандусы.

— Что-то в этом роде. — Лив смеется. — Козы любят лазить, им нравится лежать высоко. Я решила учесть это при планировке хлева, ведь животные должны чувствовать себя хорошо. Впрочем, я от этого только выигрываю, потому что спокойных коз легко доить. Эти животные очень чуткие. Например, вы знали, — лицо женщины приобретает озорное выражение, — что козы являются биологической системой раннего предупреждения об извержениях вулкана? На горе Этна на острове Сицилия живет целое стадо коз. За много часов до того, как измерительные приборы сообщат о новом извержении, козы начинают вести себя беспокойно и прячутся. И люди все понимают.

— С ума сойти! — восклицаю я с удивлением и вместе с Лив иду за Бетти, которая уже убежала по направлению к стаду.

— Разве не так? — глаза Лив сверкают. — У животных есть своя система раннего предупреждения. Собаки, коровы и слоны тоже начинают вести себя странно за несколько часов до землетрясения.

— Ах! — Я останавливаюсь и изумленно смотрю на Лив. — Откуда ты все это знаешь?

— Я изучала в университете биологию. Меня всегда интересовали животные.

— Но ты ведь не работаешь биологом?

— Нет, здесь я скорее практик. Все мои друзья из университета сейчас стоят где-то в научных лабораториях. Они неплохо зарабатывают, но это точно не для меня.

Мы смотрим друг другу в глаза и понимаем, что Лив имеет в виду. Затем взгляд женщины скользит куда-то в сторону, кажется, она заметила что-то позади меня. Я непроизвольно оборачиваюсь и вижу вблизи, на опушке леса, сгорбленную фигуру. Эта фигура возится с разноцветными деревянными ящиками, выстроенными в ряд перед деревьями. Лив поднимает руку — они здороваются.

— Это наш профессор, — объясняет женщина. — Сейчас вереск на пустоши цветет, поэтому он устанавливает там свои ульи. Мед, который дают пчелы, просто замечательный. Я использую его, когда готовлю сыр.

Тут я верю ей на слово и уже жалею, что не купила его.

— Почему ты называешь его профессором?

— Потому что он и есть профессор. Он преподавал неврологию в Берлине. Уже лет как двадцать здесь неподалеку стоит его загородный дом. После выхода на пенсию он переехал сюда, обзавелся несколькими ульями и вагончиком, чтобы быть рядом с пчелами. Профессор так же увлечен животными, как и я. И, думаю, это его заслуга, что я начала изучать биологию.

Выражение лица Лив становится задумчивым.

— Когда я была ребенком, он умел рассказывать самые захватывающие вещи о животных, и меня это просто завораживало.

— А как дело дошло до коз?

— В один момент мои бабушка и дедушка просто стали слишком стары, чтобы заниматься всем этим. Они бросили фермерство и вскоре после этого умерли. Я тогда была еще молода, училась в университете, но сегодня понимаю, что жизнь без

животных просто была не для них. Поэтому они и ушли. Бабушка и дедушка умерли в один год.

На некоторое время наступает тишина, и в моей памяти всплывают супруги Пир и Эльфи — дружелюбная и трудолюбивая пара, которую я знала с детства.

— Ферма досталась мне в наследство, и после окончания университета я купила первых коз. Сначала продавала молоко молочному заводу, потом открыла собственную сыроварню, а в этом году — садовое кафе.

«Вот это да, — думаю я и молча восхищаюсь молодой энергичной женщиной рядом со мной. — Какая же она смелая!»

Тем временем мы уже догнали Бетти. Она стоит перед воротами и, кажется, не решается их открыть.

— Ты торопишься, — говорю я, когда мы распахиваем ворота. — Может быть, тебе стоило бы устроить отпуск на ферме. Думаю, тебе бы понравилось.

— Отличная идея! — Бетти подмигивает мне. — А ты рассказала Лив, что уже была на этой ферме?

— Серьезно? — Лив явно удивлена. — Должно быть, это было так давно.

— Боюсь, мне и добавить нечего, — я делаю удрученное выражение лица. — Разве что… Это было как минимум тридцать лет назад. Но в моем детстве здесь еще не было коз, были только овцы, коровы, куры, кролики и пятнистый пони. Я хорошо помню Пира и Эльфи… У них в доме была квартира, которую они сдавали отдыхающим.

— Это были мои бабушка с дедушкой, — Лив сияет. — Получается, ты их знала.

Я хочу продолжить рассказ, но Бетти прерывает нас (она обнаружила коз):

— Они вот там! Там!

Когда Лив распахивает ворота, Бетти снова обгоняет нас и бежит вперед.

— Ух ты, сколько же их здесь?

— Сто пятьдесят, — кричит Лив вслед моей подруге.

— Это просто невероятно!

Бетти вне себя от радости, и за эти два дня я снова открываю ту сторону своей подруги, о которой до этого не знала.

— Если бы ты упаковала для моей подруги три козы, — шучу я, — было бы здорово. Ах, и еще котенка, можно даже повязать ему бантик.

— Без проблем. — Лив заговорщически подмигивает мне.

Теперь и мы добрались до стада. Словно белая вуаль, козы рассыпались по бескрайнему пастбищу. Чем дальше мы обходим лес, тем больше их становится. Как только первые козы замечают хозяйку, они сразу подбегают к ней. Нас тут же окружают животные с рваными бородками, внимательными глазами и высоко поднятыми рогами. Мы проводим руками по их белоснежной шерсти, и я чувствую у своих ног множество маленьких носиков.

— А они любопытные! — удивленно замечаю я и отодвигаю в сторону голову козы, которая уже почти забралась мне в сумку.

— Козы смышленые и очень умные, — глаза Лив сияют. — Только будь осторожна: они любят красть все, что плохо лежит.

Я засовываю сумку под мышку и с восторгом оглядываюсь вокруг.

— Бетти! — кричу я. — Иди к нам! Это нужно обязательно запечатлеть на камеру.

Мою подругу тоже окружило стадо коз, и с каждой секундой их становится все больше и больше. Теперь Бетти движется к нам со своим прицепом — и сияет от счастья. Я достаю телефон, вытягиваю руку, проверяю, чтобы мы втроем помещались в кадр, и делаю снимок.

— А теперь пойдемте в хлев, — Лив берет инициативу в свои руки. — Я отправлюсь впереди, большинство коз пойдут сами, но вы можете подгонять их сзади. Всегда найдутся отстающие.

Сказано — сделано. Лив шагает впереди, будто Гамельнский крысолов[9], а за ней, то прыгая, то выгибая спину, движется энергичная свита. Мы с Бетти замыкаем и вскоре доходим до хлева. Животные толпой вбегают внутрь, и совсем скоро просторное помещение наполняется громким шорохом и чавканьем. Мы с Бетти притаились в стороне: стоим, смотрим, восхищаемся и не можем налюбоваться всей этой оживленностью.

— Мама, ты здесь? — Небольшая боковая дверь распахивается, за ней виднеется пучок каштановых волос.

— Да, Валери. — Лив переступает через перегородку и бежит к дочери. — Я тут.

— Чем занимаешься? Тебе помочь?

— Я сейчас буду доить коз. Конечно, можешь помочь.

Лив подходит к передней части здания и по-

---

[9] Примечания: 9

Речь идет о герое средневековой немецкой легенды, который с помощью магической флейты избавил город Гамельн от крыс, а после отказа магистрата платить за это вознаграждение околдовал и увел за собой городских детей.

ворачивает рычаг. Гул доильного аппарата наполняет пространство. В ту же секунду я чувствую на своем локте руку Бетти.

— Пойдем, Лив сейчас будет занята. К тому же у нас тоже еще есть планы.

Бетти права. Нам пора возвращаться в город. Нужно будет собрать чемоданы, передать ключи от квартиры госпоже Андерсон, а завтра — дела, тренинг по коммуникации в Гамбурге с госпожой Маллинкродт и ее компанией. Нам действительно нужно идти. Я собираюсь проверить время, достаю телефон из кармана и вижу: Юстус ответил.

Пожитки

Коричневая тряпка для окон скрипит в ее руках. Сначала скручивается, отдает всю влагу. Потом вода мощным потоком падает в ведро для уборки.

— Когда выйду на пенсию, поеду в круиз.

Госпожа Хельмштедт встряхивает тряпку, снова прижимает ее к оконному стеклу и начинает быстрыми движениями полировать его.

— Потом отправлюсь на Маврикий. Капитан будет стоять за штурвалом, а я буду сидеть на палубе и попивать какой-нибудь коктейль. Как было бы чудесно!

Я устроилась на барной стойке на кухне моего пентхауса во Франкфурте и болтаю с госпожой Хельмштедт, которая убирается у нас дома, а еще отвечает за стирку. Она приходит три раза в неделю, чтобы проверить, как идут дела.

Только вчера вечером я вернулась из своей поездки в Гамбург. Это были утомительные рабочие

дни, но все прошло успешно. Госпожа Маллинкродт и ее команда действительно бросили мне вызов. Как оказалось, у жителей Гамбурга и вправду была «потребность в общении». Немного вялая и пока еще не очень разговорчивая, я сижу с чашкой утреннего кофе и слушаю о мечтах, которые сама же пробудила в госпоже Хельмштедт. Когда она спросила, где я была, я рассказала ей о судоходной компании. С того времени все мысли женщины заняты одними лишь круизными лайнерами.

— Вы когда-нибудь бывали на таком гиганте прямо посреди океана? — спрашивает она меня чисто риторически, потому что ее воображение сейчас не оставляет места для ответа. — Мне кажется, это просто божественно. — Взгляд госпожи Хельмштедт устремляется в синее небо. — Вокруг стюарды в шикарной униформе, а вечером все отправляются на праздничный ужин.

Женщина с силой опускает тряпку в ведро, достает ее и снова отжимает. Потом приступает ко второму окну.

— А что там надевают? Наверняка длинные платья, да? — она поворачивается ко мне с вопросительным взглядом, и я улыбаюсь в знак согласия.

Я невольно представляю госпожу Хельмштедт рядом с молодым актером Сашей Хеном. Боже мой, в детстве мы были без ума от прекрасного Саши Хена! Мы с мамой не пропускали по телевизору ни одной серии «Корабля мечты». Пока мысли теряются в воспоминаниях, мой усталый взгляд все еще следит за тряпкой, которая скользит справа налево, сверху вниз. Наблюдать, как другие работают, — действительно успокаивающее занятие. И воспоминания о прошлом тоже. Воспоминания о том времени, когда все собирались ровно в 20:15 перед телевизором, чтобы вместе посмотреть новую серию. Ни о каком ТВ-марафоне и речи не шло.

Я сползаю с барной стойки, хватаю кофейник, который стоит напротив на кухонном островке, и наливаю себе еще одну чашку. Я почти две недели пила похлебку из автоматов, а теперь наслаждаюсь своим домашним фильтр-кофе.

— Не хотите кофе, госпожа Хельмштедт? — я снова приподнимаю кофейник.

— Нет, спасибо, в другой раз. — Женщина скользит взглядом по только что вымытым окнам на кухне, а потом смотрит на большие стеклянные панели на террасе.

— С террасой сегодня не управимся, — задум-

чиво бормочет она себе под нос и переходит на гессенский диалект. — Госпожа Зандер, вы не возражаете, если я помою остальные окна завтра? Мне сегодня до обеда еще нужно забежать к зубному, коронка на зубе шатается.

Словно в подтверждение своих слов, женщина проводит языком по ряду зубов; я вижу движение за ее верхней губой.

— Не проблема! — Я смотрю на кухонные часы. — Уже ведь почти одиннадцать.

У меня сводит желудок.

— Именно так.

Госпожа Хельмштедт выливает грязную воду в раковину, ополаскивает ведро и собирает средства для уборки. Потом уходит в коридор, а оттуда исчезает в подсобке.

«Одиннадцать часов, — думаю я, — через полтора часа я увижу Юстуса». Я со вздохом опускаюсь на один стул, отодвигаюсь вместе с ним назад и кладу ноги на второй. Мы договорились пообедать вместе, вернее побеседовать. Словно желая настроиться, я хватаю со стола телефон и пролистываю переписку. Останавливаюсь на его сообщении:

Дорогая Фрауке, я вчера вернулся с Май-

орки и заехал в меблированные апартаменты. Было бы здорово, если бы мы смогли встретиться и поговорить. Когда тебе будет удобно?

Я снова не понимаю своего мужа. Или, вернее, своего бывшего мужа? Зачем мне информация о том, что в апартаментах есть мебель? По крайней мере, он не остановился в квартире, но и не остановился в отеле. И что он имеет в виду под «поговорить»? Что-то типа «начать все с чистого листа» или, скорее, «покончить с прошлым», то есть поставить точку?

Я качаю головой. «Текст ни о чем, — размышляю я, — и вообще не имеет никакого отношения к моим сообщениям, которые, признаюсь, могли быть не самыми интеллектуальными». Я снова пролистываю переписку и перечитываю сообщения, написанные Юстусу в ту лунную ночь, когда мы с Бетти сидели на террасе:

Ты сегодня ночью видел Венеру?

И вскоре после:

Как ты мог все испортить?

Я убираю телефон в сторону. Боже мой, что это на меня нашло? Сначала скрытая сентиментальность, потом — упрек и атака в лоб, которая вообще ни к чему не привела.

«Такие уж они, женщины», — наверняка подумал Юстус, слегка пренебрежительно втянув правый уголок губ. Я в очередной раз предоставила ему доказательство своей чрезмерной эмоциональности. И притом неопровержимое.

Снова вырывается стон. По крайней мере, теперь я взбодрилась.

После курсов коучинга, когда я записалась на первые занятия по риторике, Юстус был очень воодушевлен. Но потом, когда я рассказала ему о своей идее бросить работу в его ресторане и стать тренером по коммуникациям, он, скорее, был шокирован. Он никогда не говорил об этом, но я видела это по его глазам. На секунду он посмотрел на меня как на какое-то уродливое насекомое. Может быть, тогда наш брак и пошел под откос?

Если верить словам Бетти, то Юстус так и не смирился с тем, что я уволилась из «Ламберти», что я захотела работать не на него, а на себя.

— Для таких, как он, это очень неожиданный сюрприз, — сказала тогда подруга. — Собственно говоря, ты порвала с *ним*, а не только с работой

в его ресторане.

Но правда ли это? Юстус так много мнит о своих управленческих качествах, своем хладнокровии и своем невероятном умении вести переговоры. В представлении Юстуса никто и ничто не может вывести его из себя. Даже его собственная жена.

Я снова застонала.

— Вы что-то сказали? — из-за открытой двери показалась голова госпожи Хельмштедт.

— Ах нет, ничего, — я качаю головой. — Просто задумалась.

Женщина на прощание поднимает руку, кричит:

— До свидания! — И снова исчезает в коридоре.

Я прислушиваюсь, как она достает из шкафа пальто, кричу вслед:

— Берегите себя! — и слышу, как щелкает входная дверь.

Тишина.

Фух. Я сглатываю. Наконец-то я осталась одна.

Когда я вернулась сюда вчера вечером, сил хватило только на то, чтобы дойти до кровати. Утром меня разбудил звонок в дверь: пришла госпожа Хельмштедт. Вообще, у нее есть свой ключ, но она всегда дает знать, когда собирается

войти в квартиру.

Я прокашливаюсь и осматриваюсь на кухне в поисках чего-то. Одиночество не моя сильная сторона, хотя я вдруг вспоминаю, что в моем гнездышке в Люнебурге это не было проблемой. Наоборот: в Люнебурге я наслаждалась тем, что могу побыть одна.

Но здесь, во Франкфурте? Я осторожно прислушиваюсь к самой себе. Паника, приступ пота, тахикардия? Медленно снимаю ноги со стула и слушаю свое тело. Нет, все нормально. Я чувствую себя хорошо.

Затем я поднимаю взгляд, осматриваю кухню и прилегающую к ней гостиную. Все как обычно: мебель стоит на своих местах, картины висят там, куда я их повесила. Исчезли только блендер для смузи Юстуса и его шейкер для протеиновых коктейлей. Все остальное на месте. Я напрасно боялась, что вернусь из Гамбурга в пустой дом.

Интересно, а госпожа Хельмштедт что-то заметила?

«Вряд ли», — размышляю я. Этот пентхаус кристально чистый. Все наши пожитки Юстус отправил во встроенные шкафы, которые архитектор спроектировал специально по его заказу. На каждом углу минималистичные двери, ко-

торые сливаются с деревянными панелями и обоями. Повсюду встроенные шкафы, все замеры произведены с точностью до миллиметра. И в ванной тоже. Юстус с помощником выделили даже для самого маленького флакона духов отдельное место.

«Отвратительно», — размышляю я и отстраненно делаю глоток кофе. Он остыл. Оставляю чашку на столе и встаю со стула.

Медленно направляюсь по коридору в спальню, открываю раздвижную дверь в гардеробную мужа и осторожно заглядываю внутрь: одежды Юстуса нет. Ни единой вещи.

Я возвращаюсь, теперь уже немного быстрее, в прихожую, открываю встроенный шкаф для верхней одежды. Выдвигаю огромные ящики, которые Юстус отвел специально для своей обуви. Пусто.

Я сглатываю. Медленно иду в гостиную. Опускаюсь в кресло, откидываюсь назад, пока кресло не начинает поддерживать спину. Чувствую прохладу и гладкость кожи под ногами.

А потом я сижу. Сижу долго.

Ничего не помню.

Трещина проходит сквозь меня. Вот один конец. Вот второй. А я… Я никак не могу собрать все

воедино. В голове вата. Я не знаю, что мне делать. Лишь когда все тело пробирает легкий озноб, мне удается вернуться в реальность. «Я всегда мерзла в этих креслах», — думаю я. Эта мысль совершенно ясна. Кожа холодная — и остается такой. Сколько бы ты на ней ни сидел.

Я со вздохом выбираюсь из кресла, подбегаю к оконному фасаду, открываю тяжелую дверь на террасу и выхожу прямо на свет. К счастью, сегодня солнечно. Я вытягиваю лицо вверх и позволяю лучам солнца согреть его. Надо мной — кристально чистое небо. Машины и вся городская суета остались внизу. Наш пентхаус расположился на восемнадцатом этаже. «Спокойствие, — размышляю я, — которое дарит мне высота, — это единственное, что мне всегда нравилось в нашей квартире». Вот это да! На секунду я сама себе удивляюсь, поворачиваюсь и смотрю на гостиную: «Неужели я действительно не любила в нашем доме ничего, кроме этой высоты?» Мой взгляд изучающе скользит по открытому пространству прямо передо мной: без единого выступа, без малейшей помехи деревянный пол в квартире переходит в светлые плиты из натурального камня, на которых я сейчас стою на террасе.

Я сбита с толку. Зачем вообще двум людям, живущим порознь, столько места? И столько хлама?

Юстус явно питает слабость к классическим элементам дизайна. Чтобы собрать их, он разъезжает по всей Европе. Со временем наш пентхаус стал его выставочной площадкой, его святилищем дизайна.

Особенно он гордится шестью креслами-тюльпанами вокруг круглого мраморного стола. Под потолком красуется незаменимый элемент — люстра-артишок. Раньше все эти слова ничего мне не говорили, но, будучи женой Юстуса, мне ничего не оставалось, кроме как разобраться во всем этом.

Юстус превратил нашу квартиру в модерн середины века. Он настаивал на паркете из дерева грецкого ореха, на латунной фурнитуре дверей, а еще на коврах, в узоре которых преобладают коричневые и красные тона. В качестве «резкого контраста», как выразился сам Юстус, служили дорогие черные кресла и гигантский, изготовленный на заказ и стоящий в центре комнаты кожаный диван. При желании на нем смогут поместиться человек двадцать, если не больше. Просто ужас! При взгляде на все это я издаю тихий

стон. Это черное страшилище в центре комнаты просто отвратительно. Провести на нем уютный вечер за чтением книг явно не получится.

Мой взгляд скользит высоко к потолку, к огромным порам бетона. Как же ужасно это смотрится. «Всегда ненавидела бетон, — размышляю я, — как ненавидела болтовню архитекторов о его “живости, структуре и тепле».

— Фу! — произношу я вслух, обращаясь к самой себе. — Серая, холодная и мертвая масса — вот что такое бетон.

Пока мои слова эхом проносятся по всей квартире, я вдруг начинаю чувствовать себя некомфортно в роли наблюдателя. Могу ли и имею ли я право прямо сейчас разнести в пух и прах собственный дом? Что вообще происходит? Это все из-за моей скрытой злости на Юстуса или я действительно жила в квартире, которая мне вообще не нравится? Жила в ней годами?

Как вопросы, так и ответы на них, которые зловеще маячат где-то вдалеке, лишают меня всякого самообладания. И не только. Они заставляют меня бояться.

Бояться собственной жизни.

Равнодушие

Как же я любила эти губы с чувственным изгибом. Это было первое, что привлекло меня в Юстусе. Тогда, во время нашего собеседования в «Ламберти». Я до сих пор вижу, как мы сидим друг напротив друга. Я, кандидатка на получение места, устроилась на самом краю стула, сосредоточенная, с прямой спиной. Он, высокий, элегантно одетый мужчина, немного отодвинулся от стола и свободно сложил свои худые, слегка загорелые руки на коленях. Он внимателен. Нет, скорее, он сосредоточен. Голос спокойный, почти что тихий, дружелюбный. И эти нежные, но такие выразительные губы.

Помню, как я старалась не только смотреть на них, но и слушать, понимать, что они говорят. Например, что Юстус рад, что нашел меня, и как он будет рад, если мы будем работать вместе.

Я влюбилась в него без памяти. С первой же секунды. А потом эти губы.

— С газом или без?

Вопрос вырывает меня из воспоминаний, из моего прошлого. Я растерянно поднимаю взгляд и вижу перед собой уже раздраженного официанта, который пока еще старается сохранять дружелюбный вид.

— Вам воду с газом или без? — повторяет он.

Я покашливаю, смотрю на официанта, потом на Юстуса.

— Фрауке, — теперь и Юстус покашливает, — нужно сделать заказ.

Он говорит со мной как с глупым ребенком, и я снова чувствую себя олицетворением ненадлежащего поведения.

Вот черт, я совершенно не в себе. Возвращение во Франкфурт, встреча с Юстусом — все это сильно подорвало мое состояние. Я сглатываю, беру себя в руки, поднимаю взгляд от губ Юстуса.

— Без, — я пытаюсь говорить тверже, но не могу сказать больше ни слова.

Получив ответ, довольный официант быстро уходит.

За нашим столом воцаряется молчание. Я не знаю, что говорить. Смотрю то на яркий древесный узор на столе, то на лицо мужа. «В один момент черты его лица стали странно чужими, —

размышляю я, — они приобрели какую-то новую резкость». Юстус всегда был немного похож на известного модельера Вольфганга Йопа, а сегодня это сходство стало максимально заметным. Наверное, все дело в его новых очках с круглыми линзами. Оправа массивная, черная, матовая. Резкий контраст.

— У тебя новые очки, — пытаюсь я начать разговор.

— Да. — Юстус поднимает руку и быстро дотрагивается до правой дужки, как будто хочет убедиться, что его очки все еще на месте.

— Тебе идет.

— Спасибо.

Снова молчание. В ресторане пока мало людей, мы пришли рано.

Я снова смотрю на древесный узор на столе, потом перевожу взгляд на лицо, ставшее чужим. «Кого или что оно мне напоминает?»

— Тебе всегда шел черный цвет, — снова начинаю я разговор, стараясь быть вежливой.

Юстус услужливо улыбается.

И моя вежливость, и его услужливость причиняют боль.

Официант подходит, быстрыми движениями ставит перед нами стаканы, наливает воду, рядом

со стаканами оставляет бутылку. И исчезает.

Мой взгляд начинает блуждать. Я рассматриваю накрахмаленные салфетки, этикетку на бутылке с водой, узкую рубашку мужа (он один из немногих, кому идет облегающая одежда) и, наконец, его загорелое лицо. Солнце Майорки оставило свой след. Но кого он мне напоминает? Да, конечно, Вольфганга Йопа, но есть что-то еще, что-то другое. Но что?

Пока я продолжаю с нарастающим любопытством рассматривать мужа, я вдруг чувствую, что взгляд Юстуса устремился на меня. Он становится твердым. Жестким. Будто готов начать защищаться. Я в испуге отвожу взгляд и смотрю на свои колени.

Почти что с облегчением я обнаруживаю стопку писем, которые нашла в прихожей. Я споткнулась об эту стопку, когда выходила из квартиры. Видимо, госпожа Хельмштедт проверяла почтовый ящик, забрала письма и сложила их там.

Я передаю письма через стол:

— Вот, это тебе.

Юстус берет письма. Его взгляд становится деловым и уже привычным образом сканирует отправителей.

Почти все из этих писем — приглашения. Я

знаю эту объемную бумагу, эти конверты нестандартного размера с защитным слоем. Конечно, в адресном поле указаны наши имена, но Юстус, как и я, прекрасно знает, что имеется в виду только он. Он крупный инвестор, желанный гость. Он бизнесмен, в мир которого я едва ли вписываюсь. Аппендикс. Бесплатное приложение. Пригласили, но не ждут.

Наверное, именно это чрезмерно естественное движение, это равнодушие, с которым Юстус взял стопку писем, внезапно вывели меня из себя.

«Может, кто-то из его компашки, — вдруг думаю я, — спросит обо мне? Может быть, кто-то из тех людей, с которыми я проводила не один вечер, вдруг заметит, что я не пришла?» И я имею в виду не привычное, брошенное вскользь «Уважаемый господин Зандер, вы одни, супруге нездоровится?». Нет, я имею в виду, станет ли кто-нибудь всерьез интересоваться *мной*? Будет ли кто-нибудь скучать по *мне*?

Где вообще мое место во всем этом мире Юстуса? Мое место, место Фрауке? *Кто* я для этих людей? Сувенир? Или, что еще хуже, экспонат в стиле «модерн середины века»?

Я горько смеюсь.

Муж растерянно смотрит на меня: снова ненад-

лежащее поведение. И теперь с меня хватит.

— Юстус, ты хотел со мной поговорить. Я пришла. Что ты хотел? — нарушаю я атмосферу ожидания.

Он берет стакан, пьет. Все делает почти что риторически. Ничто не выводит его из себя. Ну конечно.

— Ну что ж, — начинает он, — я думал, было бы хорошо, если бы мы поговорили, разве не так?

— Так начинай, — я делаю призывающий жест рукой.

— Что ж, я хочу тебе кое-что предложить.

Предложить? Я не верю своим ушам. Неужели именно это он подразумевал под фразой «…встретиться и поговорить»? Он спятил?

— Я задумался о нас, — продолжает Юстус. — Мне кажется, перерыв в отношениях пошел бы нам обоим на пользу. Как ты считаешь?

Мне становится жарко.

— Знаешь, — Юстус дружелюбно наклоняется вперед, опираясь на предплечья, — я писал тебе о тех апартаментах, где остановился. Жилье небольшое, но оборудовано прекрасно. Кроме того, хорошее расположение…

— Господа, — официант появился словно из ниоткуда, — если позволите.

Официант встал рядом со столом, держа в одной руке блюдо, а в другой — явно горячую тарелку. Я убираю свою салфетку со стола, и передо мной оказывается моя еда.

— Лосось в соусе терияки, глазированный бок-чой и пюре из батата с трюфелями, — раздается сзади.

Юстус, конечно, заказал салат, а я — дежурное блюдо. Хотя мой муж только что и разозлил меня, я не могу не обратить внимания на ароматную, искусно составленную композицию прямо передо мной.

Я с интересом рассматриваю свое блюдо: лосось и пюре из батата создают цветовое единство и, словно маленькая рамка, обрамляют бок-чой. Ярко-зеленая капуста расположилась прямо по центру тарелки. «Видимо, повар обдал овощи ледяной водой, — размышляю я, — ведь только так можно сохранить свежесть цвета».

Я беру вилку и нож, разрезаю рыбу. Воздушно-мягкая, она рассыпается. Не только ее текстура заслуживает внимания, но и аромат: нотки соуса терияки, в котором мариновалось блюдо, безусловно, присутствуют, но это не перебивает вкус рыбы. В этом есть какая-то хитрость. Повар явно знает, что делает.

Я с любопытством перехожу к пюре. Многообещающая кремовая структура. Подношу вилку ко рту и вдыхаю аромат. Ух ты, чувствуется запах трюфеля, даже немного резковатый, если меня не обманывает первое впечатление. Я осторожно пробую пюре.

— Фрауке?

Я задумчиво держу пюре во рту, изучаю все оттенки вкуса и пока не понимаю, нравится ли мне.

— Фрауке?

Я перевожу взгляд на своего мужа.

— Ты вообще слушаешь меня? — спрашивает мужчина.

Я сглатываю. «Он что-то говорил?»

— Неужели ты опять думаешь о еде? — Юстус возмущается. — Даже сейчас?

Он бросает свои приборы на край блюда, раздается опасный звон фарфора.

Я наконец проглатываю пюре, делаю вдох и задерживаю дыхание. Напоминаю себе, что не нужно раздражаться. Медленно выдыхаю. Тихо отодвигаю вилку и нож в сторону. Потом выпрямляюсь и складываю руки. Вежливо смотрю в сторону Юстуса. Слегка наклоняю голову, чтобы еще сильнее подчеркнуть демонстративное

внимание.

— Так что ты думаешь о моем предложении? — Видимо, Юстус успокоился. — Мы возьмем перерыв. Я пока останусь в тех апартаментах, а ты можешь пожить в пентхаусе. Это даст нам немного покоя, чтобы, так сказать, собраться с мыслями, все обдумать. Полагаю, хватит трех месяцев. А потом посмотрим.

— Трех месяцев?

— Да, до Рождества.

— До Рождества, — повторяю я, смотрю на мужа и не понимаю, что он хочет мне сказать.

Внезапно я осознаю, что он постарел. Впервые мне в глаза бросились наши двенадцать лет разницы в возрасте. Черт, я снова думаю о том, кого или что мне напоминает его лицо. И вдруг понимаю: замшевую тряпку для протирки окон госпожи Хельмштедт.

Пустяки

После определенного возраста каждый человек сам отвечает за свое лицо.

Альбер Камю

Я стою у стойки с почтовыми открытками, когда мое внимание вдруг привлекает надпись на одной из них. Я в полном замешательстве, но не могу удержаться от смеха. С трудом останавливаюсь, чтобы не купить эту открытку для Юстуса и не сунуть ее в следующую стопку писем.

Пытаясь отвлечься, захожу в один из тех временных магазинчиков, что теперь появляются повсюду во Франкфурте. Начинающие компании и просто творческие люди снимают помещения всего на пару месяцев и продают там свой товар. Я останавливаюсь, оглядываюсь, рассматриваю временное обустройство, товары и понимаю: у меня и так много всего. Да и настроения что-то покупать нет.

Я разворачиваюсь и выхожу на улицу. Бегу по

городу. Обед с мужем измотал мне все нервы. Чувствую себя разорванной на части. Не знаю, что думать, что чувствовать. Все онемело. И тут раздается телефонный звонок. Сначала я не хочу отвечать, но все же открываю сумку.

— Слава богу, Бетти, это ты! — Я прижимаю телефон ближе к уху.

— Фрауке, ты где? Я стою у тебя под дверью и хочу тебя увидеть.

— Ах, это же прекрасно! — Я сразу направляюсь домой. — Подожди, я буду через десять минут. Уже бегу!

И правда, не проходит и десяти минут, как я, запыхавшись, уже стою перед подругой и падаю в ее объятия. А потом начинаю плакать навзрыд.

— Все так плохо? — спрашивает Бетти и мягко отстраняет меня.

Я киваю. Подруга задумчиво изучает мое лицо.

— Пойдем. — Бетти разворачивает меня по направлению к входу. — Поднимемся в квартиру.

Автоматическая стеклянная дверь распахивается — и мы оказываемся в лобби. Бетти вежливо кивает консьержу, а я прячусь за подругой. Никто не должен увидеть меня с опухшим лицом. К счастью, лифт приходит сразу — и мы исчезаем в кабине. Сначала Бетти нажимает кнопку во-

семнадцатого этажа, а потом я чувствую, как она крепко держит меня за руку.

— Ты виделась с Юстусом? — Ее взгляд скользит по моему лицу.

Я киваю и говорю:

— Хорошо, что ты здесь.

— Ах, пойдем. — Бетти крепко обнимает меня, пока дверь лифта не открывается.

Она забирает у меня из рук ключи, открывает дверь в квартиру, заталкивает меня в прихожую, потом ведет на кухню. Там подруга подвигает стул и осторожно усаживает меня на него.

— Подожди. — Она подходит к холодильнику. — Я знаю, что тебе сейчас нужно.

Бетти уверенно открывает морозилку, достает бутылку аквавита и две замерзшие рюмки. Наливает в одну.

— Вот, — Бетти протягивает мне рюмку. — Выпей.

Я без возражений подношу рюмку к губам и выпиваю содержимое. Анис обжигает горло. Я коротко вздрагиваю и ставлю рюмку на стол. Бетти тем временем уже успела налить себе, и ее рюмка с тихим звоном опустилась на мраморную поверхность стола.

— Так, — Бетти придвигает себе стул, — а те-

перь рассказывай. Все рассказывай.

Я делаю глубокий вдох, чтобы перевести дух, а потом начинаю рассказ: о встрече с Юстусом, о том, как он меня разозлил, как неуместно я себя чувствовала, как меня отчитали — и как я растеряна теперь.

— Он хочет взять перерыв, — заканчиваю я свой рассказ, — на три месяца. Говорит, что мы должны все обдумать, чтобы потом… Я без понятия, что будет потом!

Я сдерживаюсь, чтобы снова не разрыдаться. Бетти это замечает, опять тянется за бутылкой и наполняет рюмки. Поднимает свою, говорит:

— За твое здоровье! — и делает глоток.

Я следую примеру подруги, выпиваю содержимое своей рюмки, вздрагиваю и откидываюсь на спинку стула.

— Где сейчас Юстус? — спрашивает Бетти.

— Наверное, в своих апартаментах, — я пожимаю плечами. — Он остановился в каком-то пансионате.

— И он собирается жить там до Рождества? А ты здесь?

— Да, — я киваю.

— Хм, — Бетти многозначительно вскидывает брови.

Я вопросительно смотрю на нее, изучаю мимику и ожидаю приговора.

— По сути, — начинает она после недолгого размышления, — это вовсе не плохая идея.

Я поражена.

— Это как раз то время, которое тебе нужно.

— Время для чего? — спрашиваю я, недоумевая.

— Для того чтобы понять, хочешь ли ты быть вместе с Юстусом, видишь ли ты свое будущее рядом с ним.

«Вижу ли я свое будущее рядом с Юстусом? Что? В этом есть какие-то сомнения?» — мысли с бешеной скоростью проносятся у меня в голове. Я чувствую, будто тону и хватаюсь за все, что проплывает мимо. Паника накатывает.

— Хэй! — Бетти машет рукой прямо перед моим носом. — Земля вызывает Фрауке! Здесь кто-то есть?

Я выпрямляюсь, Бетти подвигается ближе ко мне.

— А теперь послушай меня внимательно, — начинает она. — Помнишь Люнебург? Как мы пили за твою свободу под луной на террасе? — Глаза Бетти сверкают. — Теперь ты можешь попробовать эту свободу на вкус!

«Просто прекрасно», — думаю я. Но молчу.

— Я тебе уже говорила, что ты производишь впечатление несчастного человека. И я действительно задаюсь вопросом, подходит ли тебе совместная жизнь с Юстусом. Это то, чего тебе хочется?

Я начинаю стонать. Бетти хмурится:

— Фрауке, это твой шанс. Разберись, чего хочешь от жизни. А потом посмотри, вписывается ли в эту картину Юстус. Попробуй, пробегись, прыгни в воду — и потом прими решение.

Я опускаю голову, но Бетти поднимает мой подбородок указательным пальцем.

— Что думаешь? — она смотрит мне прямо в глаза.

— Я думаю, — удивляюсь я сама себе, — что Юстус постарел.

Бетти убирает указательный палец.

— Постарел?

— Да. — Я собираюсь с мыслями. — Я сегодня впервые об этом подумала. Он выглядит ужасно старым.

— Ну, — говорит Бетти дипломатичным тоном, — сейчас не совсем об этом. Потому что…

— Ох, Бетти, — перебиваю я, — я не это имела в виду.

Внезапно меня осенило: в этом году Бетти отпраздновала свое пятидесятилетие. А она, как и Юстус, значительно старше меня.

— Ты только не подумай, — я снова запинаюсь, — что я думаю, что ты…

— Ах, — она пренебрежительно взмахивает рукой, — не беспокойся. В свои пятьдесят я чувствую себя лучше, чем когда-либо. И красивее.

Бетти подмигивает мне. Слава богу.

— Нет, — отходит она от темы, — я понимаю, что ты имеешь в виду. Бывает, смотришь на близкого человека и думаешь: «Боже мой, как же он постарел». Мне знакомо это чувство, оно шокирует.

— Да, именно! — Я вся взбодрилась. — Не хочу этого.

— Чего именно ты не хочешь?

— Не хочу через пару лет выглядеть так же, как он. Как же так? Есть люди вроде тебя или Катинки, с которой я познакомилась на пустоши. Вам может быть сколько угодно лет, а вы все равно выглядите великолепно. Свежо, живо и красиво. Конечно, появляются складочки, — я ласково улыбаюсь Бетти, — морщинки. — Моя улыбка становится шире. — Но это вообще ничего не меняет. Вы сияете ярко и по-прежнему… молоды.

— Думаю, однажды становится ясно, как ты проживаешь свою жизнь. По людям прекрасно видно, довольны ли они, счастливы ли они. Ты ведь и сама знаешь, — словно в рекламе шампуня, Бетти проводит рукой по длинным волосам, — что истинная красота исходит изнутри.

— Но если это так, — говорю я задумчиво, — значит, Юстусу плохо. Очень плохо.

— Фрауке, это его проблемы, а не твои. Как минимум следующие три месяца. Забудь о нем до Рождества и займись собой. *Пожалуйста!*

То, как Бетти произносит последнее слово, заставляет меня прислушаться. Ее голос звучит убедительно, почти умоляюще. Я вдруг вспоминаю Класа — грубого пекаря, который решил сам выпекать и продавать хлеб. Я вспоминаю, как звучал его голос, когда он говорил о выпечке. Клас показался мне человеком, который точно знает, чего хочет от жизни. И плевать, что подумают другие люди.

— Ах, Бетти, — я тянусь через стол и сжимаю руку подруги, — ты чудо.

Я отвожу взгляд, смотрю на кухню, потом — на гостиную.

— Тебе здесь нравится? — спрашиваю я.

Бетти выпрямляется, осматривается.

— Да, конечно, — отвечает подруга. — Не люблю такое говорить, но у Юстуса прекрасный вкус. Дизайн в этой квартире чертовски хорош.

— Я боялась, что ты скажешь что-то подобное. — Я вдруг поникла. — Все так считают. А я…

— А ты?

— Мне все это не нравится, — я указываю взмахом руки на комнату. — Сегодня утром я обошла всю квартиру. Мне ничего здесь не нравится. Ничего!

— А что тебе нравится?

— Ах, я не знаю, — я указываю на буфет у противоположной стены, — но точно не это.

— Что ж, — переводит тему Бетти, — это великолепный модерн середины века, типичный для…

— Если я еще хоть раз услышу что-то про модерн середины века, — перебиваю я резко, — меня стошнит.

Бетти смеется:

— Вот так лучше! Продолжай.

Я осторожно улыбаюсь и набираюсь смелости.

— Тебе не кажется, что здесь ужасно холодно? — Я наклоняюсь вперед, демонстративно кладу ладони на мраморный стол. — Этот стол, этот кожаный диван — от всего этого я замерзаю. Ты тоже это чувствуешь?

Бетти не успевает ответить, а я продолжаю:

— Для Юстуса все это пустяки. Для него все это — вложение денег. Он приходит в восторг, если какой-нибудь элемент декора со временем начинает стоить дороже. То же самое и с виски. Да, Бетти, не надо на меня так смотреть. Мой муж не пьет ни капли алкоголя, но скупает старинные бутылки именно потому, что на данный момент они представляют для него выгодную инвестицию.

— Все как в искусстве. — Бетти делает глубокий вдох. — Есть тренды, и Юстусу нравится следить за ними.

— Да, но жизнь — это не инвестиция, — я вскидываю обе руки. — Моя жизнь — это не инвестиция!

Я снова осматриваюсь.

— Здесь все какое-то искусственное, нет ничего, — я пытаюсь подобрать подходящее слово, — ничего настоящего. Ничто в этой квартире не дышит жизнью.

— Пока ты не ушла в философию, — Бетти постукивает указательным пальцем по столу, — посмотри на все это с другой стороны. Какой должна быть квартира, чтобы ты чувствовала себя в ней комфортно? Какая она — квартира

Фрауке?

— Ах, я не знаю. — Я подпираю подбородок обеими руками.

— Ну же, плакаться может каждый, — в голосе Бетти вдруг слышатся нотки провокации. — Постарайся вспомнить: где в последний раз ты чувствовала себя хорошо? Подумай, куда ты вошла — и сразу ощутила себя как дома.

— В моем гнездышке в Люнебурге, — выпаливаю я, не успев задуматься.

— Отлично! А что именно тебе понравилось?

Я закрываю глаза, мысленно перемещаюсь обратно, в квартиру госпожи Андерсон. Открываю дверь, захожу…

— …мне нравился скрип половиц. Иногда они прогибались, когда я проходила по ним.

— А еще?

— Мягкий лен, которым был обтянут диван, а еще множество уютных перьевых подушек, которые я подкладывала под спину, когда читала… Дуб, раскинувший свои ветви над террасой, исходящая от дерева прохлада. Маленькие окна с переплетами создавали ощущение защищенности, мне так нравилось распахивать их, словно два крыла…

Бетти смеется. Я открываю глаза.

— Ты в своей стихии, — Бетти сияет. — Ничего не замечаешь?

Я качаю головой.

— Ты чувственный человек! Ты ощущаешь окружающий мир всем телом: окна, скрип половиц, мягкость льна. Вот поэтому ты так чувствуешь кулинарию! Юстус — визуал, да, он любит цифры. Но ты другая.

На секунду я чувствую, будто меня оглушили. Бетти права! Почему я вообще никогда этого не замечала? Я смотрю на подругу и не могу вымолвить ни слова.

— Фрауке, — вокруг глаз Бетти от смеха виднеются морщинки, — ты на правильном пути. Так держать!

Потом она встает и вытягивается всем телом.

— Мне нужно идти, много работы. Но прежде чем уйти, я схожу у тебя в туалет?

— Конечно, — я тоже выпрямляюсь, — ты знаешь, где он.

Бетти кивает и исчезает в прихожей. Я в это время прячу бутылку в морозилку и протираю столешницу.

Раньше, когда Юстус еще не был так одержим спортом, я приходила вечером из «Ламберти» и мы позволяли себе немного выпить. Совместный

ритуал так прочно вошел в нашу жизнь, что даже друзья знали об этом. Но эта мелочь, как и многие другие привычки, со временем куда-то пропала.

Я собираю рюмки, вытираю разводы на мраморе. Юстус прихватил с собой эти рюмки в каком-то из ресторанов в Провансе во время нашей очередной поездки. В нашем кемпере почти ничего не было: две тарелки, две кружки. В любом случае не хватало двух рюмок. Юстус пристально смотрел на них, пока хозяин ресторана наполнял их и ставил на столик. Они были достаточно маленькими, чтобы поместиться в кармане куртки. Конечно, я уговаривала Юстуса не делать этого. «Нельзя воровать, — сказала я тогда мужу. — Подумай хотя бы о своем собственном ресторане!» Но мой муж сам себе на уме. Если что-то задумает, то всегда доводит дело до конца. Когда мы выходили из ресторана, рюмки звенели на каждом шагу. Я была готова провалиться от стыда сквозь землю, а Юстус — нет. Он смеялся так громко, что никто ничего не услышал. Нам это сошло с рук.

Я несу рюмки в посудомоечную машину, загружаю их, закрываю дверцу и облокачиваюсь о столешницу. «Ах, Юстус, куда ты делся? Мне тебя не хватает. Я скучаю по тебе, по прошлому

Юстусу, по нашей прошлой жизни». Я сглатываю. Снова накатывает тоска.

Это возвращает меня к реальности. Я беру себя в руки. По крайней мере, пока Бетти все еще здесь, я не собираюсь снова плакать. Она так старалась подбодрить меня. Кстати, где она?

Я иду в прихожую и вижу подругу. Она стоит перед картинами и, кажется, погружена глубоко в свои мысли.

— Ты вообще знаешь, какие сокровища здесь висят? — спрашивает Бетти, когда я подхожу к ней. Коридор, который тянется вдоль всего пентхауса, увешан картинами моего отца. Юстус сказал, что они «не подходят по цветовой гамме», поэтому мы нашли компромисс и повесили картины в коридоре.

— Да, мне они тоже нравятся. — Я бережно провожу пальцем по рамке.

— У твоего отца был необыкновенный стиль, все кажется таким легким. — Бетти, все еще разглядывая картины, делает шаг назад. — В этом определенно есть что-то импрессионистское, но это не совсем точно определяет его стиль. Картины выглядят так, будто кто-то взбил подушку — и перья закружились в воздухе. В этих сюжетах есть что-то настолько легкое, что кажется, будто

они танцуют. И еще эта насыщенность красок, почти как в стиле барокко.

Как же красиво Бетти говорит о произведениях моего отца! Так приятно.

Мы медленно идем дальше по коридору.

— На первый взгляд, — Бетти смотрит на небольшой натюрморт, на котором изображены цветы в стеклянной вазе, — здесь только хаос. Но потом вдруг начинают вырисовываться очертания: здесь — изгиб вазы, там — блики света, а над ними — ярко-красные маки. — Подруга указывает на отдельные участки на картине. — Хочется узнать больше, увидеть больше, и ты погружаешься все глубже и глубже. Эта притягательная сила просто… просто необыкновенна.

Бетти внимательно смотрит на меня.

— Звучит прекрасно. — Я улыбаюсь. — То, как ты описываешь картины моего отца.

— Они *действительно* прекрасны.

— Что меня удивляет даже спустя много лет, так это их невероятная яркость. Даже ночью. Когда я не могу уснуть, я часто хожу здесь и рассматриваю картины. Кажется, что они сияют изнутри, будто в них заключен их собственный источник света.

Бетти кивает. Мы довольно долго стоим рядом,

погрузившись в молчаливое наблюдение. Я думаю об отце, о том, что он слишком рано умер. Эти картины — единственное, что осталось у меня от моего детства, от того времени, когда все было хорошо. Иногда, когда Юстус крепко спит, я подхожу к картинам и разговариваю с ними, как некоторые разговаривают со своими домашними растениями. Я уверена, что среди этих масляных красок живет душа моего отца. Когда я говорю с картинами, я общаюсь с ним. Я не могу представить свою жизнь без этого.

— Скажи, Фрауке, а ты не думала продать их?

У меня перехватывает дыхание. Я не верю тому, что только что услышала. Бетти не могла такое сказать.

— Не смотри на меня так, я лишь имею в виду, — она смотрит на длинный коридор и потом на террасу, — что за все это добро, пентхаус и так далее, платит Юстус?

Я все еще шокирована, стою с открытым ртом и не могу никак отреагировать на вопрос подруги. На самом деле мне и не нужно реагировать, ведь Бетти — мой финансовый консультант. Она прекрасно знает, кто за что платит в моей жизни.

— Думаю, Виктора могли бы заинтересовать некоторые работы. Он мог бы заехать и дать

предварительную оценку. И тогда ты будешь знать примерную сумму. Если подумать, — Бетти слегка вытягивает губы, — этот стиль мог бы даже вписаться в галерею Виктора. Идеальное отражение духа нового времени!

Подруга уже вошла в азарт.

— Ты наверняка знаешь, — продолжает она, — какой бум переживает рынок искусства. Настоящий ажиотаж. Новые имена, восходящие звезды, открытия, которые все хотят заполучить, — и цены взлетают до небес, — Бетти резко взмахивает рукой. — Если кто-то и может продвинуть работы неизвестного художника, так это Виктор. Поговори с ним!

Сначала я не произношу ни слова. В ушах все еще стоит гул: «бум», «восходящие звезды», взлетающие «до небес» цены. Эти слова я не могу и не хочу связывать с работами отца. Я чувствую, как начинаю злиться и больше не желаю слушать Бетти. Ей стоило бы прямо сейчас прекратить всю эту пустую болтовню. Но она продолжает:

— Фрауке, я хочу сказать, что тебе стоит как-нибудь задуматься о продаже. Тебе ведь нужен стартовый капитал для твоей новой жизни, поэтому поговори с Виктором, он…

— *Бетти*, — я резко перебиваю подругу, — пре-

крати! Меня *не* интересует продажа этих картин. Сам факт того, что ты думаешь об этом, ранит меня. Мне сейчас хватает проблем с Юстусом.

— Но в этом-то и дело, ты должна…

— Я ничего не должна, — я снова перебиваю подругу. — Мне надоели люди, которые указывают, что мне делать, а чего не делать. Бетти, — я медленно выдыхаю, — тебе сейчас лучше уйти.

После моих слов раздается лишь тихий щелчок закрывающейся двери.

Пусть полирует

Уважаемая госпожа Зандер!

С радостью сообщаю Вам, что Ваш тренинг по коммуникации нашел отклик у представителей компании. По результатам отзывов участников, Вы получили наивысшие баллы. Наша кадровая служба хотела бы, чтобы Вы провели тренинги и с другими командами. На данный момент мы рассчитываем на 30-40 учебных дней. Когда Вам будет удобно? Мы хотели бы начать в ближайшее время.

Надеемся на скорый ответ.

С наилучшими пожеланиями из Гамбурга,

Хелена фон Маллинкродт

Я закрываю почту, открываю калькулятор, умножаю свою дневную ставку на тридцать, потом на сорок — и теряю дар речи. Судоходная

компания вот-вот предложит мне самый крупный заказ за все время. В *моей* жизни так точно. Я бросаю телефон на матрас рядом.

Невероятно! Я не могу описать словами свое счастье. Настроение мгновенно улучшилось на все сто процентов. Я сажусь, подкладываю под спину подушку и прислоняюсь к стеганому изголовью кровати. «Правила игры изменились, — размышляю я. — Гамбург, плотный график, серьезная финансовая подушка. Что мне теперь с этим делать?»

Не успеваю я ответить на свой же вопрос, как раздается звонок в дверь. Несколько секунд. Потом я слышу уже привычное бренчание ключей в замке: госпожа Хельмштедт. Я наклоняюсь в сторону и тянусь за будильником: полдесятого, пора вставать.

— Доброе утро! — доносится через секунду голос госпожи Хельмштедт.

— Доброе утро! — отвечаю я. — Сейчас подойду.

Я резко сажусь на кровати. Итак, еще раз: судоходная компания хочет, чтобы я, в зависимости от распределения нагрузки, обучала команды в течение нескольких недель или даже месяцев. Это значит, что…

Экран телефон загорается. Сначала высвечивается сообщение, потом — фотография. Я открываю ее и вижу на фото Бетти, себя, молодую фермершу Лив и множество коз. Я улыбаюсь. Фотография выглядит красивой, радостной, полной жизни. Потом читаю короткое сообщение Бетти:

Смотри, селфи с козами. Помнишь?

— Ага, — с горечью замечаю я, — кто-то пытается наладить общение.

Вот только я не хочу. Я бросаю телефон обратно на кровать. Вчера Бетти действительно перегнула палку, и я очень расстроена. Как она вообще могла предложить мне продать картины отца? Она ведь прекрасно знает, что это единственное, что у меня осталось от него. Если не считать Юстуса, эти картины — что-то вроде моей… моей семьи. Из-за грубых слов Бетти я не спала полночи и задремала только под утро. Я от души зеваю.

Потом осматриваю спальню. Бетти права: я не потяну такой пентхаус без Юстуса. Даже в самых смелых мечтах не стоит на это рассчитывать! Как и на жизнь в центре Франкфурта, даже если госпожа Маллинкродт будет подбрасывать мне один заказ за другим. Но ради этого продавать картины отца? И вообще, стоит ли сейчас об этом

думать? Кто знает, может быть, у нас с Юстусом еще все наладится?

Я встаю с кровати, открываю раздвижную дверь в ванную и умываюсь холодной водой. Снова думаю о селфи с козами. Как же хорошо было на Люнебургской пустоши, на ферме с козами, но еще лучше — в моем гнездышке. Мне действительно не нужно больше ничего, кроме симпатичной квартиры, как у госпожи Андерсон. Квартира не должна быть большой. Уют — вот что самое главное.

Я возвращаюсь в спальню и останавливаюсь перед открытым, все еще не разобранным чемоданом на полу. Надеваю светло-голубую льняную блузку, купленную в Люнебурге. «Немного мятая, — думаю я, — но ничего страшного». Застегиваю пуговицы и начинаю одеваться.

Закончив с переодеваниями, я открываю дверь спальни и снова оказываюсь перед «Чертовым мостом». Картина висит на противоположной стене в коридоре, и я снова чувствую, будто она излучает свет и он падает прямо на меня.

Вряд ли кто-то, кроме меня, узнает сюжет на картине: настолько вразнобой находятся мазки кисти, которые танцуют на холсте. Но я узнаю Чертов мост и по-прежнему вижу перед собой,

как отец его рисовал. Я осторожно провожу пальцем по инициалам в правом нижнем углу холста. «Продать, — снова думаю я, — какая чушь!» Между тем я иду в гостиную, где уже с грохотом суетится госпожа Хельмштедт.

— Осторожно!

Я чуть не спотыкаюсь о ведро.

— О боже. — Я отхожу на шаг назад. — Обошлось.

Госпожа Хельмштедт уверенно продолжает работу. Видимо, сегодня она хочет помыть окна на террасе. Я прищуриваюсь и пытаюсь заметить хоть какую-нибудь грязь. На мой взгляд, никакой грязи нет. Окна чистые, как и вся квартира. Здесь стерильно как в больнице. Иногда я спрашиваю себя: «Зачем госпожа Хельмштедт вообще приходит сюда три раза в неделю? Нельзя же постоянно заниматься одной уборкой». Конечно, Юстус бы со мной поспорил. И мне все равно: это его деньги, его святилище дизайна. Пусть полирует.

Погруженная в собственные мысли, я стою на этой слишком большой кухне, слышу скрип замшевой тряпки госпожи Хельмштедт и вдруг понимаю, что больше не хочу этого видеть. Мне вообще все это не нужно.

Юстус завалил меня и мою жизнь всяким барах-

лом, о котором я даже не просила. С меня хватит. С этого момента я начинаю жить по-новому.

И я точно знаю, что *для* этого нужно сделать. Я бегу в спальню, закидываю чемодан на кровать и начинаю собирать вещи.

Громадина

— Госпожа Хельмштедт, если толкнете посильнее, то все сразу поместится.

Я опускаюсь на колени возле водительского сиденья и осторожно тяну рамку на себя. Госпожа Хельмштедт тем временем подталкивает ее снаружи.

— Влезло! — Женщина захлопывает багажник автомобиля.

— Спасибо! — кричу я в ответ.

Затем я поворачиваюсь, устраиваюсь на водительском сиденье, закрываю дверцу и завожу машину. Поехали! На прощание машу госпоже Хельмштедт через боковое стекло, и вскоре женщина исчезает из виду. Я разворачиваюсь и медленно пробираюсь по подземному лабиринту к выезду с парковки.

Останавливаюсь перед шлагбаумом, смотрю в зеркало заднего вида и облегченно выдыхаю, когда вижу «Чертов мост» на откинутых задних

сиденьях. Картина возвышается над чемоданом и сумками. Я не смогла уехать без нее, она просто обязана быть со мной. Все остальные, возможно, сочтут нелепым уезжать вместе с картиной, а особенно с такой громадиной. Но меня успокаивает, что картина рядом и я смогу поговорить с ней, если не усну ночью. Этого достаточно. И точка.

Я открываю окно, ввожу шестизначный код — и шлагбаум поднимается. Включаю поворотник и осторожно занимаю место в потоке машин, который, к слову, двигается медленно. На дорогах Франкфурта довольно оживленно: начиная с полудня пятницы люди толпами уезжают с работы домой, за город. До первого светофора приходится то и дело останавливаться. Надеюсь, на автомагистрали пока еще свободно. Не успеваю я спросить об этом навигатор, как раздается телефонный звонок. На экране системы громкой связи высвечивается имя: Хелена фон Маллинкродт. Это хорошо. Я отвечаю на звонок:

— Госпожа Маллинкродт, рада вас слышать!

— Взаимно! Хотела быстро сообщить вам, что наш план утвержден: можете приступать к работе в понедельник утром. Вам будет удобно начать в десять часов?

— Замечательно! В десять утра я буду у вас.

— Мы с нетерпением ждем встречи с вами. Хороших выходных и приятной дороги!

Мы перекидываемся еще парой фраз, а затем я нажимаю на экран и завершаю разговор. Я довольна.

— Все идет как по маслу, — произношу я тихо сама себе и продолжаю двигаться в сторону автомагистрали.

Еще перед тем, как начать собирать чемодан, я позвонила в судоходную компанию для подтверждения запроса. К счастью, я застала радостную госпожу Маллинкродт на рабочем месте, поэтому мы смогли сразу же составить план работы: теперь каждый понедельник, вторник и четверг я буду проводить в судоходной компании, обучая экипаж техникам коммуникации.

Какой прекрасный подарок! И не только потому, что я смогу неплохо заработать. Эти тренинги позволят мне уехать из Франкфурта. До Рождества.

А что будет потом? Об этом я пока предпочитаю не задумываться. Только одно я знаю наверняка: этот пентхаус никогда не был моим домом. Это был дом Юстуса. Я не собираюсь играть роль смотрительницы музея в его святилище дизайна, которое теперь застыло на три месяца. Юстус

хочет перерыв? Он его получит. Только вот я тоже сделаю перерыв, но по-своему.

Снова телефонный звонок: на этот раз на экране высвечивается «Бетти». Я не отвечаю. После пяти гудков звонок прекращается. «Ну и хорошо», — думаю я. Нет, меня больше ничего не держит во Франкфурте. Абсолютно ничего.

Единственное, что меня здесь останавливает, так это пробки. Я практически не двигаюсь с места, только жму на газ и тут же торможу. И так без конца. С моих губ срывается стон. Чтобы отвлечься, включаю радио.

— …И спрос на временное жилье растет, — раздается в машине, я узнаю голос и понимаю, что наткнулась на одну известную утреннюю новостную программу. — По оценкам, около двух миллионов немцев в настоящее время живут в меблированных квартирах, которые они арендуют всего на несколько месяцев. Немцев привлекают предложения о работе в других городах, но жизнь в отелях им надоела.

Интересно! Радиопередача прямо для меня. Вообще, я планировала остановиться в том отеле в Гамбурге, в котором жила во время последних тренингов в судоходной компании. Но, может быть, стоит рассмотреть и план Б. Я внимательно

слушаю дальше.

— Многие из таких «кочевников» являются фрилансерами или работают в таких прибыльных сферах, как IT, строительство или связь. Они хотят жить в полностью обустроенном доме, который соответствует их личному стилю жизни: с оборудованной кухней, уютным диваном. Но все это только на ограниченный срок. Ответом на такой мобильный образ жизни являются так называемые пансионаты. Тренд, который…

На этом моменте я выключаю радио. Мне нужна тишина, чтобы все обдумать. Насколько я помню, сын госпожи Андерсон тоже планирует обустроить в Люнебурге пансионат. Поэтому мне и пришлось уехать раньше из своей прекрасной квартиры. Он захотел переоборудовать весь дом. Интересно, насколько продвинулись дела? И сколько времени занимает дорога из Люнебурга в Гамбург? По моим подсчетам, добрых полчаса. А в судоходную компанию я должна приезжать всего три дня в неделю. Это не проблема, можно даже добираться на поезде. Остаток времени я смогу проводить в прекрасном Люнебурге: кататься на велосипеде, ходить за покупками на рынок и много чего еще!

Мне становится легко на сердце, когда я пред-

ставляю, что следующие три месяца смогу провести так, как хочется *мне*. Я снова вспоминаю фотографию с козами, которую Бетти прислала утром. Как же хорошо было на ферме у Лив! Как же замечательно я чувствовала себя на пустоши и в своем гнездышке под дубом.

Светофор снова загорается красным. Я хватаю телефон, открываю журнал звонков и пролистываю его вниз.

Всякая всячина

Улица Ваагештрассе, 18. Я смотрю на записку с номером дома, потом на фасад здания, потом — снова на записку. Это вообще возможно? Я уверена, что записала именно этот адрес: улица Ваагештрассе, дом 18. В точности так, как продиктовала госпожа Андерсон.

Я стою в самом центре Люнебурга и совершенно сбита с толку. Машину припарковала неподалеку.

«Вам лучше всего поговорить с моим сыном лично, — посоветовала мне госпожа Андерсон, когда я попыталась узнать у нее, как обстоят дела с пансионатом. — Спросите в магазине. Обычно он всегда на рабочем месте».

Но госпожа Андерсон не упомянула, что *магазин* ее сына — это пекарня. Вернее, *та самая* пекарня в Люнебурге.

Я недоверчиво качаю головой, но все же медленно поднимаюсь по ступеням к входу. Хочу

открыть дверь, но она заперта. И тут я вижу маленькую, уже знакомую мне табличку:

Закрыто! Все распродано.

Просто прекрасно! Я не удивлена. Разворачиваюсь, спускаюсь по лестнице обратно. Что теперь делать? Мой взгляд падает на вторую дверь, довольно неприметный вход слева. Разве не туда направилась Дереза, такса Класа, когда мы возвращались после ужина? Я с любопытством подхожу к двери и, конечно, на табличке вижу имя: «Клас Андерсон». Этого просто не может быть. Клас — сын моей бывшей, теперь вышедшей на пенсию, хозяйки квартиры. А значит, теперь он официально является владельцем *моего* гнездышка.

Я делаю глубокий вдох, собираюсь с мыслями и звоню в дверь. Вскоре раздается гудение, я нажимаю на ручку двери и захожу в крошечный, довольно темный коридор. Единственным источником света здесь является витраж во входной двери, бледный свет от которого падает прямо на лестницу. Не успеваю я ступить и шага вверх, как раздается громкий собачий лай. Дереза бежит по лестнице так быстро, насколько позволяют ее короткие лапки. Оказавшись рядом, такса

обнюхивает меня — и начинается настоящий танец радости. Дереза скачет так, будто мы с ней лучшие друзья уже как минимум десять лет, но, к сожалению, не виделись последние три года.

— Привет, Дереза! — Я чувствую себя польщенной. — Как же я рада тебя видеть!

Я на секунду наклоняюсь и глажу таксу по спине. Ощущаю рукой тепло густой шерсти.

— Как поживаешь, красавица? Где потеряла хозяина?

— Я здесь! — раздается сверху глубокий баритон.

Все происходит неожиданно, и я чувствую себя застигнутой врасплох за разговором с таксой. Поднимаю глаза, но никого не вижу.

— Тогда давай пойдем наверх.

Мы вместе поднимаемся по лестнице, при этом маленькой собачке приходится подпрыгивать на каждой ступеньке. Она добирается до самого верха, даже не запыхавшись. Надо признать, Дереза в отличной форме.

Я ощущаю ладонью приятную поверхность изящно изогнутых перил. В самом конце деревянной лестницы виднеется белая лакированная дверь. Она открыта. Видимо, мы пришли. По крайней мере, моя спутница сразу же забегает

внутрь. Я осторожно стучу и присоединяюсь к Дерезе, следуя за собакой в столовую. Квартира Класа в этом старом доме невероятно светлая, на мгновение меня почти ослепляет. В глаза бьет свет из трех больших окон напротив, одна из створок открыта.

— Привет? — Я останавливаюсь и осматриваюсь в поисках хозяина дома.

Вместо ответа слышу отчетливое шипение кофемашины. Кухня, должно быть, расположена слева. Дереза уже направляется туда. Ее коготки тихо цокают по дощатому полу. Я вижу Класа за кухонным островком, прямо как в ресторане. Он сосредоточенно возится с кофемашиной. Когда мужчина наконец поднимает взгляд, уголки его губ слегка вздрагивают.

— Подумать только. — Мужчина обращается к собаке: — И кого ты к нам привела?

— Меня, — отвечаю я вместо Дерезы. — Фрауке, если еще не забыл.

— Конечно, Фрауке.

Бровь вздрагивает вместе с уголками губ. Он улыбается?

— Будешь капучино?

Я нерешительно пожимаю плечами. Клас воспринимает это как знак согласия и уже го-

товит вторую чашку кофе. Очевидно, это более серьезное занятие. Оно сопровождается громким шумом от помола зерен, энергичным выстукиванием и наполнением рожка кофемашины, сильным шипением трубки, с помощью которой маэстро делает молочную пенку.

Поговорить в таком шуме не удастся. Что, кстати, дает мне возможность не только насладиться восхитительным ароматом кофе, наполняющим кухню, но и поближе рассмотреть мужчину. Клас одет в выцветшую джинсовую рубашку. Половина пуговиц расстегнута, манжеты болтаются. Волосы мужчины взлохмачены, справа на лице виднеется след от подушки.

Дело завершено: на блюдцах слегка звенят две чашки. Не начиная светских бесед и даже не спрашивая, что я делаю в его квартире, Клас несет чашки мимо меня в столовую. Мы с Дерезой идем следом, и я замечаю, что Клас одет только в яркие клетчатые боксеры. Я останавливаюсь. Когда мой взгляд задерживается на его обнаженных и довольно привлекательных ногах, кажется, до него наконец-то доходит.

— Ложился поспать, — бросает он через плечо. — Сегодня днем в пекарне было столько народу, что даже не удалось вздремнуть.

Кажется, его вообще не смущает, что он встречает гостей (и притом женщину!) без штанов. Мужчина спокойно ставит чашки на длинный деревянный стол и опускается на один из стульев. Подбородком указывает на второй. Я отодвигаю стул и замечаю, что точно такие же стулья были в моей квартире в Люнебурге. Я сажусь рядом с Класом. Дереза тоже ищет себе местечко, забегает под стол и ложится прямо на мои ноги. Эта маленькая собачка снова трогает меня до глубины души.

— Надеюсь, я тебя не разбудила, — начинаю я вежливо. — Извини, что ворвалась так внезапно.

Клас молчит. Никаких комментариев. Ни «Ах, ничего страшного», ни «Чем я могу тебе помочь?», и уж тем более ни «Какой приятный сюрприз». Вместо этого Клас берет со стола сахарницу и щедро добавляет сахар в кофе.

— У тебя здесь миленько, — я снова пытаюсь завязать разговор и демонстративно разглядываю столовую. — Я люблю светлые комнаты… И старые деревянные окна просто великолепны.

Клас снова молчит. Ладно, он занят перемешиванием сахара. Очень занят. И это, если честно, начинает меня злить. Этот тип просто невероятно самодоволен! Я решаю зайти с козырей.

— Меня прислала твоя мама, — начинаю я.

Наконец-то. Клас с удивлением смотрит прямо на меня. «Один — ноль в мою пользу», — думаю я, с удовольствием поднимаю чашку с блюдца, вдыхаю исходящий от нее аромат и делаю большой глоток. Капучино хорош, действительно хорош, настолько хорош, что я должна еще раз попробовать его. И еще раз. Ароматный, насыщенный, но такой мягкий на вкус. Удивительно! Интересно, что это за сорт зерен?

— А ты действуешь решительно, — голос Класа вырывает меня из размышлений.

Теперь я выгляжу растерянно, а мой собеседник только рад этому. Что он вообще имеет в виду под «действуешь решительно»?

— Это гондурасский высокогорный кофе, — Клас касается моей чашки. — Я покупаю зерна прямо в обжарочной фабрике, здесь, на пустоши. — Чувствуешь ореховые нотки?

Прежде чем я успеваю подумать о том, что Клас прочитал мои мысли, я делаю еще один глоток. И действительно: именно благодаря этим ореховым ноткам аромат становится таким полным и особенным. Я с удивлением убираю чашку. Не успеваю опустить ее на блюдце и хоть что-то сказать, как звонит телефон Класа.

— Хорошо, что ты перезваниваешь, — тут же начинает он разговор, встает, берет сложенный лист бумаги и расправляет его перед собой.

Я замечаю сзади на столе кучу писем, документов и папок, а среди них — закрытый ноутбук. Кажется, столовая служит Класу одновременно рабочим кабинетом. Я с интересом разглядываю документы: здесь есть планы строительства, планы местности, проекция *моего* дома на реке Ильменау. Короче, всякая всячина.

— Я получил новый план, — Клас совершенно спокойно продолжает говорить по телефону, — и заметил, что из-за дополнительной противопожарной стены сауна стала меньше. Это можно как-то исправить?

Остаток разговора я не особо улавливаю, потому что Клас подошел вплотную к краю стола и всем телом склонился над планом, опираясь на одну руку. Его небрежно застегнутая рубашка теперь открывает вид на мускулистую грудь с коричневыми волосами. Боже мой, надо взять себя в руки и перестать так смотреть. Вот это зрелище!

— Опять двадцать пять. — Клас вешает трубку и возвращается к столу. — Звонил архитектор. У нас сейчас большие проблемы со строительным

ведомством, пришлось ответить на звонок.

Я прокашливаюсь, бросаю:

— Ничего страшного, — и внимательно смотрю на остатки молочной пенки в чашке.

— Хочешь еще кофе? — тут же реагирует Клас.

— О нет, спасибо, ночью не усну, — быстро отвечаю я и вспоминаю, что мы как раз говорили о кофе. — Клас, тебе наверняка интересно, чего я от тебя хочу, — снова осторожно начинаю я, замечаю проклятую двусмысленность собственных слов, делаю вдох и быстро продолжаю: — В общем, мне нужна квартира. На следующие три месяца.

— Ого! — вот и все, что звучит в ответ.

— Знаешь, когда я последний раз была в Люнебурге две недели назад, мы тогда еще ужинали вместе, я останавливалась в квартире твоей мамы.

— Правда? — Клас явно удивлен. — Это была ты? Ты снимала квартиру на мансардном этаже, да?

— Все верно, — подтверждаю я. — Твоя мама рассказывала, что ты занялся домом и теперь предоставляешь временное жилье.

— Да, это так.

Клас встал со стула, чтобы закрыть окно: в квар-

тире становится холодно, особенно если сидишь в легкой одежде.

— В общем, я…

Я отрываю взгляд от его ног, смотрю на свои руки, потом на обручальное кольцо — и это сбивает меня с толку. Я вдруг спрашиваю себя: «По какому принципу вообще работает пауза в отношениях? Допустимо ли, например, сидеть в квартире полураздетого и невероятно красивого мужчины, любоваться его голыми ногами, смотреть на его грудь и при этом заикаться?»

— В общем, э-э… Я хотела спросить, могу ли я снять ту квартиру на мансардном этаже до Рождества?

— До Рождества?

Я киваю. Клас снова молчит. Откидывается на спинку стула и смотрит на меня безо всякого стеснения.

— Зачем? — произносит мужчина спустя некоторое время.

Н-да, признаюсь, это хороший вопрос. Вопрос, на который есть два ответа: длинный и короткий. Я выбираю второй вариант:

— Я тебе не рассказывала, что работаю тренером по коммуникациям? С недавних пор я сотрудничаю с одной судоходной компанией

в Гамбурге. Сегодня мне продлили контракт, следующие три месяца я пробуду там.

— Это упрощает задачу. В Гамбурге полно пансионатов. Для такого большого города этот концепт не новинка. Ты наверняка сможешь найти какой-нибудь хороший вариант и…

— Нет, — перебиваю я, — не хочу. Я, — вдруг во мне начинает нарастать паника, — *не хочу* ехать в Гамбург. Я не поеду туда ни под каким предлогом!

В этот момент, когда я вижу, как мои планы рушатся, все в один момент будто наваливается на меня. Я сглатываю и вдруг чувствую себя просто невыносимо: кризис в отношениях с Юстусом, ссора с Бетти, внезапное решение уехать из пентхауса. Я чувствую, как сильно и как отчаянно нуждаюсь в доме, настоящем доме, который мне подходит. В своем гнездышке.

— Я хочу остаться здесь, в Люнебурге, — мой голос звучит надтреснуто. — Мне было здесь так хорошо. Я чувствовала себя как… как дома. — Я сглатываю. — Пожалуйста, Клас.

Взгляд мужчины становится мягче. Он вздыхает, отодвигает мою чашку в сторону, хватает одну из своих бумаг и разворачивает ее прямо передо мной. Это та самая проекция дома, которая

бросилась мне в глаза. Клас становится позади меня и пальцем постукивает по бумаге. Я слежу за его пальцем и вдруг инстинктивно улавливаю запах: Клас пахнет свежим хлебом и лосьоном после бритья. Удивительно удачное сочетание.

— У нас большие планы. — Мужчина делает глубокий вдох. — В квартирах на нижнем этаже просто ужасное покрытие на полу. Его нужно демонтировать, чтобы мы могли отшлифовать старые доски. И в ванных комнатах предстоит много работы, большинство из них уже очень старые.

Палец мужчины скользит по отдельным этажам на бумаге.

— Кроме того, мне придется снести одну или две стены. У нас не останавливаются семьи, а для тех, кто живет один, спальни будет достаточно. Это значит, что нам нужно заново заниматься планировкой комнат.

С каждой новой фразой Класа я становлюсь все более поникшей. Для меня, для моего гнездышка все это звучит плохо. Очень плохо.

— Самые серьезные изменения коснутся первого этажа. Там мы планируем оборудовать места общего пользования. Помимо прачечной, которая нам не понадобилась в квартирах для отдыха,

там появятся тренажерный зал и сауна — конечно, только для жильцов пансионата. Эти удобства пользуются спросом. Кстати, стоит заметить, что именно они продвигают нас в поисковых запросах. Тот, кто решает остановиться в пансионате, знает, чего хочет. А еще у таких людей всегда есть в кармане несколько лишних евро.

Клас погружается в объяснения, а когда заканчивает, я начинаю бояться за свое гнездышко. Кажется, оно совсем не соответствует тем великим планам, в которые меня посвящает застройщик. Клас отходит от стола и садится на стул, будто собирается снова прочесть мои мысли.

— Как видишь, нас ожидает много работы, много шума от стройки, грязи, рабочих и всего того, что не хочется терпеть у себя дома.

Я грустно киваю. Даже не знаю, что сказать.

— Единственная моя проблема сейчас — это строительное ведомство.

Я настораживаюсь.

— Сложно даже вообразить себе, какие требования в наши дни предъявляют к пожарной безопасности. Не хочу утомлять тебя подробностями, но факт остается фактом: сейчас у меня нет разрешения на строительство. Весь процесс остановлен, нужно менять чертежи. На данный

момент я не могу тебе точно сказать, как долго ты сможешь жить в квартире.

Секундочку, мне не послышалось? Как долго я смогу жить в квартире? Сердце начинает биться чаще.

— Честно говоря, Фрауке, квартира на мансардном этаже — единственная, где предстоит не так много работы. Она и без того достаточно маленькая, идеальный вариант для одного человека. Пару лет назад в ней был ремонт. Может быть, нужно будет только покрасить стены, обновить ванную, купить умывальник и еще что-то по мелочи.

Что все это значит? К чему он клонит?

— Мой архитектор говорит, что будет хорошо, если мы получим разрешение до Рождества. Но пока начинать нельзя.

— Ох, — вырывается у меня из груди, словно из большого воздушного шарика.

— Не было бы счастья, да несчастье помогло, — Клас ухмыляется. — Я не против, можешь жить в этой квартире. Но ты должна понимать, что я не знаю, как долго это продолжится. Как только мы получим разрешение на строительство, здесь станет громко и неуютно. Придется уехать.

Я киваю. На данный момент меня все устра-

ивает.

— Когда ты хочешь заехать в квартиру?

— В идеале, — я расправляю плечи, — прямо сейчас.

— Прямо сейчас?

— Мои вещи уже ждут в машине на улице.

— Хм. — Клас поглаживает бороду. — Хорошо. С тех пор как ты уехала, квартира пустует. Честно, я без понятия, как она сейчас выглядит.

— Ничего страшного, с уборкой я справлюсь, — говорю я спешно и пытаюсь вспомнить, когда убиралась в последний раз: стиль жизни Юстуса оставил на мне свой отпечаток. — Сколько ты хочешь за аренду?

— Я думал об этом. — Клас хмурится. — Ты будешь жить здесь дольше, чем наши прошлые гости. Можно просто разделить ту сумму, которую ты платила моей матери, пополам. Как думаешь?

Я прикидываю сумму за три месяца. В любом случае выходит дешевле, чем в отеле.

— Звучит по-честному, спасибо.

Клас коротко кивает, потом долго смотрит на меня. Очень долго.

— Если можно, — я кладу руки на столешницу, — я пойду займусь переездом. Машина забита

до отказа.

— Да, конечно. — Клас выпрямляется. — Сейчас принесу ключи.

Мужчина исчезает в соседней комнате, а когда возвращается, на его лице играет улыбка.

— Если откроешь дверь в квартиру, а там все выглядит ужасно, — Клас с тихим бренчанием кладет ключи передо мной, — приходи обратно. У меня здесь есть диван, сможешь переночевать.

Я уверена, что его предложение с диваном совершенно не вяжется с той паузой в отношениях, о которой говорил Юстус. Я вежливо улыбаюсь. Пора идти.

Если бы я только могла… Под столом крепко спит Дереза. На моих ногах.

За тридевять земель

— И вот оттуда я что-нибудь возьму.

Я снова здесь: приехала за покупками на самый лучший рынок Германии. Просто прекрасно! Закупаюсь вдоволь, ведь холодильник пустой, а я планирую остаться здесь надолго, даже очень надолго.

— Лив, а упакуй мне, пожалуйста, чашечку творожного сыра с травами и кусочек камамбера.

— Да, конечно. — Женщина быстрыми движениями укладывает сыр в мою корзину для покупок. — Что-нибудь еще?

Я надуваю губы и принимаюсь задумчиво рассматривать прилавок.

— Еще осталось немного сыра с медом, — подсказывает Лив. — Мы готовим его редко, потому что меда не всегда хватает.

— Почему не всегда?

— Потому что я получаю мед от профессора-пчеловода, а он не производит его в больших

объемах.

Лив достает из холодильной витрины стальной поднос, на котором выложены в ряд четыре белоснежные сырные шайбы.

— Профессор не производит мед в больших объемах… — Я все еще ничего не понимаю.

— Я рассказывала тебе о нем, — лицо Лив становится снисходительнее, — когда ты приезжала ко мне на ферму.

И тут до меня доходит.

— Ах, я вспомнила, профессор из Берлина, который уже давно вышел на пенсию и теперь занимается пчеловодством. Ты благодаря ему начала изучать биологию, да?

— Именно так, — подтверждает Лив и кивает парочке, которая теперь вместе со мной стоит у прилавка.

— Я возьму все четыре сырные шайбы, — быстро решаю я, пока меня не успели опередить. — А где сегодня Валери?

— У соседки. — Лив заворачивает сыр в бумагу и улыбается новой покупательнице, которая уже заняла место позади меня. — У нее тоже есть дочка, ровесница Валери.

— Отлично, просто идеально. — Я забираю корзину.

Конечно, мне хотелось бы поболтать с Лив подольше, но я вынуждена уступить место. Покупатели толкаются, Лив очень занята. Всего за несколько минут за мной успела выстроиться целая очередь.

Я быстро расплачиваюсь и направляюсь к ларьку с овощами. Вообще, я там уже была, но теперь вдруг вспомнила об аппетитном миксе диких трав, который так и смотрел на меня с прилавка. Он идеально подойдет к запеченному сыру.

Когда покупки сделаны и корзина наполнена до отказа, я направляюсь домой. Из ратуши доносится звон карильона. В этот момент я уверена, что абсолютно все идет правильно. Маленькая квартирка в Люнебурге, крупный заказ от судоходной компании, покупки на рынке — все это настолько радует меня, что я ни капли не скучаю по Юстусу. Только сейчас я понимаю, что четырех сырных шайб вполне хватило бы на двоих. Ставлю тяжелую корзину на землю, смотрю на яркий, богато украшенный фасад ратуши и прислушиваюсь к звону карильона. Вместе с оживленной суетой на рынке, криками, смехом и бормотанием он создает звук, который переносит меня обратно, на площадь Ришелье в Экс-ан-Провансе.

Мы с Юстусом стоим на рынке у прилавка с ры-

бой и разговариваем о своем. Юстус предлагает купить меч-рыбу, я же настаиваю на морепродуктах. Мы пытаемся перещеголять друг друга аргументами, каждый нахваливает свой выбор, а сам торговец в это время выкрикивает на французском: «Meilleur poisson! Frais de la mer!»[10]

В итоге мы покупаем и меч-рыбу, и морепродукты, а еще хлеб, парочку кустовых помидоров и маленький букет цветов. Не знаю зачем, Юстус настоял. Потом один фермер разрешает нам припарковать кемпер на лугу, мы втискиваем все покупки на маленький столик и устраиваем настоящий пир.

Было время, когда мы с Юстусом могли наслаждаться вместе. В полной мере. Наслаждаться друг другом, жизнью, нашей жизнью.

Как же мы могли это потерять? Как?

Звон карильона стихает, а у меня в глазах стоят слезы. Наверное, слишком долго смотрела на свет. Я роюсь в сумке в поисках бумажных салфеток и вытираю глаза. Потом собираю корзину с покупками и направляюсь в последний пункт назначения на сегодня — пекарню Класа. Там я послушно становлюсь в очередь, а когда захо-

---

[10] Примечания: 10
Лучшая рыба! Только что из моря! (*фр.*)

жу внутрь, украдкой осматриваюсь в поисках пекаря. Класа нигде нет, как и Дерезы. Что ж, возможно, это к лучшему.

Когда очередь доходит до меня, я покупаю буханку хлеба на закваске, беру ее свободной рукой и тащу все покупки домой. «Теперь, — размышляю я, — нужно обязательно арендовать велосипед». Мне его ужасно не хватает.

Добравшись домой, я, тяжело дыша и балансируя с покупками в руках, поднимаюсь наверх и направляюсь на кухню. Вдруг раздается звонок в дверь. Кто это может быть? Я с нетерпением возвращаюсь в коридор и открываю дверь.

— Здравствуйте, госпожа Зандер! Как же хорошо, что вопрос с квартирой разрешился…

— Госпожа Андерсон…

— …мне позвонил сын. Вы хотите остаться у нас на три месяца? Это ведь просто невероятно!

— Да, — я улыбаюсь, — можно и так сказать.

— Я принесла вам чистые полотенца, — госпожа Андерсон вручает мне стопку, и я чувствую аромат свежести. — А это ключи от подсобки внизу, она находится за маленькой дверью в коридоре, — женщина кладет ключи сверху на стопку полотенец. — Мужчины о таком и не задумываются, — она на секунду кривится, — но вам

ведь нужно где-то стирать вещи, тем более вы у нас надолго. Пользуйтесь, пожалуйста, там есть все необходимое. Внизу есть пылесос, швабра и все, что нужно для хозяйства.

Мое сердце наполняется теплом, ведь и женщины, кажется, «о таком и не задумываются». По крайней мере, я. О том, где я буду стирать одежду, я задумалась только вчера вечером, когда стояла в своей маленькой ванной и смотрела на гору грязных полотенец, которые сама же там и оставила. Видимо, я слишком привыкла к госпоже Хельмштедт, которая, словно трудолюбивый гномик, незаметно выполняет все дела по дому. Как хорошо, что госпожа Андерсон не дает мне просто сидеть сложа руки.

— Если что-то понадобится, не стесняйтесь, заходите ко мне. Вы же знаете, что я живу в соседнем доме? Тогда хорошо. Так, теперь я вас оставлю, у вас наверняка много дел, а мне пора уходить. Кстати, который час?

Госпожа Андерсон торопливо смотрит на свои часы, говорит «ох» и, прощаясь на ходу, сбегает по лестнице.

Я благодарно вздыхаю, закрываю дверь и несу вещи в ванную. Как же приятно пахнет свежевыстиранное белье! Особенно когда оно благоухает

лавандой, как сейчас. Нет ничего лучше этого аромата.

Я делаю глубокий вдох — и в следующую секунду оказываюсь на провансальском лавандовом поле: фиолетовые цветы повсюду. Юстусу пришла в голову идея пройтись по полю и остановиться в тени раскидистого дуба. Он припарковал машину на обочине дороги где-то за тридевять земель, вытащил покрывало для пикника и зашагал вперед. Он не обращает никакого внимания на мои возражения о том, что фермер не сильно обрадуется двум немецким туристам, которые будут без спроса топтаться по его цветочному полю.

И вот я следую за Юстусом, несколько раз скептически оглядываюсь по сторонам, но не вижу ничего, кроме пустынного пейзажа. Полдень, стоит жара, и любой человек в здравом уме нашел себе местечко для отдыха в тени.

Но не мы. Точнее, не я, ведь Юстус уже скрылся где-то за свисающими до самой земли ветвями деревьев. Я следую за Юстусом, и в этот момент меня окутывает такой сильный аромат цветов, что я еле держусь на ногах. Кажется, запах лаванды можно потрогать руками — настолько густо он висит в воздухе. Ароматная дымка, оседающая на коже едва заметными капельками воды.

Капельки не тревожит ни малейшее дуновение ветра. Нет ничего, кроме этого аромата, и в его центре — я.

Дойдя до дуба, я чувствую себя опьяненной этим ароматом. Как другие погружают лицо в холодную воду, я ступаю в тень под дубом. Дерево раскинулось надо мной густой успокаивающей крышей. Все еще ослепленная лучами солнца, я моргаю, а потом оглядываюсь в поисках Юстуса. Когда я замечаю его, то не могу удержаться от смеха. Вот же он — Адонис, сбросил с себя одежду и теперь лежит, устроившись на животе на покрывале для пикника.

— Ага! — Я наклоняюсь и пробираюсь под кроной дерева к Юстусу. — Так вот откуда дует ветер.

Юстус бросает на меня хитрый взгляд. Затем я наклоняюсь к нему, кладу указательный палец ему на затылок и медленно, очень медленно провожу им по загорелой спине. Почти касаюсь бедер — и тут Юстус поворачивается.

Как же сильно я любила этого мужчину. Как же мы любили друг друга. В этом аромате, незабываемом аромате.

Я утыкаюсь лицом в полотенца, вдыхаю запах лаванды и всхлипываю. Я плачу и плачу, не пони-

мая, как все это могло произойти. Как мы могли потерять друг друга? Как?

Я сажусь на крышку унитаза, все еще пряча лицо в полотенцах. Наклоняюсь вперед, обнимаю колени. Все было покрыто лавандой. Все вокруг.

Проходит много времени, когда я успокаиваюсь, беру полотенца и вешаю их на крючок. Выпрямляюсь, подхожу к умывальнику и смотрю в зеркало. Я выгляжу плохо, глаза большие и красные. Я поднимаю руки и несколько раз хлопаю себя по щекам. Потом опускаю голову, чтобы смыть слезы. Взгляд падает на обручальное кольцо у раковины.

Странно. Я снова выпрямляюсь. Обычно я не забываю надеть кольцо утром, но сегодня забыла, и это очень странно. Я хватаю украшение, перебираю его в руках и смотрю на выгравированную на нем надпись: Pour tous les jours[11]. Когда я читаю ее, то понимаю, что больше так не могу. Просто не имею на это права. Я должна оставить прошлое в прошлом.

Сейчас я здесь. Только я. В Люнебурге. Сейчас речь идет обо мне. В течение следующих трех месяцев вход в мой дом и в мою жизнь Юстусу

---

[11] Примечания: 11
На каждый день (*фр.*).

запрещен. Что бы ни случилось, до Рождества мне нужно время для себя. Здесь и сейчас.

Я распахиваю ящик под умывальником и кладу кольцо в самый дальний угол.

Идеально

Выйдя из душа, я почувствовала, что это гнездышко наконец стало моим. Я убирала и полировала его весь день, даже вымыла окна. И если раньше в моих владениях и был какой-то незнакомый уголок, то теперь я знаю здесь все.

Я наклоняю голову вперед, вытираю мокрые волосы и заворачиваю их в полотенце. Не успеваю вытереться, как раздается звонок в дверь. Снова госпожа Андерсон?

Я набрасываю на себя махровое банное полотенце, закрепляю его на груди и спешу вниз.

— Госпожа Андерсон, — я распахиваю дверь, — вы…

Я вдруг замолкаю.

— Ой, Клас, это ты.

Удивленный взгляд скользит по моим голым плечам прямо к тюрбану на голове. Потом Клас улыбается:

— Извини, хотел проверить, все ли у тебя хоро-

шо. С квартирой все нормально?

Я киваю и замечаю в руках мужчины бутылку красного вина.

— Не хочешь, э-э… Зайти?

— Если не побеспокою, ты ведь…

— …я почти закончила, — торопливо отвечаю я. — Дай мне пять минут.

После этих слов я распахиваю дверь в квартиру.

— Дереза, — Клас оборачивается назад, — проходи.

И тут я снова слышу этот звук: цоканье крошечных коготков. Дереза преодолевает последний завиток лестницы, перепрыгивая с одной ступеньки на другую.

— Бедняга. — Я встаю на носочки, чтобы увидеть таксу. — Подниматься по этой высокой лестнице для нее все равно что совершать восхождение на гору.

— Движение — жизнь, — безучастно парирует Клас, а потом добавляет: — Дереза, поторопись!

Ну что за тип! Лучше промолчу.

Я направляюсь на кухню и ищу в шкафу хоть что-нибудь, из чего Дереза сможет попить. Нахожу поддон от цветочного горшка, мою его и наливаю свежую воду. Когда такса неуверенно

семенит в кухню, импровизированная миска уже стоит на полу. Дереза приветствует меня, коротко лизнув ногу, и подходит к миске. Хлюп, хлюп. Ушки покачиваются в такт глоткам. Два маленьких меховых треугольника. До чего же милое создание! Я с восхищением наблюдаю за Дерезой и расцениваю как благодарность взгляд, который она бросает на меня после питья. Без лишних церемоний Дереза подбегает к дивану и запрыгивает на него.

От удивления я открываю рот, но, когда хозяин следует примеру своего питомца и совершенно невозмутимо садится рядом на диване, я убегаю наверх, бросив:

— Скоро вернусь. Уверена, вы вдвоем справитесь. — А сама в этот момент качаю головой от удивления.

«Вот это да, — размышляю я. — Не знала, что собаки могут лежать на диване. Ладно, пускай лежит». Я снимаю полотенце с головы. Вообще, эта квартира Класа, и, кстати, мне нравится Дереза.

Я действительно быстро возвращаюсь в гостиную, полностью одетая и с почти сухими волосами. Эти двое все так же сидят на диване и в одинаковой степени радуются моему приходу.

— Не хочешь вина? — спрашивает Клас. — Я

тут принес какое-то, поставил на кухне.

— Не откажусь.

Я подхожу прямо к серванту, открываю бутылку и наполняю два бокала.

Мои гости тем временем уже подошли сзади.

— За твое здоровье! — я протягиваю Класу бокал.

— Будем здоровы! — отвечает он. — За твою остановку в Люнебурге!

Бокалы с тихим звоном ударяются друг о друга.

— Здесь все выглядит просто идеально. — Клас демонстративно рассматривает помещение.

— Еще бы, — бормочу я про себя, а потом сообщаю Класу о визите его мамы, прачечной и своей субботней уборке.

— Тебе нужна еще какая-нибудь помощь? — спрашивает Клас после моего рассказа.

Я на секунду задумываюсь и вспоминаю о велосипеде, которого у меня пока нет.

— Пойдем! — Клас ставит бокал на сервант, едва я успеваю сказать о своем желании. — В подвале кое-что должно быть.

Удивленная резким уходом Класа, я быстро хватаю связку ключей, прикрываю за собой дверь и следую за мужчиной. Не хочу мучить Дерезу спуском и очередным подъемом по лестнице,

пусть лучше подождет наверху. В подвале мы с Класом действительно находим велосипед. Красная краска на нем давно выцвела.

— Это велосипед моей мамы. — Клас достает его из угла и ставит прямо передо мной. — Сейчас проверим колеса.

«Выглядит хорошо», — размышляю я, пока мужчина нажимает сначала на переднее, а затем на заднее колесо. Колеса в полном порядке.

— То есть я могу взять его? А как же твоя мама? Он ей наверняка нужен.

Клас качает головой:

— Все в порядке, у нее есть новый шикарный электровелосипед. А об этой развалюхе она и слышать не хочет.

— Что ж, если так, — я внимательно рассматриваю свое новое транспортное средство, — то я с удовольствием воспользуюсь им. Можешь, пожалуйста, вынести его на улицу? Или его там могут украсть?

— Не думаю.

Клас берет велосипед и уже поднимается вместе с ним по лестнице. Я закрываю дверь подвала и следую за ним. Пока Клас паркует велосипед перед домом, я защелкиваю замок и вспоминаю о другой проблеме: «Чертов мост».

— Ах, Клас, мне нужно еще кое-что…

— Выкладывай.

— …в моей машине, — я указываю на противоположную сторону улицы, где из бокового окна машины виднеется рамка картины.

— Что там?

— Картина. — Я направляюсь к машине. — Мне нужно занести ее в квартиру, но одна я не справлюсь.

Я открываю багажник, и Клас заглядывает внутрь.

— Да уж. — Клас поглаживает бороду. — Одна с этим гигантом ты действительно не справишься.

Затем Клас смотрит на меня. Критически оценивает.

— Послушай, но ведь ты мне рассказывала о работе в судоходной компании в Гамбурге. — Мужчина делает небольшую риторическую паузу. — Зачем тебе в квартире картина, да еще и такая большая?

— Это не для работы.

— Вот как.

— О нет, — отвечаю я его же тоном и обеими руками поднимаю картину. — Может быть, просто поможешь?

Клас вскидывает брови, отодвигает меня в сто-

рону, вытаскивает картину из машины и несет в дом.

— Открой дверь, — командует он.

Я быстро закрываю машину и послушно выполняю его просьбу. Я даже не пытаюсь ему помочь, да он и не позволит. Вместо этого я обгоняю Класа, взбегаю по ступенькам, открываю дверь в квартиру и освобождаю дорогу.

— Куда ставить? — спрашивает он, немного запыхавшись.

Я улыбаюсь, увидев его наверху с картиной.

— Не знаю, может быть…

Но картина уже стоит на двух кухонных стульях, Клас осторожно облокачивает ее на обеденный стол. Потом делает шаг назад, складывает руки на груди и смотрит. Смотрит на то, что стоит перед ним.

Затем он переводит взгляд на меня, и в его глазах я читаю слова: «Расскажи мне все. Поделись со мной этой историей. От начала и до конца».

Страшно

Вспышка молнии озаряет комнату. За ней следует оглушительный раскат грома. Гроза прямо над нами, дождь барабанит по стеклам, но я по-прежнему ощущаю кожей обжигающую жару дня. Сегодня было солнечно и душно. После обеда небо начало затягивать тучами, оно стало серым и тяжелым. Словно толстое, удушливое шерстяное одеяло, небо нависло над нами, не давая вздохнуть. И вот наконец — первые порывы ветра. Мы вздохнули полной грудью и зашли в дом. То, что начиналось на улице, должно было разорвать это унылое серое небо. Ветер хотел поиграть с небом, как кошка, которая катает перед собой клубок, подбрасывает его высоко в воздух, ловит и радостно разрывает на части.

Гроза бушует прямо над головой. Буря ревет. Я стою у окна и наблюдаю, как она впивается своими зубами в красноватые буки. Их ветви беспорядочно качаются на ветру. Потом все уто-

пает в темноте, пока новая вспышка молнии не озаряет Лобекхоф.

«Фрауке, — мама открывает дверь, — ты не спишь?»

Я стою неподвижно. Смотрю в окно. Жду.

«Не переживай, — мама подходит сзади и мягко кладет руку мне на плечо, — твой отец не глупый. Он наверняка укрылся в старом сарае и ждет, пока буря утихнет».

«А если он не вернется домой ночью?» — Я со страхом оборачиваюсь.

«Тогда вернется рано утром. — Мама садится на кровать, откидывает край одеяла и похлопывает по постели. — В сарае полным-полно соломы, ты ведь сегодня сама видела. Он сможет там уютно устроиться».

«А если нет? Если он уехал на велосипеде и теперь на пустоши…»

Мои слова развеселили маму. Она смеется.

«Ты правда думаешь, что твой отец просто взял и оставил в сарае картину, мольберт и краски? Забрать их с собой в такой дождь он вряд ли бы смог».

Днем, пока стояла солнечная погода, мы с отцом отправились на Люнебургскую пустошь, нагрузив велосипеды вещами. Я проводила отца до

сарая, понаблюдала, как он устанавливает мольберт и холст с незаконченным произведением. Потом папа начал смешивать свои драгоценные краски, а я поехала обратно одна. До фермы было недалеко, а отцу нужен был покой, чтобы погрузиться в работу.

Я наконец отхожу от окна. Мама права: папа бы никогда не оставил свои принадлежности для рисования, свою святыню, без присмотра в сарае, куда может зайти любой прохожий.

«Ну же, иди сюда», — зовет мама.

И я иду, ведь я послушный ребенок. Забираюсь в постель, откидываю волосы со лба и натягиваю одеяло до самого подбородка.

Я засыпаю, успокоенная мамой, ее хорошим настроением и уверенностью, что принадлежности для рисования — самое дорогое, что есть у моего отца. Завтра он вернется с нагруженным до отказа велосипедом на ферму — и начнется новый, совершенно новый день. Каникулы!

Но на следующее утро все меняется. Отца нет. Никого нет.

Я спускаюсь по лестнице и зову маму. В ответ — тишина. Я прямо в ночнушке выбегаю на улицу, во двор, и вижу, что же натворила за ночь буря. Ветви деревьев сломаны. Бурые, все

еще влажные после дождя листья разбросаны по газону и тротуарной плитке. Прямо передо мной лежит ветка толщиной с руку, оборванная, словно шерстяная нить.

Буря с разрушительной силой прошлась по ферме. Я бегу, кричу: «Эльфи? Пир?» Однако никто не отвечает. Несусь в сарай, толкаю тяжелую дверь, но там тоже никого нет. Ферма опустела.

«Мама!» — зову я изо всех сил.

Наконец до меня доносится чей-то голос: «Фрауке!»

«Эльфи!» — кричу я снова, услышав знакомый голос.

Я бросаюсь обратно, бегу на ферму, издалека узнаю фигуру Эльфи, идущую с улицы. И когда я вижу ее лицо, то понимаю: что-то случилось.

Я подлетаю к Эльфи и бросаюсь прямо к ней в руки, прячу лицо у нее на груди и просто хочу раствориться в этой полноте, убаюканная теплом женщины. Я хочу услышать, как кто-нибудь скажет мне: «Фрауке, все в порядке», «Дитя мое, тише», «Дорогая, все будет хорошо».

Но никто не говорит этих слов. Я слышу лишь обрывки фраз: «Отец… Несчастный случай… Найден… Мать… Больница…»

Совсем немного

— Я не могла оставить эту картину во Франкфурте. Она должна была поехать со мной. — Я облокачиваюсь на один из кухонных шкафов. — Она должна была оказаться вместе со мной на Люнебургской пустоши. Наверное, потому что здесь все и произошло. Здесь отец рисовал, здесь он и пострадал.

— Это твоя любимая картина? — голос Класа стал мягче.

Я киваю.

— Чем закончилась эта история?

Я сжимаю губы:

— Пир, который вместе со своей женой Эльфи владел этой фермой, еще ночью, как только стихла буря, отправился на поиски моего отца. Он нашел его перед старым сараем. Отец был без сознания, лежал под дождем на пустоши. Мы не знаем, что случилось. Может быть, его задела одна из упавших веток, вокруг их было

полным-полно.

— Твой отец, — Клас делает паузу, — выжил?

— Его увезли в больницу, он впал в кому. Потом ко всему этому добавилось воспаление легких, ведь он явно пролежал в сырости не один час. Мой отец часто болел, крепким здоровьем в нашей семье отличались только мама и я. — Я пытаюсь улыбнуться, но у меня не получается.

Клас находит в себе силы выдержать ту тишину, которая воцаряется после моего рассказа. Он берет бокал, делает глоток и ждет, пока у меня появятся силы, чтобы говорить дальше.

— Отец умер от воспаления легких.

Я ощущаю, как к глазам подступают слезы, и удивляюсь собственной чувствительности. С того дня прошло уже много лет.

— Он умер как французский художник Поль Сезанн, — я пытаюсь говорить тверже, чтобы скрыть собственную грусть. — Тот жил в Экс-ан-Провансе, несколько лет назад я была на экскурсии в его мастерской. Непогода застигла его прямо в момент работы. Он переохладился и умер от воспаления легких. Иногда я думаю, что мой отец обрадовался бы тому, что умер как великий Поль Сезанн. Отцу очень нравились его работы. Когда я была маленькой, мы ходили в

музей, чтобы увидеть его картины. «Сегодня мы отправляемся смотреть на Сезанна!» — объявил отец однажды утром. То, что Поль Сезанн был художником и давным-давно умер, я узнала только тогда, когда отец, совершенно завороженный, стоял перед его творениями.

Я так четко вижу перед глазами эту сцену, будто все произошло вчера. Страстное увлечение отца живописью было просто невероятным, даже для меня, ребенка. Искусство и ничего, кроме искусства.

— Сколько тебе было лет, когда он умер? — вопрос Класа вдруг вырывает меня из размышлений.

— Десять.

— Ты была очень маленькой. Мой отец умер три года назад, и это было… — Клас на секунду замолкает, подбирает нужное слово, но не находит его и лишь качает головой.

— Послушай, — я вопросительно оглядываюсь по сторонам, — а где Дереза?

— Я догадываюсь, — Клас вытягивает голову и указывает в сторону гостиной, — что она снова на диване. Прогнать?

— Не нужно, я люблю ее.

— А она тебя.

На этот раз я искренне улыбаюсь. Как же хорошо! Я решаю, что на сегодня хватит. Достаточно историй о прошлом. Вот только оставаться одной мне сейчас не очень хочется.

— Ты голоден? Я сегодня ездила на рынок и купила много всего.

— Звучит заманчиво.

— Что думаешь насчет салата из козьего сыра и диких трав? Сегодня в ассортименте у Лив были сырные шайбы с медом. Я хочу запечь их. К сыру есть хлеб на закваске из пекарни моего, — я хитро улыбаюсь, — любимого пекаря.

— Ну, раз так, — Клас тянется за бутылкой, — тогда любимый пекарь с удовольствием нальет тебе еще вина.

Клас наполняет бокал, потом подходит к серванту:

— Чем я могу помочь?

— Помой травы.

Я открываю холодильник, достаю из него все, что нам может понадобиться. Нахожу даже баночку оливок, о которой совсем забыла. Ставлю ее на стол.

— Для поддержания рабочего духа, — говорю я и отправляю одну оливку себе в рот. — Весьма недурно!

— Какие-то у тебя старомодные фразы, Фрауке.

— Мне все равно. — Я проглатываю оливку. — Думаю, ты достаточно стар, чтобы меня понять.

— Ну-ну-ну!

Клас грозит мне указательным пальцем, потом хватает кулек с дикими травами, вытряхивает их и наполняет мойку холодной водой.

Я разогреваю духовку и достаю из упаковки сыр. «Хорошо, что я купила на двоих», — размышляю я и мысленно благодарю Лив.

— А эти шайбы действительно хороши, — Клас указывает на сыр. — Кстати, мед Лив получает от…

— Профессора-пчеловода, я в курсе.

— Посмотрите-ка, — мужчина погружает салат в воду, — кто-то здесь уже во всем разобрался.

Я ухмыляюсь и наслаждаюсь нашей маленькой перебранкой, прекрасным настроением на кухне, вином и совсем немного — мужчиной рядом. Вот только одна мысль по-прежнему тревожит меня.

— Я не очень часто рассказывала историю про отца, — начинаю я и на секунду задумываюсь, знает ли Юстус ее целиком. — Большинству людей известно только, что он умер молодым от воспаления легких.

— Иногда бывает проще открыться незнаком-

цу.

Раньше я не задумывалась об этом.

— Кроме того, это правда, что твой отец умер от воспаления легких, — добавляет он.

— Да, но это ведь краткая версия всей истории, в ней чего-то не хватает. — Я отрываюсь от работы и ловлю вопросительный взгляд Класа. — Ну, то есть не хватает отдельных обстоятельств. Ночь, буря — все это так странно. На некоторые вопросы я до сих пор не нашла ответов.

— Например?

— Почему никто так и не обнаружил холст, который отец взял с собой в сарай? Пир принес все принадлежности для рисования обратно на ферму, но холста среди этих вещей не было.

— Хм. — Клас открывает кухонный шкафчик, достает из него большой дуршлаг и кладет туда травы. — А что насчет твоей мамы? Ты говорила с ней об этом?

— Нет, — я качаю головой. — Она так и не смогла до конца пережить смерть отца. А сейчас уже слишком поздно. Она умерла три года назад, как и твой отец.

Клас сжимает губы:

— Может быть, остался кто-то, кого ты могла бы спросить о событиях того дня?

— Нет, все умерли, тот случай произошел тридцать лет назад.

— Что мне теперь делать? — спрашивает Клас, когда травы вымыты.

— Можешь занести картину наверх, иначе я буду постоянно об этом говорить. Поставь ее, пожалуйста, на комод в спальне. Но сначала можешь накрыть на стол. Все необходимое найдешь в серванте.

— Хорошо.

Клас открывает нужный шкаф, достает оттуда две салфетки, тарелки и приборы, а затем раскладывает все на столе.

Краем глаза я наблюдаю за мужчиной, рассматриваю его высокую фигуру, сильные плечи, клетчатую рубашку, которую он небрежно выпустил поверх джинсов. И все, что я вижу, мне очень нравится.

Виляющий танец

— Пока закрыто. — Пожилой мужчина рядом со мной наклоняется и ставит перед входной дверью деревянный ящик. — Кафе открывается в час.

— Очень жаль. — Я отпускаю дверную ручку, на которую все это время напрасно нажимала, и делаю шаг назад.

Мой взгляд падает на небольшой ящик на земле, в котором друг на друге стоят шесть больших стеклянных банок с закрученными крышками.

— Что это? — Я с любопытством рассматриваю содержимое.

— Вересковый мед. — Мужчина немного неуклюже выпрямляется. — Последний, который остался.

— Так вы профессор-пчеловод!

Я смотрю сияющими глазами на мужчину и сразу же чувствую, как краснею. Может быть, я обидела его таким обращением?

— Похоже, что да, — к счастью, профессор улы-

бается.

— Лив рассказывала мне о вас. — Я протягиваю руку: — Меня зовут Фрауке.

— А я Виллем, — мужчина пожимает мне руку.

— Приятно познакомиться, Виллем. Я только вчера пробовала ваш мед, — начинаю я рассказ и расхваливаю свой вчерашний ужин.

Виллем явно доволен. Он потирает свою лысую голову, а потом цепляется большими пальцами за подтяжки.

— Если хочешь, я могу показать тебе ульи. — Виллем указывает мимо меня в сторону леса, где на опушке все так же выстроены в ряд яркие ящики, на которые Лив обратила мое внимание во время последнего визита на ферму.

— Конечно хочу, — быстро отвечаю я и разворачиваю велосипед. — Как оказалось, у меня как раз есть время. Кафе все равно закрыто.

Вообще, я хотела сегодня просто опробовать новый велосипед. Когда размышляла, куда поехать во время этой короткой прогулки, на ум пришло садовое кафе. Я собиралась прихватить с собой книгу и теплую кофту, устроиться поудобнее в саду, насладиться солнечным днем и заодно глянуть, что на этот раз испекла Лив.

Теперь я толкаю велосипед через луг дальше,

в сторону леса. Его яркая осенняя листва сияет, теплое сентябрьское солнце освещает деревья во всей их красе. Когда мы находим небольшую тень, меня вдруг окутывает пряный аромат земли. «По-настоящему осенний день», — размышляю я и с удовольствием скольжу ногами по шуршащим листьям.

— Фрауке, лучше оставь велосипед здесь. — Мы доходим до темно-красного вагончика. — Подожди секунду, мне нужно кое-что взять.

Виллем открывает незапертую деревянную дверь и исчезает внутри вагончика. Я в это время снимаю кофту: солнце действительно припекает. Успеваю свернуть кофту и засунуть ее в корзину на велосипеде, как в следующую минуту передо мной появляется Виллем. У него в руках полным-полно вещей.

— Вот, возьми, это вуаль. — Виллем протягивает мне огромную шляпу, которая действительно переходит во что-то наподобие вуали.

— Это защитная одежда для пчеловода, — рассуждаю я, — чтобы пчелы не ужалили.

Профессор кивает и указывает на два отверстия по бокам вуали:

— Когда наденешь шляпу, можешь просунуть туда руки, как в футболку.

Я следую совету профессора-пчеловода, хотя и чувствую себя в новом костюме как марсианин. Сверху до пояса — так точно.

Виллем довольно оглядывает меня. Потом опускается на колени и, достав из кармана зажигалку, разжигает кучку древесной стружки. Та мгновенно вспыхивает.

— Я обработал ее пчелиным воском, чтобы лучше горела.

Виллем быстро засыпает стружку в металлический кувшин, туда же отправляется несколько тонких щепок.

— Достаточно, — мужчина радостно выпрямляется. — Дымарь производит дым, который успокаивает пчел. Смотрите!

Виллем сжимает прикрепленный к металлическому корпусу мех. Из носика тут же вырывается столб дыма и полностью окутывает нас.

— Гениально, — бормочу я из-под вуали и направляюсь за профессором к ульям.

Зеленые, желтые, синие и оранжевые ящики выстроились в ряд на опушке леса. Воздух кишит насекомыми. С одной стороны, это любопытно. С другой стороны, это действительно впечатляет. Как пчелы отреагируют на незваного гостя вроде меня?

— Ну же, пойдем, — Виллем поворачивается ко мне. — Ничего страшного не случится, если не будешь размахивать руками.

Я следую за профессором, параллельно размышляя, что могло бы случиться, если бы я начала размахивать руками. Я с почтительного расстояния наблюдаю, как Виллем приподнимает крышку улья, а потом успокаивает дымом взволнованных жителей. Мы стоим прямо посреди жужжащего облака.

— Не боитесь, что они вас ужалят? — спрашиваю я из-под своей шляпы и критически оцениваю одежду мужчины: мятые вельветовые брюки, удобная рубашка, поверх рубашки — расстегнутый вязаный жилет.

— Нет, — Виллем качает головой. — Пчелы не опасны, если вести себя с ними спокойно.

Что ж, я сомневаюсь в этом, но все же с интересом наблюдаю, как Виллем берет в руки что-то похожее на долото и достает из улья деревянную рамку. Потом проводит сверху длинным мягким веничком. Пчелы взлетают в воздух.

— Смотри внимательно, это пчелиные соты.

Сразу видно — *профессор*.

— Пчелы собирают нектар, делают из него мед и хранят его в отдельных ячейках. Когда ячейка

заполнена, пчелы запечатывают ее при помощи воска, который производят сами.

— Это просто невероятно! — Я подхожу ближе и поражаюсь тому, что вижу: примерно половина всех ячеек заполнена до отказа, как и объяснял Виллем.

— Для нас, пчеловодов, этот год уже подходит к концу. — Виллем возвращает рамку в улей. — Осталось совсем немного летних пчел, которые собирают последний нектар. Они сейчас на пустоши, там пока еще цветет вереск.

— Как они вообще это делают? — Я отодвигаю шляпу-вуаль назад, чтобы получше рассмотреть следующую рамку, которую достает Виллем. — Я имею в виду, откуда медоносные пчелы знают, куда им лететь?

— А вот это, — Виллем делает паузу для большего эффекта, — невероятно интересный вопрос. Настолько интересный, что за его исследование даже была вручена Нобелевская премия. Фрауке, не смотри на меня таким скептическим взглядом. Да, это было в 1973 году, премию получил Карл фон Фриш.

Профессор смотрит на меня своим строгим взглядом. *Понимает*, что это имя мне ничего не говорит.

— И что же выяснил этот Фриш?

— Он выяснил, что пчелы умеют танцевать.

Теперь мой взгляд становится действительно скептическим, я и сама это чувствую. В Виллеме просыпается ученый.

— При помощи так называемого виляющего танца одна медоносная пчела может рассказать о найденном нектаре, находясь при этом на расстоянии нескольких километров от других пчел. Она сообщает своим товарищам информацию о направлении источника питания и расстоянии до него. Конечно, ты спросишь, как она это делает. И это абсолютно логичный вопрос! Скажу тебе так: когда пчела танцует, она создает узор из электростатических полей. Другие пчелы видят и считывают эти узоры при помощи усиков.

— Это просто невероятно!

— А то! — Виллем вошел в азарт. — Все насекомые в улье имеют положительный заряд. Это дает нам, нейробиологам, возможность тайно наблюдать за ними. Электростатические поля, которые возникают во время пчелиных танцев, можно измерить и доказать их существование. Я занимался исследованием в этой сфере не один год.

Виллем достает следующую рамку, берет ды-

марь, окуривает пчел, а потом продолжает:

— Я думаю, самое интересное в этой истории то, что даже мы, люди, можем воспринимать эти электростатические поля. Помню, однажды мы проводили эксперимент и увеличили в два раза содержание сахара в сиропе, который готовили специально для нашего исследования. Пчела, которая обнаружила этот сироп, тут же умчалась обратно к своим товарищам и просто не могла остановиться танцевать.

Виллем широко улыбается:

— Пчела пришла в такой восторг после этой находки, что смогла заразить своим воодушевлением даже нас, исследователей.

Какая замечательная картина! Я прямо вижу перед собой мужчину, который стоит с группой ученых в лаборатории и абсолютно бессилен перед танцем маленькой пчелки.

— Надеюсь, я тебе не надоел — Виллем возвращает рамку обратно, берет крышку и закрывает улей. — Старики могут надоесть своими историями.

— Ни в коем случае, — я поднимаю обе руки. — Спасибо за рассказ. Должна признать: я раньше не слышала ни о чем подобном. Электростатические поля и мед — нет, я и подумать не могла, что

они как-то связаны.

— Захватывающая история, правда? Вся коммуникация и ориентировка в пространстве у медоносных пчел основываются на электростатических полях и магнитных полях Земли. Все эти поля для пчел — нечто само собой разумеющееся. Даже цвета они воспринимают не так, как мы. Например, пчелы видят не просто небо с облаками, а множество узоров, которые помогают им ориентироваться в пространстве.

— У меня это просто в голове не укладывается, — бросаю я. — Будто научная фантастика.

Профессор пакует свои принадлежности.

— Главный вызов для нас, ученых, заключается в том, чтобы ставить под сомнение и исследовать немыслимое, а не просто исходить из собственных соображений и опыта.

«Ух ты, — думаю я, — это звучит так здорово, таинственно и так смело». Я с легкостью могу представить, как Виллем когда-то восхитил своими историями о животных маленькую Лив.

— Лив рассказывала, что именно благодаря вам начала изучать биологию, — я решаю посвятить профессора в свои мысли. — Ваши истории завораживали ее.

— Правда? Она так говорит? — Виллем нежно

улыбается. — Лив действительно никак не могла остановиться, она была таким любознательным ребенком. Потом стала талантливой студенткой. С карьерой ученой у нее бы тоже наверняка все получилось. Но она сделала выбор в пользу вот этого всего.

Виллем останавливается и широким взмахом руки указывает на ферму прямо перед нами.

— Звучит так, как будто вы не очень довольны ее решением, — говорю я. — Но ведь владеть такой фермой — это что-то особенное.

— Конечно это так, — соглашается Виллем. — Но Лобекхоф — это просто слишком много для одного человека: старые постройки, куча животных, новый хлев, кредит, который Лив вынуждена была взять, сыроварня, работа на рынке, садовое кафе. Как она может справиться со всем этим? А у нее еще ребенок!

— Но ведь у нее наверняка есть сотрудники, — размышляю я вслух. — Лив же не делает всю работу одна?

— Только временные работники! Всего лишь несколько домохозяек и фермеров из деревни, которые приходят подзаработать парочку евро. Если тебе интересно, они все заняты минимально и не делают ничего серьезного. Кто-то из них

постоянно выбывает из строя — и в итоге вся работа все равно ложится на плечи Лив.

— Вот оно как.

Я задумываюсь над словами Виллема и вдруг смотрю на ферму совершенно другими глазами: старый и типичный для Нижней Саксонии фермерский дом с огромной соломенной крышей, большой сад с длинными клумбами, новый хлев, а рядом с ним — пастбища. Работа без конца и края. Мне это знакомо.

— Лив пока молода и не знает, куда вложить все имеющиеся силы. — Виллем тоже осматривает ферму. — Но в долгосрочной перспективе она не выдержит такой нагрузки. Успеть здесь все просто невозможно.

Мужчина качает головой.

— Но она никого не слушает. По крайней мере, меня. Прошли те времена, когда она кого-то слушала! Лив такая же упрямая, как ее козы. — Виллем снова вошел в азарт. — Если ей что-то вздумается, то никто и ничто не сможет ее переубедить.

Я не могу удержаться от смеха. Видно, эти двое уже не раз ссорились по этому поводу.

— Если бы Эльфи, бабушка Лив, была жива, — Виллем потирает лоб, — дело бы обстояло иначе.

Лив всегда слушала бабушку. Но с тех пор как Эльфи и Пир умерли, — мужчина качает головой, — она просто с ума сошла. Лив твердо решила оживить Лобекхоф, как будто это помогло бы вернуть ее бабушку с дедушкой к жизни.

— А где остальные родственники?

— Мать Лив не хотела ничего знать ни о ферме, ни о Люнебургской пустоши. Это было просто не для нее. Она уехала за границу, а Лив росла у бабушки с дедушкой. Когда Лив была еще совсем маленькой, ее мать иногда приезжала на ферму, но я уже давно ничего о ней не слышал. — Виллем снова цепляется большими пальцами за подтяжки.

— У нее больше никого нет?

— У Лив нет ни сестер, ни братьев. Ее отца никто никогда не видел, как, к слову, и отца Валери.

— Хм, — я сжимаю губы. — Тяжело расти без отца.

— Это правда, — подтверждает Виллем, а я размышляю о собственной истории.

По крайней мере, первые десять лет моей жизни отец был рядом. Тем не менее теперь я чувствую еще большую связь с Лив и маленькой Валери.

— Раньше я часто бывала здесь, знала Эльфи

и Пира, — я начинаю рассказывать Виллему, как мы всей семьей отдыхали на ферме, а потом объясняю, что совсем недавно вновь открыла для себя Люнебургскую пустошь.

Мы стоим на солнце перед вагончиком, Виллем внимательно слушает меня.

— Кстати, можешь вернуть мне это, — говорит мужчина, когда я заканчиваю свой рассказ, и указывает на мою шляпу. — Мы уже покинули опасную зону.

— Фух. — Я с благодарностью выполняю его просьбу и снимаю шляпу.

Пока профессор-пчеловод исчезает в своем вагончике, я приглаживаю волосы, подставляю лицо солнцу и наслаждаюсь его теплом.

— Вот, возьми.

Я с любопытством поворачиваюсь. Виллем стоит передо мной.

— Мед? Это правда мне?

— Вересковый мед, последняя баночка.

Я просто вне себя от радости.

— Когда буду делать бутерброды с хлебом, буду вспоминать вас и, конечно, ваших трудолюбивых пчел. Спасибо за мед и за то, что показали мне ульи.

Мы прощаемся, Виллем уходит хлопотать в

своем вагончике, а я направляюсь к велосипеду. Садовое кафе уже должно быть открыто. Кстати, который час? Я достаю из корзины кофту, нахожу в кармане телефон. Касаюсь экрана — и не могу понять, что происходит. Немногословный Юстус объявился. И не один раз, а шесть!

Ябеда

Фрауке, где ты?

Это правда, что наш пентхаус опустел?

Госпожа Хельмштедт доложила мне, что ты съехала. Почему ты не предупредила меня? Ты вообще знаешь, насколько ценные вещи хранятся в этой квартире?

Пожалуйста, позвони мне.

Помимо сообщений, я замечаю два пропущенных звонка. Я в шоке. Что там вообще произошло? Я опускаюсь на лежащее на земле дерево на обочине дороги и пытаюсь собрать себя по кусочкам. Потом перечитываю сообщения. Юстус написал мне около двенадцати. Я не ответила — и тогда он позвонил. Два раза. Наверное, мы с Виллемом в тот момент ходили проверить ульи. Хорошо, что я не услышала звонок, иначе все закончилось бы ссорой.

Я опускаю телефон. Что случилось с Юстусом? Что он вообще себе думает? Я чувствую себя героиней какой-то дешевой комедии, а вот госпожа Хельмштедт — ябеда. Как она смеет сообщать Юстусу, что *я съехала*? Как? «Ты вообще знаешь, насколько ценные вещи хранятся в этой квартире»? Серьезно? Ценные вещи? Хранятся? Что все это значит? Мы что, живем в аукционном доме?

Я качаю головой. Может, Юстусу стоит самому вернуться в его дурацкую квартиру и поиграть в смотрителя музея? Вообще не понимаю, почему он так волнуется. Пусть радуется, что квартира свободна и ему не придется снимать апартаменты. Если задуматься, он от этого только выигрывает. Лучшего варианта и придумать невозможно. Юстус получил свой перерыв, а я еще и освободила ему место. Идеально!

— Все в порядке? — рука ложится мне на плечо.

Я оборачиваюсь и вижу перед собой профессора-пчеловода.

— Увидел, что ты сидишь здесь, — взгляд мужчины падает на мой телефон. — Ты получила, — Виллем покашливает, — плохие новости?

— Плохие новости, да, можно сказать и так. Скорее, я прочитала плохую шутку. — Я усмеха-

юсь. — Но вообще нет, ничего по-настоящему плохого не случилось. Мы с мужем сейчас не очень хорошо ладим. Иногда случаются, — я пытаюсь найти подходящее слово, — недопонимания.

— Недопонимания, — многозначительно повторяет Виллем, — ах да.

— Да, недопонимания, но знаете что? — Я вдруг поднимаюсь с дерева. — Я не позволю этому испортить мой день. Солнце светит, у меня с собой интересная книга, — я указываю на велосипедную корзину, где лежат мои вещи, — а еще я наверняка смогу купить кусочек пирога у Лив. Если бы ваши пчелы узнали о таких замечательных перспективах, они бы тут же пустились в пляс, да?

— Вот так-то лучше, — профессор-пчеловод ободряюще улыбается. — Не позволяй никому испортить этот прекрасный осенний день!

«Какой милый господин, — размышляю я, — не странно, что он так запал Лив в душу».

Мы с профессором прощаемся во второй раз, я обеими руками хватаюсь за руль и толкаю велосипед прямо через гору шуршащей листвы. Два больших конских каштана уже потеряли листья. Осень — прекрасная пора года. И я не позволю

никому забрать у меня этот замечательный сентябрьский день. Когда я добираюсь до сада Лив, я снова и снова прокручиваю в голове свой план. Я не позволю Юстусу испортить мой перерыв.

Я паркую велосипед около старого хлева и ставлю телефон на беззвучный режим. Пусть Юстус идет к черту! На данный момент меня гораздо больше интересует Лив. Я заглядываю в кафе: женщина стоит за прилавком и ловко нарезает пирог на противне.

— А сегодня есть масляный пирог? — спрашиваю я.

Лив поворачивается и удивленно смотрит на меня.

— Фрауке, вот это да! Вот так сюрприз! — женщина явно рада. — Ты вернулась!

— Думаю, теперь ты будешь видеть меня чаще. Во-первых, потому, что купленный вчера сыр был просто потрясающим. Во-вторых, я остаюсь в Люнебурге до Рождества.

— Что? Ты мне не рассказывала об этом!

— Разве? — смеюсь я. — Я рассказывала на рынке, но ты была очень занята.

Я решаю наверстать упущенное и сообщаю Лив о заказе от судоходной компании, моей небольшой квартирке и о том, как хорошо я чувствовала

себя во время последнего визита на Люнебургскую пустошь.

— Наверное, это потому, что ты проводила здесь каникулы в детстве. Это накладывает свой отпечаток, ты… — Звонок прерывает Лив. — Извини, пожалуйста.

Женщина запускает руку в карман и достает телефон.

— Привет, Лиза… Это очень плохо… Если ты не сможешь прийти, я сегодня останусь в кафе одна, как же я смогу… Да, хорошо… Нет, я справлюсь… Я должна идти, гости начинают подходить… Да, до скорого.

Лив раздраженно завершает разговор и отправляет телефон обратно в карман.

В этот момент я замечаю, что женщина стала очень худой. Сбросила вес? Я рассматриваю ее ягодицы и ноги. Она слишком худая, но если то, что сказал мне Виллем, правда, тогда это неудивительно. Лив изматывает себя на ферме до предела.

— Какие-то неприятности? — осторожно спрашиваю я в тишине, которая наступает после звонка.

— Ах, у меня есть помощница, Лиза. Она все время звонит и сообщает, что не сможет прийти.

Как же это глупо.

Лив снова берет нож и принимается нарезать следующий пирог.

— Теперь мне нужно садиться и обзванивать остальных, чтобы быстро найти замену, а у меня были другие планы, — на секунду выражение лица женщины становится жестким.

— Мне очень жаль.

— Не стоит, правда, не стоит. Лучше скажи мне, — Лив оборачивается ко мне с улыбкой настоящего профессионала, — какой пирог хочешь? Ты ведь наверняка проголодалась.

— Ты меня раскусила! — смеюсь я над собой. — А какой есть?

— Сливовый, абрикосовый, с посыпкой. Все свежее!

— Тогда я возьму капучино, а к нему, — я заглядываю Лив через плечо, — кусочек сливового пирога.

— Со сливками?

— Само собой!

Шустрая

В тот момент, когда поднос выскальзывает из рук Лив, я понимаю, что с меня хватит. Я видела, как она мечется от одного столика к другому и шустро подает гостям пироги, как без остановки приносит кофе, чай и яблочный сок с содовой, как старается скрасить все более долгое время ожидания своим обаянием и жизнерадостностью. Я видела, как все больше и больше гостей заходит в кафе — но среди них нет ни одного помощника, никакой поддержки. Похоже, попытка Лив найти замену Лизе не увенчалась успехом.

Тем временем на столах скапливается посуда, новые гости занимают места, но Лив не справляется с уборкой. А потом поднос с пирогом выскальзывает у нее из рук. Бах! В этот момент я точно знаю, что она чувствует, ведь мне знакомо все это из «Ламберти»: ты гребешь и гребешь, а потом накатывает волна — и накрывает тебя с головой.

Хватит. Я уже давно не могу сконцентрироваться на романе, ведь все время взглядом возвращаюсь к Лив. Я встаю, иду к велосипеду, кладу книгу в корзину и снимаю вязаную кофту: сейчас она мне не понадобится. Кофту кладу на книгу. Потом открываю дверь в кафе, беру пустой поднос и начинаю убирать со столов. Потому что так больше не может продолжаться. Я не собираюсь просто сидеть и смотреть, как Лив идет ко дну.

Когда я подхожу к прилавку с полным подносом, там меня уже ждут горы посуды. Я открываю посудомоечную машину.

— Она вчера сломалась. — Лив подходит сзади. — Просто какое-то проклятье! Чистые тарелки у меня еще есть, но вот чашки заканчиваются.

— Не проблема. — Я включаю горячую воду. — Я помою.

— Правда?

— Правда.

— Спасибо, ты… — Женщина протягивает мне фартук. — Ты чудо.

Это очень приятно слышать. Я тихо улыбаюсь, повязываю фартук и принимаюсь за работу. Вообще, после небольшой прогулки на новом велосипеде я планировала сесть за стол и подго-

товить материалы для тренинга. Завтра в десять часов начнутся занятия в судоходной компании. Каждую неделю одна команда за другой будет проходить мои курсы, пока весь экипаж не завершит обучение. К счастью, клиент выбрал те модули, которые я уже применяла в работе, что сокращает время на подготовку — и я могу выделить час своего времени для Лив. Но именно в тот момент, когда я ставлю последние чистые чашки на полку, женщина врывается с очередной печальной новостью:

— У меня осталось всего восемь кусочков пирога с посыпкой, четыре кусочка абрикосового пирога, а сливового совсем мало. А ведь сейчас только четверть третьего. — Лив откидывает прядь волос с лица. — Я и подумать не могла, что сегодня будет столько народа.

— Хорошая погода зовет людей на улицу.

— Сегодня последний день, когда открыто садовое кафе. Мы закрываемся с октября. — Лив смотрит на противни и качает головой. — Большинство людей на улице — наши постоянные гости. Как жаль, что я ничего не смогу им предложить.

— Я придумала! — мне в голову приходит идея. — Мы испечем вафли, я мигом замешу

тесто.

— Точно, вафли — это то, что нам нужно, — лицо женщины на секунду просияло, но потом снова стало задумчивым. — Яйца, сахар и мука есть, молоко тоже. Но что-то нужно добавить, может быть, вишневый или малиновый соус. Однако у меня его нет.

— Не страшно. У тебя есть яблоки?

— Несколько ящиков! В этом году деревья плодоносят как сумасшедшие. — Лив проходит мимо меня, открывает кладовку и достает оттуда полный ящик яблок.

— Этого с головой хватит, мы испечем яблочные вафли, я даже помню рецепт. Будет очень вкусно со взбитыми сливками. С корицей и сахаром тоже неплохо.

— У нас все есть. Как насчет ванильного мороженого?

— Тоже прекрасно подойдет.

— Отлично, чашу для замешивания найдешь в морозилке. Мука и сахар…

— Лив, — я перебиваю женщину, ведь уже слышу на улице новые голоса, — позаботься о гостях. А здесь я сама разберусь.

— Превосходно. — Лив тут же поворачивается и исчезает за дверью.

Я беру ящик яблок и через распашную дверь отправляюсь на кухню. Там я открываю первый шкафчик и сразу же нахожу все необходимые ингредиенты. Кухонный комбайн тоже стоит там, где я и ожидала. А где вафельница? Ну конечно же, она в шкафчике с противнями. Я достаю ее оттуда и ставлю нагреваться.

Затем начинаю быстро замешивать тесто. При этом я чувствую себя на кухне Лив как дома. Это чувство возникает во мне так быстро, что мне остается только удивляться. Я бы распланировала здесь все полки точно так же, как это сделала Лив.

Я чищу первое яблоко и вспоминаю, как Клас вчера рылся в моих шкафах на кухне. Незаметно улыбаюсь, потому что мне до сих пор нравится та картина, которую я видела перед собой. Он, несомненно, интересный человек. Конечно, Клас любит строить из себя грубияна, тренируется быть недоступным. Но когда он снимает эту маску, как вчера вечером, под его жесткой внешностью пекаря проступает мягкая душа. К тому же Клас обладает особой целеустремленностью, а целеустремленные мужчины мне всегда нравились. Особенно когда они хорошо выглядят. Клас вчера определенно не упустил возможности

серьезно пофлиртовать со мной. Я тянусь за следующим яблоком и с удовольствием вспоминаю вчерашний вечер.

«Почему ты не носишь обручальное кольцо?» — спрашивает меня Клас прямо за ужином.

«А должна?» — Я немного смущенно убираю правую руку со стола.

«Ну да, в прошлый раз ты была с кольцом. Теперь ты без кольца».

«Я, э-э, я, — начинаю мямлить, — у меня перерыв… Перерыв в отношениях, поэтому я не ношу кольцо».

Я решаю не вдаваться в подробности. Не должна же я рассказывать Класу все, а особенно то, что Юстус захотел устроить паузу, а не я.

«Ага, — взгляд мужчины становится многозначительным, он о чем-то размышляет, я вижу это. — Ты знаешь, — продолжает Клас, — меня всегда интересовал один вопрос».

«Какой?»

«Как вообще работает перерыв в отношениях? — Клас проводит обеими руками по волосам. — Я имею в виду, в это время все разрешено?»

«Что “все разрешено”? — я притворяюсь, что не поняла вопроса».

Что мне ему ответить?

«Ну да, представь, что ты знакомишься с привлекательным мужчиной. Ты влюбляешься в него, а он, — голос Класа понижается на пол-октавы, — в тебя. Что происходит потом?»

«Ты имеешь в виду, что существует какое-то соглашение, которое супруги заключают на время перерыва? Поцелуи разрешены, а прикосновения запрещены. Такой принцип?»

«Типа того», — Клас лукаво улыбается.

«Скажи, — я поднимаю бокал с вином, — а ты случаем не предпринимаешь вполне удачную попытку флирта?»

«Может быть», — мужчина поднимает свой бокал.

«Тогда мне нужно сейчас пролистать договор, который мы заключили с мужем. А-то я не знаю, можно ли мне флиртовать».

Теперь Клас улыбается во весь рот, говорит «Touché»[12]1 и чокается со мной.

Волнительный момент. Я не флиртовала ни с кем уже целую вечность. А что в этом плохого? Вообще, вчерашний вечер выдался просто прекрасным. Хотя искра между нами быстро погасла,

---

[12] Примечания: 12
Твоя взяла! Засчитано! (*фр.*)

мы еще долго сидели за столом на моей кухне. Я рассказывала Класу, как раньше проводила каникулы на ферме Лобекхоф и как рада снова открыть для себя это место.

«Действительно странно, — в конце концов говорит Клас, — ведь именно здесь не стало твоего отца».

Должна согласиться с ним. «Это действительно странно», — снова размышляю я и хватаю терку, чтобы измельчить яблоки. При этом я заглядываю глубоко внутрь себя, прощупываю, как я ощущаю себя в этих стенах, которые теперь окружают меня. Но нет, здесь я чувствую себя хорошо, я ничем не обременена. Над этим местом не нависает черная тень. Возможно, потому, что отец погиб не здесь, а на пустоши. Его смерть никак не связана с фермой. Вероятно, причина кроется в этом.

— Три яблочные вафли, две с мороженым и сливками, одну с сахарной пудрой, — Лив заглядывает через распашную дверь и вырывает меня из мыслей.

И хорошо, потому что яблоки уже не только почищены, но и натерты. Осталось добавить их в тесто.

— Будет сделано! — спешно выкрикиваю я и

проверяю вафельницу.

Вафельница нагрелась — можно начинать.

Плевать

Фонарик мерцает и освещает мрачную лесную тропу. Может быть, мне не стоило срезать путь? Я вдруг задумываюсь, что было бы куда лучше сейчас ехать по дороге с фонарями. Но уже слишком поздно, я в пути и должна проехать через лес. Я сильнее нажимаю на педали — и динамо-машина на велосипеде начинает светить ярче. Велосипед госпожи Андерсон еще на ходу, но вот модель действительно устарела. Нужно будет обязательно купить дополнительное освещение, потому что эта динамо-машина сейчас меня доконает.

Мы с Лив сегодня вкалывали так, как моя команда в «Ламберти» в лучшие времена. Я замешивала тесто для вафель еще два раза, сама новинка разлеталась как горячие пирожки — что меня, кстати, невероятно радовало.

Когда в шесть часов Лив, наконец, закрыла кафе, ей уже нужно было бежать в хлев. На столах по-прежнему возвышались горы посуды, на

прилавке царил полный хаос. Как бы я ни хотела оказаться за своим письменным столом, я не могла бросить Лив.

Пока Лив доила коз, я принялась наводить порядок в кафе. Когда я закончила с уборкой, Лив вернулась из хлева. Мы вместе собрали подушки с одеялами, которые лежали на садовых стульях. Деньги я не хотела брать ни под каким предлогом, поэтому в качестве благодарности за мою работу Лив упаковала все виды сыра, которые я еще не пробовала. Мы так растрогались и так устали, что в конце концов просто упали друг другу в объятия. Полностью без сил, но невероятно счастливые. Мы с Лив сразились в настоящей битве, а еще перемыли горы грязной посуды. Боже мой, как же я благодарна изобретателю посудомоечной машины за то, что мне не приходится заниматься этим каждый день. Теперь у меня от воды сухие руки, а от долгого стояния болит спина.

Но это неважно, нужно ехать дальше, ведь лес кажется мне все более жутким. Хотя динамо-машина (а точнее, мои ноги, которые крутят педали) борется с темнотой, мне неспокойно в этом лесу. В ветвях деревьев то и дело что-то скрипит, а сейчас начинает кричать совенок. Жутко. Совы

и раньше жили в лесах вокруг Лобекхофа. Чтобы подбодрить саму себя, я начинаю вслух рассказывать историю мамы, которая всегда успокаивала меня в детстве:

— Совы — самые верные птицы на всем белом свете. Самец и самка остаются вместе на всю жизнь. Совы живут в уютном дупле, и если они и кричат «Уху-уху-хухухухуу», то лишь для того, чтобы сказать друг другу: «Я рядом, я всегда рядом с тобой».

Как по команде раздается следующее «Уху-уху-хухухухуу», звук проносится сквозь темные кроны деревьев — и я вдруг чувствую себя ужасно одиноко. Будто выпала из реальности. Крошечный человечек, мерцающий свет, а вокруг только пугающий мрак.

Когда телефон в велосипедной корзине загорается, мне вдруг кажется, что это хорошая весть. Сердце замирает. Я снова возвращаюсь в реальность, торможу и хватаю телефон: Юстус написал. Боже мой, как-то слишком много реальности.

— Юстус, — я специально здороваюсь кратко и слезаю с велосипеда.

— Ты запыхалась, занимаешься спортом?

Вопрос как нельзя лучше соответствует ситуации.

— Я сейчас в дороге на велосипеде. Извини, не было времени позвонить, — выпаливаю я.

Я сразу же злюсь на себя из-за этой дурацкой вежливости. Почему я не могу просто взять и сказать ему правду: «Я не хотела с тобой разговаривать, не хотела ссориться».

— Да, я заметил, — отвечает он недовольным голосом, — но очень хорошо, что я до тебя дозвонился.

— …

— Как ты уже поняла из сообщений, я беспокоюсь. Госпожа Хельмштедт рассказала мне, что ты съехала. Это правда?

«Старая ябеда», — снова думаю я и говорю:

— Да, следующие три месяца я буду жить в Люнебурге.

— В Люнебурге? Господи!

— Я здесь по работе, у меня заказ.

— У тебя что? Извини, связь плохая.

— Заказ, — повторяю я громче.

— Ага, — в голосе Юстуса слышится удивление. — Наверняка крупный.

— Да.

Мужчина медленно начинает действовать мне на нервы:

— Поправь меня, если я что-то не так понял,

но это значит, что наш пентхаус будет пустовать в ближайшее время. Если это так, то мне это не нравится, вообще не нравится.

Я не успеваю ответить, как в лесу раздается громкое «Уху-уху-хухухухуу!».

— Что это было? — кажется, мой муж серьезно обеспокоен. — Фрауке, где ты?

Я стону. Я устала. Юстус раздражает меня. Его сложный характер и притом посреди этой темноты.

— Юстус, мне нужно ехать дальше…

— …но пентхаус, нужно найти какое-то решение, как…

— …бла-бла-бла, пентхаус, — я в точности повторяю тон Юстуса, потому что меня это все уже действительно достало. — Мне плевать. Если ты думаешь, что барахло, которое ты там насобирал, не сможет прожить самостоятельно, можешь отправляться к нему.

— Но Фрауке… — Юстус демонстративно вздыхает.

— Никакой Фрауке, — перебиваю я его. — Мы взяли перерыв. Забыл? Три месяца, в течение которых *я* ничего не хочу о тебе слышать.

— *Ты* не хочешь… Послушай, что на тебя нашло?

— Перерыв в отношениях! До Рождества. До этого момента можешь делать с пентхаусом все что хочешь.

— Ну, я не собираюсь жить там один, я…

— Делай! Что! Хочешь! — перебиваю я его, потому что теперь с меня действительно хватит. — Сейчас я в Люнебурге, и я останусь *здесь*.

Я резко нажимаю «Отбой» и завершаю звонок. С глаз долой. Затем включаю режим полета и бросаю телефон обратно в корзину.

«Что за дурак, — размышляю я, снова сажусь на велосипед и начинаю крутить педали. — Это, конечно, звучало не совсем красиво от тренера по коммуникациям, но зато это чистая правда. Понятия не имею, в чем его проблема с этой проклятой квартирой. Кажется, он сам себя в ней чувствует некомфортно, хотя это и тяжело себе представить. В конце концов, *он* купил ее и обустроил. Единственное хорошее в нашем разговоре — это то, что теперь — из-за моей ярости — динамо-машина ярко светит. И плевать на боль в ногах».

Я со скоростью ветра пересекаю темный лес. Кроны деревьев расступаются — и проглядывает луна. Ее бледный свет падает на два убранных кукурузных поля, между которыми отчетливо

виднеется тропинка. Я чувствую облегчение и немного замедляюсь.

Я мысленно возвращаюсь к письменному столу, ведь дома ждет немало работы. Как минимум мне нужно еще раз просмотреть презентации к завтрашнему семинару и список участников, который прислала госпожа Маллинкродт. Ладно, это не первый раз, когда мне нужно будет поработать ночью. Такие ночные смены хорошо знакомы мне со времен «Ламберти». Странно, что сегодняшняя работа в кафе принесла мне так много удовольствия. Действительно удивительно, ведь «Ламберти» в свое время стал для меня последней каплей. В любом случае мы с Лив сразу же сработались, и это было так здорово, что мы смогли подготовить что-то вместе. Наши гости были невероятно счастливы просто потому, что мы были счастливы — я чувствовала это каждый раз, когда подносила к столику вафли. Гости смогли в полной мере насладиться этим сказочным осенним днем в саду Лив. И я тоже. Какое же все-таки особенное и прекрасное место — ферма Лобекхоф! Неудивительно, что Лив хочет сохранить его. Старые каменные стены предстают перед моими глазами; кажется, они веками окружали просторные лужайки за домом,

на которых растут старые деревья. В центре — дуб с такой раскидистой кроной, что под ней можно было бы вполне провести свадьбу и разместить всех гостей. Жаль, что садовое кафе закрывается на зиму, было бы так здорово…

Из мыслей меня вырывает странный запах. Maggi? Тут пахнет приправами? «Опять у тебя все мысли о еде», — автоматически мелькает у меня в голове любимая фраза Юстуса. Я снова принюхиваюсь. Никаких сомнений: пахнет приправами Maggi. Я растеряна, вопросительно оглядываюсь и замечаю в лунном свете диких кабанов. В кукурузном поле. Я не знала, что они такие огромные. Целое стадо. «Боже, они меня заметили?» Я исподлобья рассматриваю самого большого и крепкого кабана. Кажется, он очень занят: уткнулся носом в землю, роется в ней. Я представляю, что это животное может сделать нечто подобное с колесами моего велосипеда. Вот и приехали… К счастью, кажется, в поле для животных достаточно еды, они наверняка сейчас выискивают оставшиеся после уборки поля кукурузные початки. В любом случае они меня не замечают. Кабаны похрюкивают и чавкают, будто пришли на роскошный римский пир — и, видимо, так оно и есть.

Я тихо, насколько позволяет мой старый велосипед, уношу ноги с поля.

Золотой запас

— Камамбер просто восхитительный, — я стою в очереди перед небольшим ларьком Лив и решаю поговорить с кем-нибудь. — Я не пробовала ничего лучше.

— Ах, правда? — Дама рядом со мной поправляет очки на носу и изучает сыр на прилавке.

— Я сочетаю его с инжиром или мелко нарезанной грушей, а еще хорошим хлебом. Вы знаете, — я делаю небольшую театральную паузу, — больше для счастья и не надо.

Сегодня суббота, поэтому я вновь приехала в свое любимое место — на рынок в Люнебурге. Позади первая рабочая неделя в судоходной компании. Поскольку новых модулей действительно не было — команда из Гамбурга хотела сохранить всё в точности так, как было раньше, — неделя выдалась на удивление простой. С логистикой тоже не возникло никаких проблем: в понедельник, вторник и четверг утром я на велосипеде

ехала на вокзал неподалеку, садилась на поезд и через двадцать шесть минут уже была в Гамбурге. На следующей неделе будет та же программа, но уже с новыми участниками.

А пока — выходные. Точнее, выходные закупки.

— А какой из этих сыров — камамбер, о котором вы только что рассказывали? — Дама с нетерпением смотрит на меня, при этом мне вдруг бросается в глаза, что она очень похожа на актрису Зенту Бергер.

Я указываю на камамбер и иду дальше:

— Вот тот сыр рядом тоже очень вкусный. Невероятно нежный бри! Вам только нужно будет достать его из холодильника за полчаса до еды, и тогда появится такой изысканный аромат. — Я поднимаю глаза к небу. — Поверьте, это просто невозможно описать словами!

— Ну, если вы так считаете. — Зента Бергер подходит ближе.

— А еще, покупая этот сыр, не нужно испытывать чувство вины. Козы каждый день проводят на пастбище, их хлев большой и светлый, они ощущают себя просто прекрасно.

— Правда?

Мы еще немного продвигаемся в очереди.

— Да, я сама была на ферме. Она расположена прямо за городом. Лив, — я указываю подбородком на продавщицу, — делает из козьего молока сыр и продает его здесь.

— Звучит здорово. Вы знаете, я предпочитаю покупать продукты местного производства. В нашем регионе так много всего: взять даже картофель, который выращивают в песчаных почвах, он…

— Кто следующий? — нас прерывает голос Лив, которая уже приветствует меня улыбкой.

— Я, — отвечает Зента и уверенно поднимает указательный палец.

— Чего желаете?

— Кусочек камамбера и кусочек бри, — дама улыбается мне. — Моя новая знаковая очень их рекомендовала.

Лив ухмыляется. Я тоже.

— Хотя нет, — Зента поправляет себя, — я возьму по два кусочка каждого вида. Они так мило упакованы, как раз использую их в качестве подарка сегодня вечером.

Дама поворачивается ко мне и добавляет:

— Нас с мужем пригласили в гости, на этот раз принесем с собой что-то новое.

Зента укладывает свои покупки и направляется

в сторону овощного ларька. Наконец, у Лив есть время для меня.

— Спасибо, — тихо говорит она, когда мы остаемся наедине.

— Ах, за что? За рекомендации? Мне не сложно. К тому же это абсолютная правда. — Я рассматриваю прилавок. — Я уже очень хорошо разбираюсь в твоем ассортименте. От того набора, который ты упаковала для меня в воскресенье, уже почти ничего не осталось.

— Тогда мне очень интересно узнать твою оценку. Как тебе сыр из баррика[13]?

— Это сыр для настоящих ценителей, очень насыщенный вкус. Я заметила кристаллы соли. Как долго сыр созревал?

— Десять месяцев, — лицо Лив вдруг вспыхивает, как светлячок ночью. — Сыр созревал в дубовой бочке из-под рома. Это настоящая находка, прямо с производства на Мартинике. В этом дереве кроется аромат ванили, мягкой сливочной карамели и изюма. Мне было очень интересно поэкспериментировать.

— Это действительно невероятно интересно, — я просто поражена идеей Лив.

---

[13] Примечания: 13

Баррик — дубовая бочка для вызревания вина.

— Вот, попробуй. — Нож скользит по сыру в холодильной витрине.

Небольшой кусочек оказывается на прилавке. Я отправляю его в рот, закрываю глаза.

— Да, аромат насыщенный, но сбалансированный, а еще, — кусочек сыра тает у меня на языке, — чувствуется необычная сладость. — Я открываю глаза. — Наверняка все дело в бочке из-под рома.

Я чувствую себя полностью в своей стихии и даже не замечаю женщину, которая уже заняла очередь за мной. Я обращаю на нее внимание только тогда, когда Лив отводит от меня взгляд.

— Проходите, пожалуйста, — я делаю шаг в сторону. — Я еще не выбрала.

— Ах, подскажите, — новая покупательница приближается ко мне, — какой сыр вы только что пробовали?

— Это был сыр из баррика, — я дотрагиваюсь до витрины. — Премиум-качество, просто фантастика!

Словно по команде, Лив тут же отрезает кусочек сыра и протягивает женщине рядом со мной. Мы с Лив отлично сработались!

— Это что-то совершенно особенное, — звучит вердикт, едва покупательница успевает

попробовать сыр. — Я возьму большой кусок. Пожалуйста, упакуйте мне весь сыр из баррика, который остался.

— Конечно, одну секунду, — Лив сияет.

Она быстрыми движениями отправляет сыр в бумажный пакет, протягивает через прилавок и подсчитывает цену. Когда я слышу, сколько стоит сыр, я удивляюсь. В «Ламберти» я привыкла к совершенно другому. Это очень мало для такого качества!

— Лив, сыр из баррика слишком дешевый, — шепчу я, когда покупательница уходит, — ты должна поднять цену. Это ведь продукт премиум-качества! Цена должна соответствовать, иначе тебе просто никто не поверит.

— Правда? — шепчет Лив. — Насколько поднять?

— В два раза.

Лив смотрит на меня испуганно — и вдруг выглядит невероятно молодо. Собственно, так оно и есть.

— В любом случае бери в два раза больше, — я пытаюсь приободрить Лив. — Вот увидишь, это сработает.

— Я подумаю об этом. — Женщина аккуратно убирает прядь волос с лица. — Хочешь что-ни-

будь взять?

— Конечно! Мне, пожалуйста, кусочек гауды и немного бри. На сегодня этого будет достаточно.

— А какие у тебя, — Лив щедро отрезает два куска сыра, — планы на вечер?

— Никаких, а что?

— Может, хочешь составить мне компанию на фермерском празднике жителей Люнебургской пустоши? Здесь есть немало местных производителей продуктов. Мы собираемся каждый год, осенью, когда становится поспокойнее. В этом году праздник устраивает один из наших пастухов. Возможно, тебе было бы интересно. Кроме того, — Лив подмигивает мне, — тебе нужно познакомиться с кем-то, иначе ты тут совсем заскучаешь.

— Ох, — приглашение Лив трогает меня до глубины души, — это так мило с твоей стороны.

— Я могу зайти за тобой в восемь.

— Полный сервис! Я буду очень рада. Ровно в восемь часов буду на улице — и можешь меня забирать.

Я быстро записываю Лив свой адрес, и мы обмениваемся — уже давно пора — номерами телефонов.

— Ну, тогда до скорого! — Лив машет мне рукой

и уже обращается к вновь прибывшим покупателям.

В прекрасном настроении я отхожу от сырного ларька. Нужно еще купить овощи, фрукты, хлеб — и тогда выходные спасены! Я заглядываю еще в два ларька, а потом хватаю велосипед и направляюсь в пекарню к Класу. Посмотрим, дома ли мастер.

Как только я захожу в пекарню, тут же чувствую на своей штанине маленький носик.

— Дереза, — я наклоняюсь к ней, — я тоже рада тебя видеть!

Такса энергично виляет хвостом, а потом утыкается носом в мою корзину с покупками.

— Пойдем, я знаю, что ты питаешь особую слабость к моркови. — Я опускаю руку в корзину и вырываю одну морковину из недавно купленного пучка. — Держи.

Я наблюдаю, как Дереза хватает морковку и гордо несет трофей на свою подушечку возле двери. В этот момент я размышляю о Юстусе. «Возможно, он прав: я постоянно думаю о еде, даже когда вижу маленькую таксу. *Хотя*, — я мысленно поправляю себя, — я думаю не о *еде*, а о *Еде*, с большой буквы. Да, разница небольшая, но важная». Может быть, мне действительно

стоило бы что-то сделать из этого, как советовала Бетти. Она твердо убеждена, что в моей любви к хорошей еде кроется какой-то дар, талант, который стоило бы развивать и использовать.

— Стратегический запас на бедрах, — тихо шепчу я и не могу сдержать улыбку. — Да, в таком случае эта фраза приобретает совершенно иное значение.

— Кто это решил почтить нас своим присутствием?

Я узнаю этот баритон. Клас стоит в дверном проеме и смотрит на меня. Интересно, как долго?

— Дереза любит тебя.

— Или мою морковку, — подмечаю я.

— Ты занята сегодня вечером? — мужчина самоуверенно откидывает кепку со лба.

Я уже говорила, что люблю целеустремленных мужчин?

— Да, занята, — отвечаю я просто, потому что даже целеустремленных мужчин надо иногда держать в напряжении, иначе они упустят свою цель — и будет очень-очень жаль. — Ты опоздал, Клас. Тебя опередили.

Идеально

Еще издалека я замечаю горящие факелы. Они обрамляют с двух сторон гравийную дорожку, ведущую к деревянному амбару.

— Это ферма Зёрена, — Лив обгоняет меня, — одного из местных пастухов, который держит четыреста степных овец. Он каждый день выходит с ними на пустошь. Животные предотвращают чрезмерную растительность: щиплют кусты и деревья. Если бы не они, пустошь давно бы уже заросла.

Я следую за Лив в мерцающем свете. Под ногами хрустит гравий. Жаль, что уже стемнело и я могу разглядеть только очертания фермы. Чтобы добраться до нее, нам с Лив пришлось довольно долго ехать по деревне. В какой-то момент улочки стали настолько узкими, что я готова была развернуться и отправиться домой. К счастью, Лив была за рулем: она мастерски уворачивалась от огромных тракторов, которые двигались на-

встречу. Женщина с точностью до миллиметра маневрировала на своем автофургоне между тракторными шинами, деревьями и столбами забора.

— Зёрен тоже делает сыр, но из овечьего молока? — Я стараюсь не отставать от бегущей впереди меня Лив, которая, к слову, еще и несет большую доску с сырным ассорти.

— Нет, — Лив поворачивается ко мне, не переставая двигаться вперед. — Молоко степных овец нужно только для ягнят. Большинство из них забивают, когда те достигают определенного возраста. Никогда не пробовала жаркое из баранины?

Я задумываюсь, готовлюсь ответить, но мы уже оказываемся в месте назначения: двери амбара распахнуты настежь. Перед ними, на небольшой поляне, уже собралось два-три десятка человек. Они расположились около двух чаш для костра, в которых ярким пламенем горят дрова. Дети резвятся вокруг, рядом бегает несколько собак, слышен смех. Какая чудесная атмосфера!

— Вот ты где! — широкоплечий мужчина оставляет гостей, подходит к Лив сзади, хватает ее за талию и с легкостью поднимает.

— Осторожно, осторожно! — Лив пытается удер-

жать в руках сырное ассорти. — У меня тут груз.

Мужчина осторожно опускает Лив на землю и в ответ получает поцелуй в щеку.

— Зёрен, а где ты расположил закуски?

— В амбаре, справа от двери.

Видимо, на этот праздник каждый приносит что-то с собой. Мне неловко, ведь я пришла с пустыми руками.

— Замечательно, тогда я отнесу сыр туда. И, Зёрен…

— Да?

— Познакомься. Это Фрауке, она из Гамбурга, но сейчас живет здесь.

После этих слов Лив исчезает в амбаре. Тем временем Зёрен не отходит от меня ни на шаг. Тех слов, которые бросила Лив, явно хватило, чтобы пробудить в нем любопытство. И не только его. Вскоре я знакомлюсь с Маттиасом, Максом, Карлой и другими гостями праздника. Меня, словно какой-то кубок, передают из рук в руки. Вскоре мне становится ясно, что здесь все знакомы друг с другом уже целую вечность, а я на этом вечере новичок. Все они называют себя жителями пустоши и производят продукты, которые то и дело демонстрируют. Зёрен — впереди всех.

— Салями и крупнорубленые колбаски на сто

процентов состоят из мяса степных овец! Попробуй, чувствуешь нотки дикого мяса? Мясо степных овец особенно нежное, это результат активного движения животных.

Потом ко мне подходят Макс и Карла. Они выращивают на своей ферме в песчаных почвах картофель. Поскольку однажды этого дохода перестало хватать для жизни, Карла, по профессии специалист по рекламе, придумала идею с картофельными чипсами. Сегодня Макс и Карла производят чипсы четырех вкусов и упаковывают их в шикарные бумажные пакетики. Я пробую все вкусы, больше всего мне нравится вариант «Розмарин, тимьян и морская соль». Потом я с радостью встречаю Маттиаса, местного пивовара. Меня как раз одолевает жажда. Маттиас наливает мне темное деревенское пиво, и ему льстит, что я за одну секунду опустошаю кружку и прошу вторую.

Потом я решаю присесть. Вокруг чаш для костра Зёрен расположил несколько деревянных лавок, обитых серебристо-серой овчиной. Я опускаюсь на одну из скамеек, вытягиваю ноги. Вдалеке узнаю силуэт Лив, которая возвращается из амбара, и машу ей.

— Ну что, как прошло знакомство? — Лив под-

ходит ко мне и садится рядом.

— Идеально! — Словно в подтверждение своих слов, я поднимаю кружку с пивом.

— Ах, — понимающе замечает Лив, — ты познакомилась с Маттиасом.

— О да, а еще с Зёреном, Максом, Карлой…

— …тогда я сейчас познакомлю тебя с Гуннаром.

Долговязый мужчина выходит из амбара, оглядывается по сторонам и, заметив Лив, направляется к нам.

— Фрауке, познакомься, это Гуннар. Гуннар, знакомься, Фрауке, — рука Лив движется взад-вперед между нами, словно дирижерская палочка.

В свете костра мне удается разглядеть молодое лицо мужчины. Видное, немного худощавое, как у Лив, но интересное.

— Привет, — Гуннар поднимает руку в знак приветствия — и всё.

Он явно не любитель разговоров. Кажется, Лив тоже об этом задумывается и перехватывает инициативу.

— Гуннар делает сидр. Он собирает яблоки на лужайках, засаженных плодовыми деревьями. Мало кому они нужны. Потом Гуннар выжимает яблоки, дает соку перебродить, убирает его на

хранение и ждет, пока готовый сидр можно будет разлить по бутылкам.

— Хочешь попробовать? — включается в разговор мужчина.

Я вежливо улыбаюсь и указываю на свою полупустую кружку пива. Кажется, это совсем не впечатляет Гуннара, потому что он исчезает и возвращается с полным фужером сидра.

Я сдаюсь. К счастью, мне сегодня не нужно садиться за руль. Я допиваю пиво и беру фужер.

— Будем здоровы!

Сначала я принюхиваюсь к аромату, потом делаю глоток. Напиток приятно шипит на языке, фруктовый и легкий, температура идеальна.

— Великолепный вкус! — я киваю Гуннару.

Он коротко кивает в ответ и, не сказав больше ни слова, исчезает.

— Да уж, неразговорчивый он, этот Гуннар. — Я смотрю вслед мужчине.

— Согласна с тобой. — Лив поднимает свой бокал. — Мне нравится, как сидр мягко пенится, а еще он не слишком сладкий — отлично подходит к моему сыру.

Точно, я об этом и не подумала.

— Этот вкус возвращает меня во Францию, — произношу я, делая глоток. — Мы с мужем

проводили там много времени.

— А где теперь твой муж?

Я отмахиваюсь. Вечер прекрасный, пусть он таким и останется. Гораздо больше меня сейчас интересует кое-что другое.

— Лив, а ты знаешь, что такое croûte cendrée?

Женщина пожимает плечами.

— В переводе с французского это означает «пепельная корочка». Это такой популярный во Франции вид консервации. Традиционно в этих целях использовали пепел прямо из домашнего камина, — я указываю на чаши для костра перед нами. — Пепел стерильный и забирает лишнюю влагу, а продукты, которые в нем обваливают, хранятся дольше. А еще пепел придает продуктам пряную нотку.

— Черный пепел на белом сыре, — тут же замечает Лив.

— Пепельная корочка, которая при нарезании сыра открывает белоснежную сердцевину.

— Очень благородно.

— Продукт премиум-качества.

Мы с Лив улыбаемся, обрадованные новой совместной идеей.

— С тобой по-настоящему приятно общаться, Фрауке. — Лив кладет руку мне на бедро. — У

тебя замечательные идеи, и ты знаешь, как демонстрировать покупателям товары, как их продавать.

— В конечном счете всегда важно качество, без него никуда. Но если ты можешь рассказать про свой продукт небольшую историю, это выделяет тебя среди твоих конкурентов. Это практически часть упаковки. Такой историей может стать что угодно: способ приготовления, традиция, рассказ о чем-то или даже что-то личное, например пережитый опыт или предпочтения. В этом кроется страсть. Люди любят слушать истории, а потом пересказывать их за столом своим гостям или родным.

— Ты гениальна, Фрауке. Это именно то, чего не хватало моему сыру. Если бы у меня были деньги, я бы прямо сейчас взяла тебя на работу.

Я улыбаюсь. Лив действительно очень милая.

— Тогда я бы смогла проводить больше времени с Валери. — Лив делает глубокий вдох. — Я уделяю ей мало внимания.

— Я поражаюсь, как ты все это успеваешь: хлев, сыроварня, ребенок.

— Ах, пока я занята на ферме, все в порядке. Единственные трудные дни для Валери — это те, когда мне нужно работать на рынке. При этом са-

мое тяжелое время еще впереди: в конце ноября в Люнебурге открывается рождественский базар. Я очень хочу быть там, но пока не знаю, смогу ли осуществить задуманное.

— А где сейчас Валери?

— Спит у соседки дома. К счастью, наши дочки дружат, иначе я бы просто пропала.

Из амбара вдруг доносится музыка. Кто-то смеется, прибавляет звук. Без лишних слов и рассуждений несколько пар забегают внутрь и начинают танцевать. Видимо, разминка тут никому не нужна. Гуннар вдруг появляется перед нами, как из ниоткуда, берет Лив за руку — и пара исчезает на танцплощадке. «Отлично», — думаю я.

Прекрасный вечер. Я оглядываюсь по сторонам, наблюдаю за радостными знакомыми и ярким пламенем огня, затем поднимаю взгляд вверх: надо мной могущественно раскинулся усеянный звездами небесный купол. Я давно не видела ничего подобного. Огромный купол. Тысячи огоньков: одни крошечные, другие побольше. Ни один уличный фонарь, ни одна машина не затмевает этот свет. Будто на ночной сцене, звезды рассыпались по иссиня-черному небу. Уму непостижимо! Здесь, на ферме, царит кромешная

тьма.

— Ух, — тихо бормочу я, не опуская голову. Рот приоткрыт от изумления.

— Красиво, не правда ли? — раздается баритон рядом со мной.

Я не опускаю голову, ведь прекрасно знаю, кто это.

Закрываю рот и все же поворачиваюсь: нет, увидеть здесь Класа я не ожидала. Хотя неудивительно, что он часть компании жителей Люнебургской пустоши.

Клас держит в руках охапку багетов. «Точно, — размышляю я, — среди закусок не хватало хлеба — и вот теперь он здесь».

— И кто же меня опередил? — прямо спрашивает Клас и здоровается с пастухом, который в этот момент подходит к нам. — Зёрен? Он, что ли?

Я смеюсь. Никогда бы не подумала, что Клас так тяжело воспримет мой отказ.

— Нет, не он, — отвечаю я честно. — Меня пригласила Лив.

— Вот оно что, — кивает мужчина. — Наша коза в своем репертуаре.

Мы смотрим друг на друга и улыбаемся.

— Мне нужно занести это в амбар, — Клас поднимает охапку багетов. — Хочешь что-нибудь

выпить?

Я приподнимаю фужер и покачиваю им.

— Сидр?

— Было бы здорово.

— Вернусь через минуту.

Мужчина исчезает в амбаре. Видимо, Зёрен как раз ждал этого момента. В следующую секунду он подходит ко мне и занимает место, где только что стоял Клас.

— Да-да, звездное небо здесь, на пустоши, — это что-то особенное. — Зёрен запрокидывает голову.

— Очень красиво! — Я тоже поднимаю взгляд к небу.

— Бывает, сижу ночью один в своем саду и смотрю на небо. — Мужчина указывает пальцем куда-то вверх. — Когда сталкиваешься с таким величием, чувствуешь себя таким маленьким и незначительным…

— Не неси ерунды, — Клас вернулся. — Зёрен, ты и так *маленький* и незначительный, для этого тебе не надо сидеть по ночам в саду.

— Клас, — Зёрен со стоном опускает голову, — как хорошо, что ты тоже здесь.

В каждом слове мужчины сквозит ирония.

— Взаимно.

Кажется, эти двое дразнят друг друга.

— Хм, два очаровательных господина, — я вмешиваюсь в разговор.

— Вот, это тебе, — Клас протягивает мне один фужер.

— Как мило с твоей стороны, что ты принес мне сидр. — Зёрен пытается отобрать у Класа второй фужер.

— Только посмей. — Клас уворачивается и садится на свободное место рядом со мной.

— Твое здоровье! — говорит Клас и намеренно наклоняется ближе ко мне.

Я снова чувствую запах лосьона после бритья, который заметила еще тогда, в его квартире.

— Ты прямо-таки набиваешься нашей Фрауке в друзья, — Зёрен подступает с другой стороны.

— «Нашей Фрауке»?! — Клас хохочет и поправляет свою кепку. — Скажи ему, — мужчина обращается ко мне, — что мы уже давно знакомы.

Я не успеваю ничего ответить, ведь Зёрен перебивает меня:

— А нашему мастеру пекарного дела разве не пора в кроватку?

— Завтра воскресенье, мой дорогой. — Клас расправляет плечи. — По воскресеньям пекарня

закрыта. В этом и заключается преимущество того, что мы не печем булочки.

«Старый лис, — думаю я, — а он хорошо устроился». Я возвращаюсь к сидру, пока начинается следующий раунд перепалки. И я все острее начинаю чувствовать себя судьей на теннисном матче. Пока мужчины спорят, я решаю отступить назад.

— Видишь, — негодует Зёрен, — что ты наделал. Ты, грубиян! Фрауке больше не хочет иметь с нами ничего общего!

— Ха! И ты мне будешь рассказывать, как обращаться с женщинами? Ты?

— Стоп. Хватит!

С меня достаточно, я встаю со своего места.

Неожиданный поворот событий, которого, видимо, ожидал Маттиас, пивовар. Он вдруг оказывается рядом и забирает у меня фужер.

— Не стоит это пить, — объясняет он, вручает фужер удивленному Зёрену и тянет меня за собой в амбар. — Пойдем потанцуем.

«Какая замечательная идея, — думаю я, — ведь начинает играть старая классика Wake Me up Before You Go-Go группы Wham! Как здорово! Пивовар танцует просто прекрасно. Когда еще мне представится такая возможность? Я уже и не пом-

ню, когда последний раз танцевала дискофокс. Но я все еще помню, как его танцевать. И притом помню неплохо!»

Настроение взлетает до небес, когда раздается I Will Survive Глории Гейнор и I Was Made for Loving You группы Kiss. Потрясающий плейлист! А когда ABBA начинает исполнять Dancing Queen, пивовар чуть ли не падает к моим ногам. Я и не думала, что у него есть актерский талант. Я смеюсь без остановки.

— Пойдем, — говорит Маттиас, когда я слышу следующую песню — Dancing in the Dark Брюса Спрингстина, — выпьем чего-нибудь.

Не прошло и минуты, как в руке у меня оказалась кружка пива. Не успевая как следует задуматься о том, поладит ли оно с сидром в моем животе, я выпиваю напиток. А все-таки танцы усиливают жажду.

Пока пивовар подливает мне пива, мой взгляд скользит по амбару и останавливается на Лив и Гуннаре. Они уселись на тюке соломы и целуются.

— Ох, Гуннар, в тихом омуте… Кто бы мог подумать, — бормочу я себе под нос и узнаю первые ноты It's Not Unusual. «Да это ведь Том Джонс! Надо обязательно потанцевать! Где Маттиас?» Я

оглядываюсь по сторонам.

— Позволишь? — Клас внезапно возникает сзади и берет меня за руку.

И вот мы уже на танцполе. Теперь я чувствую не только алкоголь, растекающийся по венам, но и невероятное притяжение, исходящее от этого мужчины. Ну и дела! От всего этого у меня начинает кружится голова. Клас танцует с поразительной уверенностью. Неужели всех мальчиков здесь, на пустоши, учили этому в школе? Прежде чем я успеваю об этом подумать, Клас делает небрежный поворот, потом снова обхватывает меня за талию — на этот раз крепче. Клас смеется. Как же этот мужчина умеет смеяться! Его баритон идет откуда-то прямо из самой глубины живота.

Снова поворот, на этот раз быстрее. Я уверенно кружусь, Клас подхватывает меня. По сравнению с нами, сюжет фильма «Грязные танцы» просто детский лепет! Пусть этот танец продолжается бесконечно, весь вечер.

После последних тактов воцаряется тишина — то самое мгновение, когда Клас притягивает меня к себе. Что происходит? Нас прерывает Элвис Пресли. О боже, это же Suspicious Minds — одна из моих самых любимых песен! Если так

пойдет и дальше…

Я пою первые строчки песни — и мы начинаем танцевать. Что за ночь! Плечо, которое я чувствую пальцами, чертовски приятно на ощупь. А глаза под козырьком кепки — да они просто, они… Господи, как же жарко.

Когда песня заканчивается, Клас крепко обнимает меня. Если сейчас заиграет Always on My Mind, я не знаю, что я буду делать.

Не проходит и трех секунд, как начинает звучать именно это песня. Баритон тихо подпевает. Совсем рядом, прямо у моего уха.

Неприятности

Я ведь рассказывала, что Зора тоже была на празднике? Зора занимается приготовлением джина: собирает на пустоши ягоды можжевельника, добавляет разную зелень и разливает готовый дистиллят в декоративные аптекарские бутылочки. Вот эти бутылочки и стали завершением вчерашнего вечера.

До сих пор помню вкус джина: мягкий, совершенный, с изысканными нотками можжевельника. Слишком хорош, чтобы остановиться. Помню только, как хотела вернуться домой, искала Лив, но не нашла ее. А что было потом? Без понятия.

Ничего не помню.

Сейчас утро воскресенья. Лучи солнца пробиваются в мою комнату, я лежу в кровати. Прикладываю тыльную сторону руки к ноющему лбу, смотрю на открытый фронтон и совершенно не хочу вставать. Вообще никогда не хочу вставать. Настолько мне плохо.

Поскольку мне, как любому человеку, рано или поздно надо идти в туалет, я скатываюсь с постели. Опускаю ноги на пол, чувствую холод деревянных досок, а потом — что-то еще, что-то мягкое. Что это? Когда я решаю пододвинуть большим пальцем ноги этот предмет, то узнаю кепку Класа. Боже, я утыкаюсь лицом в ладони. Как же неловко! Пожалуйста, пусть мои мысли не подтвердятся. Неужели мы вчера в итоге оказались в моей спальне?

Я глубоко вздыхаю несколько раз, выпрямляюсь и осторожно кричу «Привет!» куда-то вглубь квартиры. Никто не отвечает. Спасибо. Класа не видно. Я осматриваю себя. На мне нижнее белье и рубашка, в которой я была вчера вечером. Уже радует…

Я плетусь в ванную, чувствую головокружение, делаю все необходимое и роюсь в косметичке в поисках таблеток от головы. Нахожу упаковку и выпиваю сразу две таблетки. Осталось только ждать и надеяться, что они подействуют.

Который час? Я ищу телефон, он, как обычно, лежит на прикроватной тумбочке: 10:43. Так поздно! Кроме того, я вижу, что мне написала Лив. Снова принимаю горизонтальное положение, чтобы боль не ощущалась так сильно, и

открываю сообщение:

Ты где? Я собираюсь домой.

Сообщение краткое, но сбивает с толку. Я проверяю: Лив отправила его в 03:14. Ага. Жаль, что я понятия не имею, где была в это время. Просто невероятно. Сколько мне лет? Пятнадцать? На мгновение я думаю о Юстусе. Но ничего не выходит, потому что, помимо головной боли, у меня в голове нарастает еще и чувство стыда. И то и другое просто невыносимо.

Я бросаю телефон рядом на матрас и снова поднимаю взгляд на фронтон, пытаясь по кусочкам реконструировать в памяти вчерашний вечер. Ничего не выходит. Передо мной всплывает только образ Класа, его глубокий смех, на секунду я чувствую запах того самого лосьона после бритья. А дальше — ничего. Надеюсь, таблетки скоро подействуют. Голова набита ватой, если не сказать стальной ватой, жесткой и совершенно не податливой.

Я решаю написать Лив. Она наверняка волнуется:

Хэй, Лив, как дела? К сожалению, мы вчера потеряли друг друга из виду. Я дома,

голова трещит с похмелья.

На большее меня не хватает. Не проходит и тридцати секунд, как получаю ответ:

Привет! Все хорошо. Мы с Валери на детской площадке.

Просто невероятно: детская площадка, крики. У меня разрывается голова. Как она это делает? Наверняка Лив на рассвете уже доила коз. Следующее мое сообщение звучит вдвойне неловко, но я должна спросить:

Это ты отвезла меня вчера домой?
Нет.
Господи, у меня провал в памяти. Боюсь, что меня привез домой Клас. Здесь его кепка.
О-ля-ля!

После этого сообщения приходит куча смайликов. Как же стыдно. Я повела себя как подросток, которого впервые отпустили на дискотеку. При всем этом я старше Лив! Я снова краснею и вдруг вспоминаю сцену: Лив и Гуннар устроились на тюке сена и целуются. Честно говоря, это тоже не

особо походило на подростков. Я отвечаю:

Как там Гуннар?

К счастью, таблетки начинают медленно действовать. Я жду ответа и решаю отправить еще одно сообщение:

Вчерашний праздник удался на славу: милые гости, хорошее настроение, но вот алкоголь срубил меня наповал. А вы, жители пустоши, всегда так много пьете?

Мое сообщение остается без ответа. Я сказала что-то не так? Может быть, вопрос о Гуннаре был лишним? Наверняка ей после вчерашнего не так неловко, как мне. Я решаю пока оставить сообщения и снова пытаюсь подняться с кровати. Получается. Я продвигаюсь к краю кровати и осторожно поднимаю все еще лежащую на полу кепку Класа. Твидовая ткань немного колючая. Я поворачиваю кепку, внимательно изучаю этикетку: Шотландия. Потом подношу материал к носу и улыбаюсь: кепка пахнет Класом. Абсолютно точно. Я наклоняюсь вперед, выдвигаю пустой комодный ящик и кидаю туда кепку. Не хочу смотреть на нее и вспоминать о своей ошибке,

своей *возможной* ошибке. А это вообще было ошибкой? Как обычно, все это слишком сложно. Проще будет просто взять телефон и написать, ведь Класу точно не хватает его пропажи.

Привет! Ищешь кепку? Она у меня.

Просто и понятно. Я предпочту не вдаваться в подробности. Может быть, пройдет немного времени и я сама все вспомню. Все, что мне нужно сейчас, так это душ, кофе и бутерброд с сыром. А потом посмотрим.

Я выполняю все свои дела в запланированном порядке, а потом беру в руки телефон. Интересно, Класс ответил? Клас — нет, а вот Лив — да:

Прости, Валери упала, нужно было обработать ей коленку. Я зайду к тебе после обеда? Хочу кое-что с тобой обсудить.

Ох, это что-то важное? Если Лив хочет специально зайти ко мне, видимо, что-то срочное. Надеюсь, это не связано со вчерашним вечером. Я подчеркнуто непринужденно отвечаю:

Конечно! Во сколько тебе будет удобно? В три?

В момент, когда я отправляю сообщение, раздается звонок в домофон. Клас? От страха я перестаю дышать. Головная боль возвращается. Потом я прихожу в себя, выдыхаю и бегу в коридор, чтобы открыть дверь. Чувствую страх и выжидаю, кто же поднимется по лестнице. Слышу быстрые шаги.

— Бетти! — это просто невероятно, ведь я меньше всего ожидала увидеть здесь Бетти.

— Фрауке! — мое имя вдруг звучит, словно зов о помощи. — Я знала, что найду тебя здесь.

В следующую секунду Бетти бросается ко мне в объятия. Что случилось? Я крепко обнимаю подругу и чувствую, как быстро стучит ее сердце.

— Пойдем, — я мягко подталкиваю Бетти в квартиру, — давай для начала зайдем в дом.

Я забираю у Бетти из рук дорожную сумку, веду подругу на кухню и пододвигаю ей стул.

— Присядь, Бетти. Что случилось?

Только сейчас мне приходит в голову мысль, что вопрос должен был бы звучать иначе. А именно: «Откуда ты знаешь, что я здесь?» Но сейчас это не имеет никакого значения. Сейчас важно оказать экстренную помощь.

— Виктор станет отцом! — голос Бетти срывается.

Подождите, я ничего не понимаю. Если Виктор станет отцом, то это значит, что Бетти… Но ведь она для этого уже слишком… Ничего не проясняется, а еще и голова раскалывается…

— Клео беременна.

Я все еще не совсем понимаю, и Бетти замечает это.

— Клео — это его нынешняя *подруга*, — Бетти практически выплевывает последнее слово. — Ей двадцать восемь! Двадцать восемь!

— Ох! — единственное, что я могу сказать, хотя прекрасно понимаю, что этого недостаточно. — Ох, это… ребенок… это ведь… чудесно.

— Прекрасно? — Бетти в ужасе. — *Прекрасно?* Виктор ей в отцы годится.

Вот черт, видимо, это был плохой ответ. Но я просто не готова сейчас к такому вызову. Мне абсолютно ясно, что у Бетти и ее мужа вот уже несколько лет раздельная личная жизнь, у Виктора есть любовные интриги и он этого не скрывает. Тем не менее я все же не могу связать все это воедино.

— Ну, — я безрезультатно пытаюсь как-то решить ситуацию, — тогда ты в некотором роде станешь… бабушкой.

Не успеваю я договорить, как уже знаю, что

только приумножаю неприятности. Лучше бы я молчала. Просто молчала.

— Фрауке, да что на тебя нашло? В этой ситуации нет ничего прекрасного. И я *не буду бабушкой*.

Нет, конечно нет. Боль в голове усиливается. Я опираюсь локтями на обеденный стол и утыкаюсь лбом в ладони. Все это для меня сейчас просто слишком! Я закрываю глаза и замолкаю.

На мгновение наступает тишина. Как же хорошо!

— Фрауке? — Бетти касается моего предплечья. — У тебя все в порядке?

Я молча качаю головой и бормочу:

— У меня ужасное похмелье.

— Ох!

— А еще провал в памяти, — невнятно добавляю я. — И в спальне я нашла мужскую кепку.

— О нет.

— О да.

Снова тишина. Потом раздается смешок. Я поднимаю глаза и смотрю на Бетти: красные заплаканные глаза, нос и рот прикрыты рукой. Когда я понимаю, что подруга смеется, я тоже начинаю хихикать. Бетти отдергивает руку от лица и громко хохочет.

— И кто это был? — выпаливает она. — Тот красавчик? Пекарь?

Я киваю. Бетти вскрикивает, хлопает в ладоши и не может сдержать эмоций. Я тоже.

— Тебя ни на секунду нельзя оставить одну, — Бетти хватает ртом воздух, — ведь ты тут же прибираешь к рукам все самое лучшее!

Я смотрю на себя со стороны, качаю головой, но признаюсь: Бетти права.

— Ты сияешь как медный грош, — Бетти смахивает слезу — надеюсь, на этот раз от смеха.

Как же хорошо. Хорошо, что Бетти здесь. Я вдруг чувствую, как мне ее не хватало. Моей Бетти.

— Я рада, что ты приехала.

— Я тоже.

— Как ты вообще узнала, что я здесь?

Бетти кривится:

— Юстус позвонил.

— Юстус? — Я отпускаю ее руку.

— Да, я тоже была в шоке. Мне показалось, что он очень переживает…

— …видимо, переживает за свой дурацкий пентхаус.

Бетти качает головой:

— В любом случае он спросил, не знаю ли я, что ты делаешь в Люнебурге. Видать, бедняга так

и не смог найти всему происходящему объяснение. Мне показалось, что он был не на шутку озадачен.

В словах Бетти скользят нотки иронии. Бетти и Юстус никогда не ладили. Тем удивительнее, что мой муж позвонил именно ей.

— Я молчала как могила, — Бетти заговорщически улыбается, — но знала, где смогу тебя найти, — взгляд подруги блуждает по квартире. — В последний раз, когда ты приезжала в Люнебург, ты чувствовала себя здесь так хорошо.

— Да, — я следую за взглядом Бетти, — это правда. Это мое гнездышко — и сейчас я как никогда нуждаюсь в нем.

— Поверь, я тебя очень хорошо понимаю. — Мы с Бетти улыбаемся и просто радуемся тому, что мы есть друг у друга.

— Знаешь что, — я выпрямляюсь, смех вернул мне жизненные силы, — мы сейчас выйдем на улицу и немного освежимся. Прогулка пойдет нам обеим на пользу, а потом ты расскажешь мне историю с Виктором еще раз. Сначала. По порядку.

— А потом твоя очередь, — Бетти подмигивает мне. — Я хочу знать все об этом красавчике. Все по порядку.

Ликование

— Он рад?

Я взяла Бетти под руку, мы прогуливаемся по старому городу. Многие домики, которые стоят здесь бок о бок веками, покосились. Они прислонились друг к другу, будто давние друзья.

— Виктор рад, что станет отцом? — спрашиваю я снова.

Бетти кусает губы.

— Я думаю, да, — шепчет она.

От этой грусти и честности у меня внутри все сжимается.

— Мы всегда сходились во мнении, что не хотим заводить детей, — Бетти тяжело дышит, — а теперь вот.

— Ты чувствуешь себя, — я пытаюсь подобрать правильное слово, — преданной?

— Да, я чувствую себя преданной Виктором, а еще, — теперь уже Бетти подыскивает подходящие слова, — жизнью. Это ведь так подло: ему за

пятьдесят и он вдруг станет отцом. Для него это не проблема, ведь Клео будет рожать ребенка, она будет ухаживать за ним. Она рада! Виктор сможет сохранить собственную жизнь, галерею — сохранить все. А еще у него вот-вот родится ребенок, небольшие расходы никак на него не повлияют.

Бетти поднимает глаза и смотрит на небо.

— Если задуматься, то это вообще чудо, что все длилось так долго. У Виктора за последние годы было столько *подруг*. Рано или поздно кто-то из них должен был забеременеть.

— Но ты ведь была не против, что у него могут быть любовные интриги, разве не так? — переспрашиваю я на всякий случай.

Бетти кивает:

— Знаешь, все его подруги всегда были чем-то проходящим. Но с ребенком все будет по-другому. Это ведь ребенок, это навсегда.

— Есть какие-то конкретные планы?

— Без понятия. Наверное, Клео переедет к нам в дом, я имею в виду в квартиру к Виктору.

— Окей, — протягиваю я. — А ты? Ты хочешь, — я изучаю выражение лица подруги, — остаться в этом доме?

Бетти делает глубокий вдох:

— Это мой дом. Я люблю его. Я перестраивала этот дом и знаю в нем каждый уголок. Не хочу отказываться от этого.

Бетти пытается совладать с эмоциями. А я даю подруге время, чтобы собраться с мыслями.

Порыв ветра сдувает волосы мне на лицо. Свободной рукой я расстегиваю верхнюю пуговицу пальто. Погода освежает — и мне это нравится. Я люблю осень, люблю бродить с Бетти по улицам Люнебурга, укутавшись в теплую одежду. Такое чувство, будто этот город просто создан для зимы и свечей за окнами с переплетами. Разве Лив не говорила вчера что-то про рождественскую ярмарку? Причудливые, выступающие на тротуар эркеры, маленькие подъемные краны, ведущие на чердак, — все это пробуждает во мне что-то: предвкушение радости, ликование. Я улыбаюсь, когда вспоминаю это забытое слово. Да, я предвкушаю время, которое ждет меня. Предвкушаю жизнь. Боже мой, как же давно я не думала ни о чем подобном. *Я предвкушаю свою жизнь.* Какое же это счастье — быть живой.

— Я правда не знаю, что будет со мной и Виктором, когда у него родится ребенок, — Бетти возвращает меня в настоящее время. — Я ужасно злюсь на него, чувствую себя раненой, обманутой

и еще много чего. Но вот чего я действительно боюсь, так это потерять его. Мне стыдно, но это действительно так.

— Не стоит. Потерять свою тихую гавань — это действительно очень пугает. Я знаю, о чем говорю. Но теперь, после первого испуга, я вижу во всем этом что-то вроде шанса. Кажется, будто жизнь постучалась ко мне в дверь и предупреждает: «Хэй, впереди еще столько интересного!» — Я крепче прижимаю к себе руку Бетти. — Хочешь узнать, как мне представляется эта ситуация?

Бетти смело кивает.

— Если кто-то в этом мире и сможет выдержать это испытание, то это вы. Я имею в виду, — тут я ободряюще улыбаюсь подруге, — ваш брак уже очень давно далек от привычного, но вы все равно вместе. Если тебе интересно мое мнение, то я считаю, что именно *вы* являетесь друг для друга настоящими спутниками жизни. По крайней мере, мне так кажется, когда я смотрю на вас.

— Спасибо. Да, ты права.

— Помнишь ту лунную ночь, когда мы сидели вместе на террасе? Ты тогда говорила, что от размышлений о детях никуда не деться, что ты сожалеешь, что не сможешь стать бабушкой. А еще ты сказала, что Клео очень даже неплохая

девушка.

Я останавливаюсь и смотрю на напряженное выражение лица Бетти.

— Я прекрасно понимаю, что ваша ситуация далека от обычной. Но, с другой стороны, вы необычная пара, — осторожно продолжаю я. — Конечно, я пошутила, когда сказала, что ты станешь бабушкой. Это было абсолютно поспешное утверждение. Но если задуматься, — я покашливаю, — то в этом что-то есть. Это было бы что-то вроде новой формы пэчворк-семьи.

Взгляд Бетти устремляется на булыжную мостовую впереди. Лицо спокойное, но мысли роятся в голове. Об этом свидетельствует небольшая морщинка между бровями. Я даю подруге время, чтобы обдумать мою идею. Отвожу взгляд от Бетти и принимаюсь рассматривать бережно отреставрированные здания, мимо которых мы проходим. Старинные кирпичные фасады с замысловатой отделкой, украшениями на фронтонах и двери, которые так и манят войти, — все это успокаивает меня. Через пару недель Люнебург точно превратится в чарующий и красивый рождественский город.

— Не знаю, смогу ли я, — голос Бетти начинает угасать.

— И не надо, — подбадриваю я подругу. — Когда родится малыш?

— Думаю, сейчас Клео примерно на седьмом месяце.

— Тогда у тебя есть еще пара месяцев. Поговори с Виктором, потом с Клео, расскажи им о своем страхе. Почему-то, — я подставляю лицо новому порыву ветра, — у меня хорошее предчувствие. Думаю, вы сможете найти решение.

— Спасибо, что веришь. — Бетти одаривает меня робкой улыбкой. — Ты не обижаешься на меня?

На секунду я совершенно не понимаю, о чем она говорит.

— Я про ту идею с продажей картин твоего отца, — объясняет Бетти. — Прости, я повела себя немного бестактно.

— А, ты об этом, — я вздыхаю. — Да, на самом деле твои слова очень ранили меня. Эти картины значат для меня многое, это что-то вроде моей семьи. Когда картины рядом, когда я могу посмотреть на них, тогда я не чувствую себя одиноко. Я не допускаю даже мысли, что их можно продать.

Бетти кивает:

— Ты даже взяла одну картину отца с собой в Люнебург. Она стоит в твоей спальне, на комо-

де. Я заметила, когда шла в ванную, дверь была открыта.

— Да, я не смогла уехать без нее, она просто обязана была отправиться со мной.

— Ох, Фрауке, мне правда безумно жаль. Мое предложение было ужасно жестоким.

— Все в порядке, — я сжимаю руку подруги, — не думай больше об этом. Тебе и так непросто.

Бетти тихо стонет, но потом вытягивает спину и подчеркнуто сильно напрягает плечи.

— А теперь поговорим о тебе. Что случилось с прекрасным пекарем?

Я закатываю глаза, но чувствую, что Бетти хочется срочно сменить тему. Я подробно рассказываю подруге о вчерашнем празднике. Мы приближаемся к дому, сворачиваем на мою улицу. В этот момент история обрывается, как обрываются и мои воспоминания о том вечере.

— А сейчас? Клас не выходил с тобой на связь? — спрашивает Бетти.

Я отстраненно качаю головой, потому что мое внимание переключается на входную дверь. Перед ней стоит высокая стройная фигура с маленькой девочкой на руках и с недоумением разглядывает фасад дома.

Болтушка

— Это Лив! Боже мой, я совсем про нее забыла. — Я поднимаю руку, машу, кричу: — Хэй, Лив, мы здесь!

Лив оборачивается, машет в ответ.

— Я ведь ее знаю, — теперь до Бетти доходит. — Это та девушка с козьей фермы.

— Верно, она хочет что-то обсудить со мной. Лив взяла с собой свою дочку, Валери. Это просто прекрасно!

Последние слова я произношу громче, потому что мы уже подходим к гостям и они вполне хорошо слышат нас. Радостно поприветствовав друг друга, мы вчетвером поднимаемся по лестнице. Валери подробно рассказывает нам о своем падении на детской площадке и раненой коленке.

— Хочешь посмотреть, какой у меня большой пластырь? — спрашивает девочка, когда мы наконец добираемся до квартиры.

— Обязательно! — Я открываю дверь.

— Проходи пока, Валери, — Лив подталкивает девочку в квартиру, пока та уже вовсю закатывает штанину.

В квартире я долго рассматриваю пластырь на коленке Валери и узнаю, что она больше не дружит с Леоном, мальчиком, из-за которого упала. Малышка тараторит без умолку.

— Где я могу порисовать? Мама сказала взять с собой все принадлежности, чтобы не скучать.

Девочка уже хватает свой рюкзак и начинает доставать оттуда вещи.

— Ты знаешь, — включается в разговор Бетти, — для этого отлично подойдет стол в гостиной. Пойдем, если хочешь, я помогу.

— Пойдем. — Девочка послушно исчезает в гостиной.

— Вам двоим, кажется, нужно что-то обсудить? — Бетти бросает на нас многозначительный взгляд. — Приступайте, а то с маленькой болтушкой важный разговор вряд ли получится.

Лив благодарно улыбается, и я открываю дверь на кухню.

— Проходи, присаживайся где нравится, — я указываю на обеденный стол. — Будешь чай?

— Да, с удовольствием.

— У меня есть травяной чай с лакрицей и ани-

сом.

— Звучит вкусно.

— Это и вправду очень вкусно.

Я открываю кухонный шкафчик, достаю оттуда три кружки для нас с Лив и Бетти, ставлю воду кипятиться.

— У тебя тут красиво, — взгляд Лив блуждает по комнате и останавливается на мне. — Как у тебя вообще дела? Все еще болит голова?

— К счастью, уже нет. — Я опускаю чайные пакетики в кружки. — Прогулка помогла. И, признаюсь, две таблетки тоже.

Лив улыбается во весь рот:

— Ну ты даешь, ты вчера вечером просто зажгла. Dancing Queen — просто ничто по сравнению с тобой. И парням ты очень понравилась.

Я не понимаю, плакать мне или смеяться. Боже, как же стыдно!

— Между тобой и Класом что-то есть? — Лив подливает масла в огонь.

И что мне теперь сказать? К счастью, вода закипела, а из-за шума чайника разговаривать просто невозможно. Я наливаю кипяток в кружки и быстро пробираюсь к дивану, бросив лишь:

— Пойду занесу Бетти чай.

Я захожу в комнату и вижу: Бетти сидит на кор-

точках перед журнальным столиком, а Валери старательно сортирует цветные карандаши и кладет их рядом с альбомом.

— Жду не дождусь узнать, о чем же вы говорили, — произносит Бетти и подмигивает мне. — Спасибо за чай.

— Спасибо *тебе*, — я указываю подбородком на Валери.

Я возвращаюсь на кухню, беру две оставшиеся кружки и, немного помедлив, сажусь за стол рядом с Лив.

— И? — Женщина смотрит на меня с ожиданием. — Что между вами теперь? Ты же понимаешь, что с ним спокойной жизни не будет.

— В смысле? — замечание Бетти меня заинтриговало.

— Ну, он человек нестандартный. Делает все что хочет, даже в отношениях. А поскольку он очень неплохо выглядит…

— …он может себе это позволить, — заканчиваю я мысль Лив.

— С другой стороны, — моя собеседница качает головой, — Клас тоже со временем не молодеет. В любом случае он стал спокойнее. Он уже три года живет в Люнебурге. Никто и подумать не мог, что блудный сын выдержит так долго в своем родном

городе. Насколько я слышала, после окончания школы он был постоянно в разъездах. Весь мир повидал, — на секунду во взгляде Лив скользит что-то мечтательное. — Это удивительно.

— Клас рассказывал мне, что некоторое время жил во Вьетнаме. Но теперь, — я пожимаю плечами, — он достигает того возраста, когда спрашиваешь себя, где же твой дом. Кроме того, у него ведь здесь пекарня.

— Да, это правда, — Лив тянется к кружке, осторожно делает глоток. — Ох, какой вкусный чай!

Я улыбаюсь. Знала, что Лив понравится мой любимый чай.

— Но ты пришла не за чаем. И не для того, чтобы поговорить о Класе. — Я внимательно смотрю на Лив.

— Нет, конечно нет. — Взгляд женщины вдруг становится деловым. — Я хотела спросить, не хочешь ли ты поработать у меня.

— Не хочу ли я… — я теряю дар речи, ведь рассчитывала услышать что угодно, но только не это.

— Мне нужна помощь на рынке, и притом срочно!

— Но я…

— Да, я знаю, что ты работаешь в той судоход-

ной компании. Но ведь ты проводишь тренинги не каждый день.

— Нет, только по понедельникам, вторникам и четвергам…

— Замечательно! Тогда ты сможешь помогать мне на рынке по средам и субботам. А если все сложится с рождественской ярмаркой, то еще и по воскресеньям.

Фух, от услышанного у меня начинает кружиться голова. Но Лив продолжает:

— На рождественской ярмарке мне особенно понадобится твоя помощь. И мне нужны идеи. Идеи подарков! Для сыра из баррика нужно будет придумать по-настоящему благородную упаковку, а еще мне очень понравилась твоя идея с пеплом. Как же назывался тот французский сыр, не могу вспомнить…

— …Croûte cendrée.

— Точно! — лицо Лив сияет. — Я хочу усовершенствовать свой ассортимент. Именно так, как ты и предложила. Ведь изысканные лакомства — это идеальные подарки! До открытия рождественской ярмарки у нас есть достаточно времени, чтобы придумать еще парочку интересных подарков, опробовать упаковку, рассчитать цены…

— Стоп, стоп, стоп! — я начинаю нервно размахивать одной рукой, а другую руку прижимаю ко лбу. — Мне ведь нужно будет все освоить.

— Пф-ф! — Лив откидывается на спинку стула. — Я даже и не знаю, чему тебя учить. Работать с кассовым аппаратом разве что, но на этом всё. Мой ассортимент ты уже и так знаешь, а в том, что ты умеешь продавать, я убедилась еще на рынке. Ты полна энтузиазма, поэтому у тебя не может не получиться!

— Но я не знаю, не будет ли эта нагрузка для меня слишком большой. Судоходная компания, а потом еще работа на рынке… — Я снова пытаюсь уклониться от ответа, но бросаю это дело, когда вспоминаю, что у Лив из-за работы в хлеву вообще нет ни одного выходного, а у меня по-прежнему останутся пятница и (пока что) воскресенье. Вполне достаточно, чтобы более или менее хорошо подготовиться к тренингам. Кроме того, ту стандартную программу, которую требует компания, я знаю как свои пять пальцев.

— Фрауке, я правда не хочу тебя уговаривать. — Лив берет в руки кружку с чаем, делает несколько глотков. — Ты так же страстно увлечена кулинарией, как и я. Поэтому я и подумала, что ты будешь рада моему предложению.

Я сглатываю и в замешательстве рассматриваю свои ногти.

— К тому же ты некоторое время будешь здесь, а работа на рынке могла бы помочь тебе обзавестись знакомыми. Ты чувствуешь себя в этой квартире просто замечательно, — Лив допивает чай, — но ведь нельзя постоянно сидеть здесь в одиночестве.

Я продолжаю рассматривать свои ногти, пока в голове с бешеной скоростью проносятся мысли.

— Знаешь, — Лив выпрямляется, — просто подумай над моим предложением. Мне все равно уже пора бежать: нужно подоить коз.

— Да, конечно, — я спешно отодвигаю стул. — Хорошо, что ты зашла. Спасибо за твое предложение и, — я снова чувствую себя растерянной, — за доверие.

Лив улыбается, и я очень надеюсь, что она не обиделась на меня.

— Пойдем посмотрим, удастся ли мне оторвать дочку от ее дел. — Мы с Лив направляемся в гостиную.

— Пижама в полоску получилась очень красивой. Думаю, теперь котику пора идти спать, — Бетти опустилась на колени перед журнальным столиком и рассматривает рисунок Валери.

— Минуточку, — малышка хватает голубой карандаш, — мне еще нужно нарисовать ему носочки. Они будут похожи на твой свитер.

— Валери нарисовала Клуни, — Бетти смотрит на нас снизу вверх, — вот только теперь это не фермерский кот, а домашний.

— Вот оно что, — на самом деле я не очень понимаю, о чем идет речь.

— Клуни — это кот Валери, — подсказывает мне Лив.

И тут я вспоминаю серый клубочек: он лежал у Бетти на коленях, когда мы сидели вместе в садовом кафе. Моя подруга была в полном восторге от этого кота.

Когда я вижу Бетти, сидящую на корточках на ковре, я точно знаю, что она станет прекрасной бабушкой. Меня удивила ее любовь к животным. Думаю, в ней скрыто еще много неизведанного. Обязательно скажу ей об этом при случае.

Но для начала нужно попрощаться с гостями. Нам с трудом удается убедить малышку в том, что она сможет дорисовать Клуни дома. Вскоре Лив и Валери уходят. Это хорошо, ведь мне нужно подумать о предложении Лив. Я с облегчением закрываю дверь и замечаю дорожную сумку Бетти, которая все еще стоит в коридоре.

— Бетти, — обращаюсь я к подруге, — хочешь остаться здесь?

— Если можно, — на лице Бетти появляется смелая улыбка. — Думаю, несколько дней вдали от всех проблем пошли бы мне на пользу.

— Я тоже так считаю. Мы просто спросим госпожу Андерсон, сможет ли она принести нам еще один комплект постельного белья. Наверняка сможет.

Бетти кивает, а потом протягивает мне свою кружку:

— Сделаешь еще? Очень вкусный чай.

— Конечно.

Спустя некоторое время перед нами стоят кружки с дымящимся чаем — и вдруг любопытство Бетти все же вырывается наружу.

— Ну? Что хотела Лив? Вы говорили о вчерашнем?

— Нет, — я улыбаюсь, когда глаза подруги вдруг сверкают. — Лив хочет, чтобы я работала у нее.

Я быстро ввожу Бетти в курс дела и делюсь с ней своими сомнениями.

— Я тебя не понимаю. — Бетти с изумлением качает головой. — Это предложение просто создано для тебя. У тебя талант к кулинарии, она тебя восхищает. Это был бы для тебя настоящий шанс

— и притом без каких-либо рисков.

— Без рисков? Может, скажешь, как Лив собирается платить мне? — Реакция Бетти удивляет меня, нет, она меня даже злит. — Ты же эксперт по финансовым вопросам и должна знать, какая у меня почасовая ставка.

— Но разве речь идет о деньгах? До Рождества судоходная компания тебя полностью обеспечивает, а потом будешь ориентироваться по ситуации, — Бетти пожимает плечами. — Вы могли бы договориться с Лив о процентах, она бы могла выделять тебе долю от дневной выручки. Если продажи будут идти хорошо, то и прибыль будет. По-моему, здесь нет никаких рисков. Ты знаешь, что продукт прекрасен и что ты умеешь продавать. Люди будут отдавать деньги за рождественские подарки — это абсолютно понятно. В чем проблема?

— Ты серьезно думаешь, что мне стоит согласиться? Продавать сыр на рынке? — я напрягаю плечи. — Бетти, напоминаю тебе, что я работала в элитном гастрономическом секторе. Тебе не кажется, что все это немного…

— …не соответствует твоему уровню? Ты так думаешь? — подруга окидывает меня проницательным взглядом, и я чувствую, что меня

поймали с поличным.

— Ясно, — Бетти вскидывает обе руки вверх. — Такая точка зрения тоже имеет место быть. Крах карьеры! Но если тебе интересно мое мнение, то элитарное мышление закрывает все самые интересные возможности. Ты сама загоняешь себя в клетку. А еще… Самоуверенность старит, — взгляд Бетти становится примирительным. — Вот тебе небольшой секретный совет!

Мои щеки горят, ведь я знаю, что она абсолютно права.

— Я… Но ведь я… — Черт, у меня закончились все аргументы и подруга это замечает.

— Давай перейдем к практической части вопроса, — говорит Бетти, ведь преимущество явно на ее стороне. — У тебя наверняка есть в холодильнике что-то из ассортимента Лив, не так ли?

Я киваю.

— Тогда доставай. Доставай все, что ты покупала у нее.

— Как скажешь.

Я все еще колеблюсь, но встаю со своего места и открываю холодильник. Там действительно что-то осталось. Я беру с полки деревянную доску, освобождаю свои находки от упаковочной бумаги и раскладываю их. Потом ставлю сырное

ассорти на стол перед Бетти.

— Внушительная коллекция! — подруга улыбается.

— Но, прежде чем попробовать сыр, нужно оставить его при комнатной температуре на полчаса. Только тогда его аромат раскроется полностью.

— Замечательно! Я хочу, чтобы ты мне что-нибудь о нем рассказала.

— Ага, — я чувствую себя выставленной напоказ и молчу, что не производит на Бетти никакого впечатления.

— Пожалуйста, расскажи мне, — ее палец кружит вокруг деревянной доски, — что это за сыр.

Палец останавливается.

— Это новинка в ассортименте Лив — сыр из баррика, — начинаю я нерешительно. — Хотя сложно назвать этот продукт новым, ведь он созревал десять месяцев в старой бочке из-под рома на Мартинике. Если будешь пробовать, обрати внимание на кристаллы соли: они-то и выдают возраст сыра. — Я вдруг медленно вхожу во вкус: — Аромат полный, но в нем есть какая-то особенная, необычная сладость. Ваниль, мягкая сливочная карамель и изюм — все эти оттенки вкуса таятся в старой бочке из-под рома.

— Интересно. — Бетти снова начинает водить

пальцем по доске. — А это что за сыр?

— Это творожный сыр с вересковым медом от профессора-пчеловода.

Взгляд Бетти становится скептическим.

— Не смотри на меня так, профессор-пчеловод действительно существует.

— Тогда расскажи мне историю про профессора-пчеловода.

Я делаю Бетти одолжение. Когда заканчиваю свой рассказ, мне в голову вдруг приходит идея.

— Вообще-то, сыр с вересковым медом — слишком большая роскошь, чтобы просто продавать его кусками. Мы в «Ламберти» делали из козьего сыра шоколадные конфеты, которые подавали в качестве десерта, украшая фисташками и розовым бразильским перцем. Это все смотрелось так благородно на черном фарфоре! Если бы можно было подобрать для этих конфет праздничную упаковку, тогда…

— Сделай это, — перебивает меня Бетти. — И я не только про конфеты. Соглашайся на предложение Лив. Это твоя стихия. Ты переполнена идеями, историями и восторгом. Неужели ты совсем не замечаешь этого?

— Но…

— Никаких «но»! Хватит думать, Фрауке, начни

действовать. Да начни ты уже наконец!

Ни свет ни заря

Я начинаю действовать. Так, как сказала Бетти. Прямо сегодня. В среду. Ни свет ни заря я встретилась с Лив на рыночной площади. Солнце еще не успело взойти. В свете уличных фонарей мы с Лив отцепили фургон от ее автомобиля и переставили его в нужное место. Потом откинули прилавок, установили барный столик, рядом с ним — деревянную доску, на которой написали названия. Потом дело дошло до самих продуктов, списка цен, весов и кассового аппарата. К счастью, модель этого аппарата очень похожа на ту, что была у нас в «Ламберти». Тогда я поняла, что смогу быстрее привыкнуть. И я должна была привыкнуть, ведь около семи часов утра начали появляться первые покупатели: пенсионеры, спешащие по делам мамы, ранние пташки.

Теперь их не видно, ведь уже перевалило за двенадцать — за работой время пролетает со скоростью света.

— Кому помочь? — мой взгляд блуждает по многочисленным лицам передо мной.

— Мне! — поднимает руку пожилой мужчина. — Дайте мне, пожалуйста, небольшой кусочек гауды, — он касается стекла витрины.

— Вот этот? — я указываю кончиком ножа на сыр, мужчина кивает. — С удовольствием. Я его тоже ела сегодня утром.

— Ох, это хорошо, — радуется мужчина. — Хорошему работнику — хороший завтрак.

— Именно так. — Я отрезаю кусочек сыра и выпрямляюсь; какие же здесь приятные люди. — Что-нибудь еще?

— Да, я бы хотел… А где же мне найти… — глаза мужчины бегают по прилавку.

— Я могу вам чем-то помочь, господин Рентроп? — включается в разговор Лив, которая знает всех своих покупателей по имени.

Мужчина поднимает взгляд и благодарно смотрит на Лив.

— В прошлый раз я купил у вас сыр с добавками, что это был за сорт?

— Это был творожный сыр с боровиками.

— Да, точно, — мужчина хлопает себя по лбу. — Мне, пожалуйста, еще немного сыра с боровиками, жена очень любит его. И на этом все.

— Одну секунду.

Я снова беру дело в свои руки и, протискиваясь мимо Лив, которая уже помогает следующему покупателю, тянусь за нужным сыром. К сожалению, в нашем фургончике совсем мало места.

— Господин Рентроп, — я решаю запомнить имя покупателя, — как вы думаете, а наш творожный сыр с фисташками понравился бы вашей жене?

Мужчина задумчиво смотрит на меня.

— Знаете, сейчас еще и сезон персиков, — ко мне в голову приходит одна идея. — Купите парочку спелых фруктов и подайте сегодня вечером супруге нарезанные персики, слегка подрумяненный тост, а к нему — сыр. Уверяю вас, персики и фисташки — это просто сказочное сочетание.

Словно в подтверждение своих слов, я складываю большой и указательный пальцы вместе, подношу их к губам и делаю смакующий поцелуй шеф-повара.

Господин Рентроп тихо улыбается. И я вижу по его глазам, что он уже представляет себе сегодняшний вечер: как он удивит жену и как она будет счастлива, что у нее такой находчивый муж.

— А давайте так и сделаем, — в мужчине вдруг просыпается желание действовать.

Я быстро заворачиваю сыр в бумагу, отправляю его в корзину, которую мне протягивает господин Рентроп, и беру деньги.

— Хорошего дня! Передавайте привет жене, — прощаюсь я с покупателем.

Господин Рентроп подмигивает мне, разворачивается и уже удаляется в направлении ларьков с овощами и фруктами. Какой хороший человек!

— Фисташки и персики? — Лив слегка толкает меня в бок.

— Да, — я уворачиваюсь от Лив, — это ведь прекрасное сочетание. Мы в «Ламберти» готовили тарт с персиками и дроблеными фисташками, а к нему подавали порцию крем-фреша. Я тебя уверяю, это просто восхитительный вкус! С творожным сыром эти ароматы сочетаются так же, мне даже не нужно проверять.

— Нет. — Лив удивленно смотрит на меня. — Проверять тебе действительно не нужно. Ты такие вещи чувствуешь.

— Понятное дело, — я пожимаю плечами. — В этом нет ничего сложного.

— В этом нет ничего сложного для тебя. — Она скептически качает головой, а к нам уже подходит новая покупательница.

— Подсказать вам что-нибудь?

Я поднимаю взгляд и узнаю ее: Зента Бергер. Или как минимум ее двойник.

— Кусочек камамбера и немного бри, пожалуйста, — женщина делает заказ.

Ага, я довольно замечаю, что она не зря прислушалась к моим советам. Ей понравился сыр. При этом я решаю ничего не говорить, ведь, кажется, женщина меня не узнала.

— Ох, — включается в разговор Лив, — я только что продала последний кусочек камамбера.

— Но что же мне теперь делать?

— Попробуйте наш сыр из непастеризованного молока. — Я беру нож, отрезаю ломтик и протягиваю через прилавок. — Думаю, вам понравится.

Кончиками пальцев, на которых я замечаю потрясающий маникюр, Зента снимает с лезвия ножа ломтик сыра и кладет себе на язык, будто тонкую вафлю. Потом закрывает рот, глаза — и выжидает. Выжидает долго.

— Прекрасно! — Когда она снова распахивает свои большие круглые глаза, я замечаю в них бархатный блеск.

Теперь я по-настоящему тронута — и Лив тоже. Мне даже не нужно смотреть на нее, ведь я и так чувствую, как эта щедрая похвала бальзамом растекается в ее душе.

Я снова стараюсь протиснуться мимо Лив, чтобы взвесить сыр из непастеризованного молока и завернуть его в бумагу. Лив в это время уже успела упаковать бри. Оба свертка одновременно оказываются на прилавке — и мы с Лив смотрим друг на друга, довольно улыбаясь. Когда покупательница прощается с нами, мы на секунду отвлекаемся и коротко бросаем:

— До встречи, госпожа Бергер!

В следующий раз спрошу, как ее на самом деле зовут.

Наконец мы можем перевести дыхание, на горизонте не видно новых покупателей. Постепенно на рыночной площади становится спокойнее. Мы с Лив проработали все утро. Я беру в руки свой термос и делаю большой глоток чая. Тепло помогает: во всей этой суматохе я даже не заметила, как похолодало. Я застегиваю молнию на толстовке до самого верха и вдруг замечаю, что за мной наблюдают: прямо перед пустующим магазинчиком, который я могу увидеть за двумя рыночными прилавками, стоит Бетти. Она лениво прислонилась к окну, смотрит на меня и улыбается. Я улыбаюсь в ответ. И как долго она там стоит?

Бетти хватает дорожную сумку, закидывает ее

себе на плечо и идет к нам.

— Я только хотела быстро попрощаться, — Бетти кивает Лив и поднимает руку. — Вы прекрасно справляетесь!

— Ты наблюдала за нами? — спрашивает Лив.

— Да, — отвечаю я вместо подруги. — Она наблюдала за нами.

— Вы замечательная команда, — уверенно продолжает Бетти. — Сделайте из этого что-нибудь. Когда я смотрю, как вы работаете, все выглядит так понятно и легко, как единый механизм. Отличная командная работа! Вы можете достичь больших высот. — Бетти усмехается. — Главное — вовремя подыскать что-нибудь побольше, — Бетти указывает на крышу фургона. — А-то вы почти бьетесь головой о потолок.

— В тесноте, да не в обиде. — Лив в шутку толкает меня локтем в бок, а я толкаю ее в ответ.

Мы с Лив не сдерживаемся от смеха, Бетти тоже начинает хохотать. Настроение на высоте, и я чувствую себя как нельзя лучше. Мой дебют на рынке оказался абсолютным успехом. Мне так понравилось снова продавать, помогать покупателям. Как же я счастлива опять оказаться на передовых позициях. Я чувствую себя так, как когда-то в «Ламберти». Лишь сейчас я понимаю,

что отчасти скучала по своей прошлой работе. Своей настойчивостью Бетти дала мне тот пинок, который был необходим.

Из ратушной башни раздается звон карильона.

— Двенадцать часов, — объясняю я подруге, которая с удивлением смотрит на меня. — Колокола всегда звонят в полдень.

— Значит, мне уже пора на вокзал. Через полчаса отправляется мой поезд в Гамбург.

— Подожди, нам нужно попрощаться. — Я открываю крошечную дверцу сбоку фургона, пробираюсь через нее и обнимаю подругу. — Спасибо. — Я крепко прижимаю Бетти к себе. — Спасибо тебе за все. И не забывай, о чем мы с тобой говорили: обсуди все с Виктором, а потом с Клео. Ты была бы потрясающей бабушкой.

— Да брось. — Бетти немного отстраняется от меня, но улыбается. — Мне будет тебя очень не хватать во Франкфурте, сейчас я чувствую себя там немного одиноко. Но это неплохо, ведь ты идешь по своему пути. Ты прекрасно справляешься. Твоя милая квартирка, твое решение остаться в Люнебурге, а теперь еще и рынок — все это так подходит тебе, Фрауке. Продолжай в том же духе, придерживайся выбранного курса и прислушивайся к внутреннему голосу — особенно когда я

не рядом и не могу проследить за тобой.

После этих слов подруга целует меня в щеку. Уже второй раз за утро я тронута до глубины души. Я буду скучать по ней. Очень сильно. То время, которое мы провели вместе, пошло нам с Бетти на пользу. Я рада, что мы снова прекрасно общаемся, что моя подруга опять рядом.

Я еще какое-то время смотрю вслед Бетти, которая теряется среди последних посетителей рынка, и вдруг замечаю маленькую собачку. Она резво петляет между бесчисленными ногами вокруг — и устремляется прямо ко мне.

По лестнице

Дереза! Маленькая собачка ускорилась.

— Привет, крошка. — Такса подбегает к фургону, и я наклоняюсь к ней.

Дереза от радости виляет всем телом. Я выпрямляюсь — и вижу перед собой ее хозяина.

— Это животное делает все, что ему вздумается.

Клас явно злится. Я тоже, ведь с того вечера Клас не объявлялся. Видимо, не посчитал нужным отвечать на мое сообщение. Признаюсь, я вспомнила об этом только сейчас. Про кепку, которая все еще лежит в комоде, я тоже совершенно забыла. Идея Лив поработать на рынке, приезд Бетти, работа в судоходной компании — все это держало меня в постоянном напряжении, поэтому мысли о Класе отошли на второй план. Состояние, которое мне, честно говоря, очень даже нравится. У меня сейчас все просто прекрасно. Зачем мне этот тип, который даже не может написать?

— Привет, Фрауке.

— Привет, Клас.

— Как дела?

— Хорошо, спасибо. А твои?

— Порядок.

Раздается громкий смех. Лив, которая как раз наводила порядок на прилавке позади нас, все слышала.

— Вы такие разговорчивые, — с иронией замечает Лив. — Так, тусовщики, предлагаю вам сейчас пойти выпить кофе и пообщаться.

Клас поднимает на меня вопросительный взгляд. Я подчеркнуто безучастно пожимаю плечами.

— Пойдем, — Клас указывает подбородком куда-то в сторону. — Тут неподалеку есть мобильная кофейня, там делают вкусный эспрессо. Я приглашаю тебя.

Я оборачиваюсь к Лив и спрашиваю:

— Справишься без меня?

— Конечно! Скоро конец рабочего дня. Я уже буду начинать убираться. Иди, Фрауке.

Ладно, хорошо. Я молча снимаю фартук, протягиваю его через прилавок Лив и иду с Класом за кофе. Примерно на расстоянии двух метров, опустив голову, семенит Дереза. Настроение не

самое лучшее — и такса это чувствует.

Пока Клас делает заказ, у меня есть время рассмотреть его. Мужчина, как обычно, одет просто, но со вкусом. На нем темно-синее укороченное пальто, светлые вельветовые брюки, ботинки и уже привычная твидовая кепка. Кажется, у него целый шкаф этих кепок, а его потеря, которая теперь лежит в моем комоде, ему совершенно не нужна.

— Вот, держи. — Клас поворачивается ко мне, протягивает одну чашку, делает небольшой глоток из второй. — Получается, у нас теперь две козы?

Я непонимающе смотрю на мужчину.

— Ну, в фургоне на козьей ферме, — добавляет он.

Ах да, теперь я припоминаю, что Клас любит называть Лив «козой». Но у меня совершенно нет настроения на шутки, а особенно на плохие. Я сочувственно улыбаюсь.

— Скажи, Клас, а есть ли какая-то причина, по которой ты не позвонил и не написал мне? — решаю я сразу перейти к сути дела.

— Причина есть. — Клас со звоном ставит свою чашку на стол. — И эту причину зовут Юстус.

— Что? — видимо, мне послышалось. — Юстус?

— Кто он?

— Не думаю, что тебя это касается.

— Кто он? — его тон становится настойчивее.

— Господи, это мой муж. Я никогда не скрывала, что я замужем.

— Да, именно поэтому ты больше не носишь обручальное кольцо.

Этот разговор проходит совсем не так, как я себе представляла. Мы как будто говорим на разных языках, и я начинаю подозревать, что это может быть связано с моим провалом в памяти.

— Ладно, хорошо, — я меняю тон. — Я не каждый день нахожу в своей спальне кепку мужчины, с которым до этого танцевала на вечеринке. Просто было бы лучше, если бы ты позвонил или написал, и мы…

— Фрауке, — перебивает меня Клас. — Суббота, праздник фермеров — это был прекрасный вечер, не правда ли?

— Да, — я прикусываю нижнюю губу, — конечно. Возможно, мы немного переборщили с напитками и…

— Для меня это был замечательный вечер. Не знаю, как у вас во Франкфурте, но вот я не каждую ночь, — мужчина делает короткую паузу, — целуюсь на заднем сиденье автомобиля…

— Твоего автомобиля? — я просто шокирована.

— …боже мой, но у меня ведь тоже есть чувства.

— Да, конечно. — Я совсем не понимаю, что он имеет в виду.

— Тебе не кажется, что мне больно, когда я, — Клас проводит рукой по бороде, — сближаюсь с тобой, а ты постоянно называешь меня Юстусом?

— Я называла тебя… — Я вдруг краснею.

— Постоянно! Даже когда я нес тебя в квартиру по лестнице. Боже мой, как же ты напилась!

— Ох, — теперь я не знаю, куда деть взгляд. — Мне очень жаль, — я пытаюсь сохранять спокойствие. — У нас с Юстусом сейчас перерыв в отношениях, возможно, поэтому я так растеряна. Не сказать, что мне плохо в Люнебурге, нет, но на подсознательном уровне…

— Я бы посоветовал тебе для начала разобраться в своих отношениях, — Клас горько смеется, — а уже потом строить глазки другим мужчинам.

Я задела Класа — и теперь готова провалиться сквозь землю. То, что он использовал именно это не самое современное выражение — «строить глазки другим», — почему-то трогает меня.

Клас, старый грубиян, абсолютно честен со

мной. И то, что он говорит, — правда. Так больше не может продолжаться.

— Клас, ты прав, — я принимаю решение, здесь и сейчас, прислушавшись к внутреннему голосу, как советовала Бетти. — Нам лучше пока не видеться.

Клас кивает, его взгляд на секунду задерживается на мне.

— Так будет лучше. Мне нужно понять, что делать дальше.

Мужчина рассматривает свою пустую чашку.

— Я должна, — я прокашливаюсь, — вернуть тебе кепку. Я могу просто оставить ее в твоей лавке.

Клас делает взмах рукой.

— Это неважно, — он касается пальцами козырька кепки, — у меня их несколько.

Мы пытаемся улыбнуться друг другу. Потом Клас забирает у меня чашку и относит ее обратно в мобильную кофейню. Когда он разворачивается и коротко поднимает руку в знак прощания, я понимаю, что не могу просто позволить ему уйти. Мне нужно узнать кое-что.

— Клас, — я беру его за руку, чтобы остановить, — тогда… я имею в виду… ночью… в твоей машине, в моей спальне… что-то… было?

— А ты не помнишь? — взгляд мужчины полон глубокой печали.

Я беспомощно пожимаю плечами и краснею еще сильнее.

— Поверь мне, — голос Класа стал тише, — если бы что-то было, ты бы об этом помнила.

Мокрый до нитки

Порыв ветра бьет в лицо каплями дождя. Я стою в нашем фургоне, безучастно стираю с носа несколько капель и смотрю вдаль. Скука. В такую отвратительную погоду покупателей мало, проходы между рыночными ларьками пусты. Лишь время от времени кто-то торопливо пробегает рядом, натянув капюшон на лицо.

Я не могу винить наших покупателей в том, что они заставили нас сесть в лужу, в прямом смысле этого слова. Ветрено, сыро, неуютно — в такие дни выручки не бывает. Даже и думать не хочется о предстоящей рождественской ярмарке. Если к дождю добавится мороз, то тогда пиши пропало — можно сразу сворачиваться.

Я уже месяц работаю с Лив на рынке, но сегодня однозначно наш худший день. Это злит. Бетти права, до Рождества судоходная компания меня полностью обеспечивает, но я все равно не люблю простаивать часами за прилавком и

просто плевать в потолок. Кроме того, я не против подзаработать. То, что сыры Лив могут приносить прибыль, мы доказали за последние четыре недели, которые, к слову, пролетели незаметно. Работы было много, действительно много. И это хорошо. Ведь откуда мне знать, что со мной будет после Рождества? Если я смогу за время продажи сыра увеличить свою скромную финансовую подушку, которую накопила за последние годы, это в любом случае не повредит. Потому что я до сих пор не знаю, как будут развиваться наши отношения с Юстусом. Мы с ним послушно соблюдаем договоренность о перерыве. С момента последнего звонка я ничего не слышала о своем муже, как, к слову, и о Класе.

Я застегиваю молнию своей пуховой жилетки до подбородка. Странно. Юстус так отдалился за такое короткое время. И моя жизнь во Франкфурте вместе с ним. Здесь, в Люнебурге, родилось что-то новое — что-то приятное. Единственное, чего мне иногда не хватает, — так это Бетти и картин отца. Я представляю себе, как они одиноко висят в пентхаусе, как утром солнце всходит, через пару часов снова опускается за горизонт, как на них падает лунный свет — и ничего больше не случается. Может быть, госпожа Хельмштедт

иногда заходит проверить, все ли в порядке. Но больше никто не наведывается, никто с ними не разговаривает. Теперь наш пентхаус действительно превратился в музей — музей, в котором даже нет посетителей. Я сплю здесь как убитая. Все дни настолько насыщенные, настолько яркие и живые, что вечером, немного насладившись своим прекрасным гнездышком, я просто валюсь без задних ног в кровать. Странно, как же все быстро меняется.

Я еще раз провожу полотенцем по стеклу, потом поднимаю взгляд. Лив возвращается из мобильной кофейни, в руках — два стаканчика эспрессо. Она идет, немного наклонившись вперед, и телом прикрывает кофе от дождя. Я быстро открываю для Лив дверь в фургон.

— Вот, — бросает она и протягивает мне один из стаканчиков.

Лив тоже выглядит далеко не веселой.

— Спасибо! — заряд мотивации в виде стаканчика кофе мне сейчас не помешает.

— Лаура, — это девочка из мобильной кофейни, — сворачивается. Промокла до нитки, с нее хватит.

Я понимающе киваю и молчу. Всегда есть те, кому хуже. У нас-то хотя бы есть крыша над го-

ловой.

— Пойдем. — Лив допивает кофе и громко отставляет стаканчик в сторону. — Изучим еще раз новые продукты для рождественской ярмарки. Хочу отправить заказ оптовому поставщику и начать производство. Новые помощники, которых я наняла в деревне, приступят к работе на следующей неделе. По крайней мере, они смогут начать с продуктов, которые хранятся долго.

Лив достает из-под кассового аппарата свою записную книжку и открывает ее. Хорошая идея! Если наши покупатели не подкидывают нам работы, значит, мы найдем ее сами.

— Начнем с конфет из творожного сыра. Первый вид — конфеты с консервированными грушами сорта «бере» прямо с фермы…

— …для этого нам еще понадобятся миндальные лепестки, — перебиваю я Лив, — мы могли бы их слегка обжарить и украсить ими готовые конфеты. Наверняка выйдет очень симпатично, да и аромат миндаля идеально сочетается с грушей.

— Окей. — Лив делает пометки в записной книжке. — Следующий вид — конфеты с начинкой из фисташек. А готовые конфеты мы тоже будем украшать фисташками?

Я киваю:

— Ах, погоди, в качестве альтернативы мы могли бы использовать сушеную апельсиновую цедру. Три-четыре полосочки на конфету — это будет выглядеть по-настоящему благородно.

— И в этом есть какая-то частичка Рождества, — добавляет Лив. — Перейдем к сыру с боровиками. Что добавим к нему?

— Погоди, дай подумать.

Я закрываю глаза, концентрируюсь на аромате творожного сыра и боровиков. Что подойдет? Чего не хватает?

— Придумала! — я снова открываю глаза. — Нам нужна легкая острота, что-то, что будет пощипывать языке: сычуаньский перец.

Лив усмехается, делает заметку в записной книжке.

— Ну, что ж, моя трюфельная свинка, — говорит Лив и смотрит на меня хитрым взглядом, — тогда у меня для тебя есть еще одна необычная задачка. Ну-ка, закрой глаза.

Теперь и я улыбаюсь, но все же выполняю просьбу.

— Представь себе наши конфеты из творожного сыра и хереса…

— …из творожного сыра и хереса Олоросо, — перебиваю я.

— Это обязательно должен быть херес Олоросо?

— Обязательно! — Я растерянно открываю глаза. — Только у хереса Олоросо есть нотки консервированных фруктов.

— Ну, хорошо. — Бетти начинает записывать: — О-л-о-р-о-с-о.

Довольная, я снова закрываю глаза и прислушиваюсь к голосу Лив.

— А теперь скажи мне, пожалуйста, — начинает Лив, будто перед ней никто иной, как жрец-прорицатель, который знает ответы на все вопросы, — что подойдет к аромату хереса Олоросо? Чем мы украсим конфеты?

— Ой, это легко. — Я открываю глаза и смотрю на Лив скучающим взглядом. — Возьмем розовый бразильский перец. Все просто, классика.

— Фрауке, ты невероятная.

Спасибо, теперь мое настроение улучшилось на все сто процентов. Вообще, создание новых блюд, как и совместная работа с Лив, доставляет мне огромную радость. Жду не дождусь, когда мы сможем продемонстрировать покупателям наши творения.

— Ах, я вспомнила, пришел новый образец упаковки для конфет.

Лив откладывает в сторону записную книжку и достает из рюкзака, который висит под прилавком, ту самую вещицу. С первого взгляда я понимаю: это именно то, что мы искали. Не знаю, сколько образцов мы пересмотрели за последние недели, но теперь наша цель достигнута.

— По-моему, выглядит прекрасно. — Лив протягивает мне коробочку для конфет.

Картон на ощупь такой же мягкий, как и голос Лив. Он лежит в руке благородно — просто мечта в матовом черном цвете. Наши белоснежные, красные, зеленые и оранжевые сырные конфеты будут смотреться в такой коробочке великолепно!

Чтобы получше разглядеть коробочку, я поворачиваюсь к свету и несколько раз верчу в руках упаковку. Бумага с открытыми порами выглядит невероятно элегантно. Качественное исполнение!

— Какая красивая… — начинаю я.

Шлеп! Я испуганно вздрагиваю. Порыв ветра забросил к нам в фургон новую порцию дождя.

— Фу, какая гадость!

Лив тоже досталось. Она тянется за полотенцем и вытирает лицо. Но это, к слову, не самое плохое, потому что коробочка для конфет тоже намокла.

Мечта в черном матовом цвете вот-вот пойдет волнами.

— Вот черт! — моего хорошего настроения как не бывало.

Я со злости ударяю рукой по мокрому прилавку так, что брызги разлетаются. С меня хватит! Так дело не пойдет! Я не для этого неделями экспериментирую с Лив в сыроварне, колдую над тончайшими нюансами во вкусах, создаю и оттачиваю до совершенства рождественские подарки (настоящие деликатесы!), чтобы потом дождь испортил нам упаковку. Или снег, который явно пойдет, когда мы будем на рождественской ярмарке. Нашим продуктам премиум-качества *прямо сейчас* нужно придать достойный вид. А еще нам нужен подходящий антураж!

— Лив, я хочу эту упаковку! Как и ты, я хочу именно эту упаковку в благородном стиле, — я машу объектом своего обожания прямо перед женщиной, — но в плане продаж нам нужно основательно что-то менять. Этот фургон, — я бросаю взгляд на низкий потолок, — не подойдет. Он не защитит нас от непогоды, да и вообще он слишком маленький для наших идей! Слишком маленький для нас!

— Да, но, — Лив вдруг бледнеет, — что ты име-

ешь в виду?

— Я пока сама не знаю, — шепчу я сквозь стиснутые зубы и воинственно смотрю на залитую дождем рыночную площадь, — но я, черт возьми, что-нибудь придумаю.

Пополам

На следующее утро я просыпаюсь и сразу думаю о Бетти: я смотрю через два рыночных прилавка и вижу, как она прислонилась к окну магазинчика на противоположной стороне, как она наблюдает за нами. Перед возвращением во Франкфурт Бетти пришла к нам с Лив на рынок. Это был мой первый рабочий день.

Я переворачиваюсь на бок, снова прижимаясь щекой к теплой подушке. Что она тогда сказала нам? «Вы можете достичь больших высот, — вспоминаю я слова подруги. — Главное — вовремя подыскать что-нибудь побольше». В тот момент я подумала, что она намекает на наш рост, хотя Лив, конечно, в этом отношении ничем не отличается от меня. Возможно, когда Бетти говорила «что-нибудь побольше», она имела в виду что-то другое, что-то в переносном смысле. А точнее: что-нибудь побольше нашего простенького фургона.

Я перекатываюсь обратно на спину и смотрю вверх, на открытый фронтон в окне спальни. С самого начала Бетти была права. Мы с Лив — невероятно хорошая команда. У ее сыра и моих идей для новых продуктов есть большой потенциал, я уверена в этом на все сто процентов. Но этот крошечный фургон, который даже не защищает от непогоды, просто нам не подходит. Но в то же время он необходим, если мы не хотим пропустить рождественскую ярмарку. А мы не хотим, ведь рождественская ярмарка — это дебютный показ наших новых творений и, с какой-то стороны, моего будущего. Как минимум…

Подождите! Вдруг у меня в мыслях снова всплывает образ Бетти. А что это был за магазинчик, к которому моя подруга вчера прислонилась? А не пустовал ли он?

В следующую секунду я уже встаю с кровати. Мигом делаю все необходимые водные процедуры, запрыгиваю во вчерашние джинсы и выбегаю за дверь, не успев даже выпить кофе. Не проходит и десяти минут, а я уже слезаю с велосипеда и осматриваюсь на рыночной площади. Передо мной — пустой магазин. Тот, около которого вчера стояла Бетти.

Я делаю пару шагов назад, чтобы окинуть ма-

газин взглядом: панорамные окна до потолка, фасад полностью остеклен. В глаза бросается широкая двустворчатая входная дверь. Интересно, какой она высоты? Наверняка два с половиной метра — высота нам подходит. И ширина тоже. Я приближаюсь к двери, измеряю ее шагами, а потом заглядываю внутрь. Торговая площадка намного больше, чем можно себе представить, если смотреть на магазинчик снаружи. Здесь достаточно места для идей. Я оборачиваюсь, смотрю на пустующую рыночную площадь. Сейчас утро воскресенья, еще достаточно рано. Лишь парочка голубей воркует и важно прохаживается по площади. Идеальное место — рождественская ярмарка прямо у порога. То, что нужно для наших целей!

Изнутри на входной двери скотчем приклеена табличка, на ней — надпись «Сдается в аренду» и номер телефона. Код Люнебурга. Ниже приписка: «Без посредников». Я достаю из своей сумки через плечо телефон, нажимаю на клавиатуру. Но после первых трех цифр меня вдруг начинают одолевать сомнения. А можно ли звонить в воскресенье утром? Я оборачиваюсь и смотрю на золотые часы на здании ратуши: 08:12. Хм, довольно рано.

А как же Лив? Может быть, стоит посоветоваться с ней, прежде чем действовать? Я на секунду закрываю глаза, прислушиваюсь к себе, к своему внутреннему голосу.

Нет, нужно сделать это сейчас, прямо сейчас. Я набираю оставшиеся цифры.

Гудки. Снова гудки. Сколько вообще можно звонить, прежде чем это покажется наглостью? До пяти гудков? До восьми?

— Андерсон. Слушаю.

Я вздрагиваю.

— Андерсон! — повторяет голос на том конце провода, теперь резче.

— Простите? Андерсон? — Я сразу же узнаю голос Класа и не понимаю, что происходит.

— Что значит «Простите? Андерсон?» — мой собеседник тоже растерян.

— Это… эм… это Фрауке.

Боже мой, как же мне неловко. Не я ли кричала о том, что хочу оставить Класа в покое?

— Фрауке, — громко стонет Клас, — сегодня воскресенье — единственный день за всю неделю, в который я могу выспаться. В чем дело?

— Ох, да, точно, прости. Просто…

— Да-а-а?..

Клас разговаривает со мной как с трехлетним

ребенком. Какая наглость! Этот человек бывает ужасно заносчивым!

— Если ты действительно хочешь знать, — мой тон становится четче, — речь идет о магазине на рыночной площади, который сдается в аренду. Ты имеешь к этому какое-то отношение?

— Возможно.

— Что значит «возможно»? Да или нет?

— А почему тебя это интересует?

Боже мой, с этим типом сложно общаться, даже когда он выспался. А когда он не выспался и ворчит, то становится просто невыносимым.

— Клас, — я предпринимаю новую попытку, — я стою перед магазином, увидела твой номер телефона на табличке с надписью «Сдается в аренду». Я хочу арендовать это помещение, поэтому и звоню тебе. Вообще, все очень просто.

— Ага.

— И?

— Что «и»?

— Ну, оно еще свободно?

— Знаешь что, я все равно уже не усну. — Мужчина громко зевает. — Раз уж ты стоишь на рыночной площади, то садись-ка ты на свой симпатичный зад и крути педали ко мне. До встречи.

Клас положил трубку. Не может быть! Я растерянно опускаю телефон и смотрю на экран. Он бросил трубку. Ну, он у меня получит… Я не позволю так со мной обращаться. Я в ярости хватаюсь за руль, сажусь на велосипед и кручу педали по направлению к пекарне. Кажется, Клас ждал меня: именно в тот момент, когда я подхожу к двери, раздается гудение.

Я поднимаюсь по лестнице, на полпути меня встречает Дереза. Ее коготки взволнованно цокают по деревянным ступенькам.

— Ах ты, крошка, — я наклоняюсь к таксе.

Такса садится на задние лапы, а передними загребает воздух. Как же эта маленькая зверушка умеет радоваться — по-настоящему трогательное зрелище. Лишь в достаточной мере насладившись поглаживаниями, Дереза освобождает мне дорогу наверх. Мы вместе поднимаемся по ступенькам, медленно, чтобы Дереза не отставала. При этом я замечаю, что моя злость почти улетучилась от ее очарования. В дверях, завернувшись в банный халат, уже ждет хозяин таксы.

— Дереза — моя укротительница хищников. — Клас задорно улыбается. — Ты знала?

Я угрожающе поднимаю указательный палец и захожу в квартиру, не удостоив мужчину второго

взгляда.

— Кофе? — задает Клас риторический вопрос и, не дожидаясь моего ответа, исчезает на кухне.

Я лишь слегка качаю головой. К этому мужчине невозможно подступиться, поэтому я направляюсь сразу в столовую. Дереза следует за мной и скрывается под столом. Как и в прошлый раз, на столе лежит куча папок, планы местности и чертежи. Я незаметно изучаю адреса, указанные на бумагах в правом нижнем углу. Кроме того, я вижу там одно и то же имя: «Клас Андерсон, застройщик». Если то, что я только что поняла, — правда, то за «застройщиком» скрывается нечто большее, чем обычный пекарь. Помимо здания, в котором расположены его пекарня и квартира, и будущего пансионата, в котором я временно могу жить, у него в Люнебурге еще есть пара-тройка симпатичных объектов недвижимости.

Шаги выдают, что скоро подадут кофе. Я быстро подвигаю себе стул и сажусь на него. Клас входит в столовую, энергично ставит передо мной большую кружку кофе с молоком. Потом мужчина садится.

— Зачем тебе магазин?

Клас сразу переходит к делу. Я решаю последовать его примеру.

— Ищу альтернативу нашему фургону. Для рождественской ярмарки мы создали совершенно новые продукты: деликатесы, подарки, невероятно изысканные и в замечательной упаковке. Я абсолютно уверена в наших творениях, нам только нужна правильная локация, подходящая атмосфера. К тому же… — я запинаюсь.

— Да? — Клас прислушивается внимательнее. — «К тому же» что?

— …ах, к тому же на улице становится слишком некомфортно.

Клас усмехается себе в бороду.

— Ха-ха, очень смешно, Клас. Ты любишь высмеивать то, что тебе рассказывают. Это раздражает! Немного комфорта никому не помешает: ни покупателям, ни нашим продуктам, ни мне. Господи!

— Гляньте-ка на нее, городская фифа, ц-ц!

— Ой, да ладно тебе, не притворяйся, — этот тип нервирует меня. — Что насчет тебя? Изображаешь из себя маленького пекаря по зову сердца, а что вот это такое?

Я широким взмахом руки указываю на стол.

— Как по мне, нехилая недвижимость. А вешаешь всем лапшу на уши со своим тестом на закваске. Хватит!

В этот момент хорошее настроение Класа уле-

тучивается, я прекрасно вижу это — и чувствую удовлетворение. Моя небольшая вспышка гнева пошла мне на пользу.

— Рождественская ярмарка откроется через три недели, — его тон становится деловым, — ты не успеешь обустроить магазин. Его нужно ремонтировать, там был потоп. На двух стенах нет штукатурки. Кроме того, тебе нужно устанавливать мебель. Быстро с этим ты не справишься.

— И не надо. Послушай, — я немного наклоняюсь вперед, — у меня есть идея: мы будем импровизировать! Поставим наш прицеп прямо в лавку. Он полностью оборудован для продажи, и там есть холодильный прилавок, который нам тоже срочно нужен. Вся фишка в том, что наша сырная лавка открывается только на месяц, до Рождества.

— Ты хочешь арендовать магазин на месяц? — мужчина ошарашенно смотрит на меня. — Бред.

— Ты слышал когда-нибудь о pop-up магазинах[14]? — Так просто Клас от меня не ускользнет. — Не знаю, как с этим обстоит дело в Люнебурге, но во всех других городах, которые я

[14] Примечания: 14

Pop-up магазин — это небольшой магазин или торговая зона, которая открывается на определенный период (обычно от нескольких дней до пары месяцев).

знаю, сейчас достаточно серьезные проблемы с розничной торговлей. Повсюду закрываются магазины, потому что люди делают заказы онлайн. Остаются пустующие помещения, а их мертвые и тоскливые витрины отпугивают проходящих мимо покупателей и от других магазинов. По всей стране говорят о том, что центры городов вымирают. Довольно глупо, особенно если у тебя куча недвижимости, — я с удовольствием захлопываю свою ловушку. — Скажи честно, твой магазин на рыночной площади пустует уже давно.

Я не знаю, что происходит у Класа внутри, когда я заканчиваю свою небольшую лекцию. Его лицо не выражает абсолютно никаких эмоций.

— С помощью нашего pop-up магазинчика ты сможешь снова вдохнуть жизнь в это место. Как это вообще будет выглядеть, если весь рождественский рынок будет полон покупателей, а рядом будет пустовать магазин? — я позволяю себе капельку иронии. — Сделаешь рекламу самому себе и с января сможешь снова сдавать магазин в аренду.

— И раз уж ты так прекрасно все распланировала, — подхватывает он мой тон, — ты, вероятно, собираешься потребовать выгодную цену.

— Именно так.

Клас называет неприлично высокую сумму. Я смеюсь:

— Ты ведь шутишь.

— Почему же? Абсолютно нормальная цена. Мы имеем дело с расположением класса «А». Премиум! На самом деле это даже очень выгодно, ты ведь собираешься арендовать магазин всего лишь на месяц, а для такого предусмотрена специальная цена, потому что…

— Клас, — я перебиваю мужчину, — ты же знаешь, что мы не можем себе этого позволить.

Мужчина безразлично пожимает плечами.

И я вспоминаю о своем кофе, который уже давно стоит передо мной. Мне надо подумать. Я беру чашку, делаю глоток, потом еще один, тяну время. Нужно что-то придумать, что-то… Магазин на рыночной площади — это идеальный вариант: у нас будут покупатели, атмосфера рождественской ярмарки, а еще мы будем защищены от непогоды. Мы могли бы установить больше полок для наших товаров, создать непринужденную атмосферу, что-то вроде зоны отдыха, где наши покупатели могли бы…

— Я знаю! — я резко отставляю чашку с кофе в сторону.

— Что?

— У меня есть гениальная идея.

— Мне очень любопытно.

— Будем делать сыр и выпекать хлеб, это же идеально! — я в полном восторге от того, что вижу в своем воображении. — Слушай, мы будем продавать наш козий сыр и твой хлеб, из всего этого сделаем сэндвичи, небольшие снеки, лакомства. У каждого в магазине будет свой прилавок, а между прилавками мы поставим барные столики. У нас будет вино, несколько отборных сортов. У меня есть знакомые в Провансе, я куплю вино. А ты мог бы, — я делаю глоток кофе, потому что от волнения в горле сильно пересохло, — ты мог бы придумать новые сорта хлеба, может быть, какой-нибудь «Зимний хлеб», который будешь продавать только перед Рождеством. Знаешь, что еще было бы здорово? — я так воодушевлена, что хватаю Класа за руку. — Было бы здорово приготовить сытный багет, скажем, из полбяной муки, грецких орехов и изюма. Что-то подобное чудесно сочеталось бы с нашим козьим сыром. Мы сделаем первоклассные бутерброды, понимаешь? Бутерброды для гурманов! Мы вполне могли бы создать изысканную альтернативу глинтвейну и традиционным колбаскам с соусом карри! Нам наверняка еще что-нибудь придет в

голову. Например, у нас с Лив есть новые шарики из козьего сыра, маринованные в оливковом масле с розмарином и тимьяном. Их можно было бы подавать вместе с маленькими булочками и…

Я не успеваю сказать то, что следует за моим «и». Клас притягивает меня к себе:

— Ты знаешь, что ты прекрасна?

Клас целует меня.

Обрыв фильма. Поток идей в моей голове прекращается. Вместо него — мягкие губы, пушистый халат и довольно пропорциональные плечи, на которые я кладу руки.

— Эй, — мой голос дрожит, когда Клас размыкает губы. — Что происходит? — Я манерно отвожу голову назад, но не могу сдержать улыбку.

— Когда ты искришься идеями, ты выглядишь просто потрясающе, — его голос становится ниже.

— Ага, — комментирую я, что вдохновляет мужчину продолжить начатое.

Однако он не учел одного — Дерезу. Одним прыжком, которого я никак не ожидала от этого крошечного создания, Дереза оказывается у меня на коленях и с удовольствием лижет Класу нос.

— Тьфу! — Клас с отвращением отодвигается назад, что меня, признаюсь, невероятно веселит.

— Да-да, — я глажу таксу по длинной спине, — нам, женщинам, надо держаться вместе.

После этого Дереза удобно устраивается у меня на коленях.

— Это просто какой-то сумасшедший дом. — Клас обеими ладонями трет лицо.

— Ну что, как тебе мои идеи? Устроим рождественский магазин?

Я пытаюсь сохранять самообладание. Не сказать, что обаяние Класа меня не впечатлило, нет, конечно нет, но сейчас речь идет о другом. Речь идет кое о чем более важном. Речь идет о бизнесе.

— Ты сводишь меня с ума, Фрауке. — Клас театрально разглядывает потолок. — Но твое предложение мне нравится, — он улыбается. — Ты знаешь, что ты чертовски хороша?

«Да, — думаю я, — я знаю. И я никому в этом мире больше не позволю говорить мне обратное».

— Значит, делим пополам? — я все еще не отпускаю Класа.

Он вопросительно вскидывает бровь.

— Я имею в виду аренду, — добавляю я сладким голосом.

— Пополам?

Мелочи

Дикие кабаны оставили следы на обочине дороги и в поле. Сначала они рылись в земле, потом переворачивали ее вверх дном. Несколько комков земли разлетелось прямо до проселочной дороги, и теперь я с удовольствием проезжаю по ним, оставляя поверх велосипедный след. Почва проседает, мягкая, словно подошедшее дрожжевое тесто. И она благоухает. Я вдыхаю этот запах. От земли исходит насыщенный аромат, словно от корзины боровиков. Наполненная, богатая, невероятно плодородная земля. Неудивительно, что дикие кабаны зарывались в нее своими носами.

Я вдруг замечаю, что все мои мысли снова крутятся вокруг кулинарии, хотя и в совершенно ином смысле. В этот момент я рассматриваю недавно разрытую почву: она выглядит очень свежей. Кто знает, может быть, сюда ночью снова заходило стадо кабанов? Я осторожно принюхиваюсь. Не пахнет ли приправами, как в прошлый

раз? Я не уверена, поэтому решаю удостовериться. Вполне возможно. Нужно будет обязательно спросить у Лив, чем пахнут дикие кабаны.

Даже удивительно, что меня интересует подобное. Но это действительно так! Вообще, я здесь постоянно узнаю что-то новое, о чем раньше не имела ни малейшего представления. Пчелы танцуют, козы умеют предупреждать об извержениях вулканов, таксы любят морковку — обо всем этом я знаю с тех пор, как живу в Люнебурге. И это невероятно увлекательно.

Я сильнее нажимаю на педали, покидаю открытое поле и погружаюсь в лес. Я еду к Лив. В наплечной сумке, которая сейчас закреплена в багажнике, лежит договор аренды. Осмотрев с Класом магазин изнутри, мы прямо сегодня утром составили договор. Проект договора я собираюсь обсудить с Лив.

Моя уверенность в собственном деле удивляет даже меня. Что касается нашего рождественского магазина, то у меня нет абсолютно никаких сомнений в его успехе. Хотя, если присмотреться, сделка с Класом очень рискованна. Ведь, если все сложится так, как мне хочется, то я буду не только жить в одном из объектов его недвижимости, но и зарабатывать деньги во втором. Нравится ли

мне это? Нет ли во всем этом чрезмерной зависимости? Тем более я только что оставила другого мужчину, а именно моего мужа, с пентхаусом и рестораном. Не очень ли много параллелей?

— Но ведь это всего лишь до Рождества, — говорю я громко сама себе, чтобы успокоиться.

К тому же, что касается Класа, то у меня хорошее предчувствие. Конечно, его самодовольное упрямство снова и снова раздражает меня, но он невероятно честный тип. Который, к слову, мастерски целуется. Я не могу сдержать улыбки. Жаль, что на празднике фермеров со мной случился тот неприятный провал в памяти. Я точно что-то пропустила.

Как бы там ни было, я отодвигаю в сторону следующую, достаточно заманчивую мысль о Класе. Между нами не будет ничего большего. Ни в коем случае. Все личное — табу, как минимум до Рождества. Словно желая подтвердить собственное решение, я выпрямляюсь и нажимаю ладонью на руль. Никаких поцелуев! И уж точно никакой дальнейшей близости. Во-первых, мне нужно разобраться с Юстусом, который все еще остается моим мужем. Во-вторых, мы с Класом теперь деловые партнеры. В общем, пожалуйста, никаких больше попыток сблизиться.

Внезапно мне в голову ударяет сильный запах. На обочине дороги лежат недавно срубленные сосны. Я чувствую их резкий смолистый аромат. Этот запах дурманит! Лес, земля, свет, ветер, жизнь — все это слышится в нем. Особенно сегодня, когда низкое осеннее солнце поблескивает в кронах деревьев. Я поднимаю взгляд и любуюсь последними яркими листьями. Как же все-таки прекрасен этот мир!

Я скатываюсь по небольшому склону, оставляя лес позади. Дорога выводит меня прямо на открытые пастбища. Справа от меня они покрыты белыми крапинками — это пасутся козы. Когда я вижу их, мое сердце наполняется радостью. Сегодня вечером Лив заберет их, потом будет доить — и мы получим много молока для самого лучшего сыра. Хотя это и не мое стадо, но я все равно горжусь этими козами. Я по-настоящему радуюсь, когда проезжаю мимо этих животных, любуюсь их гордыми рогами и сытыми животами.

За рядом деревьев я уже вижу сверкающие крыши Лобекхофа. Как хорошо, что я оставила машину и поехала на велосипеде. Прохладный, свежий осенний воздух и движение привели мои мысли в порядок. В приподнятом настроении я преодолеваю последний поворот на ферму и с

воодушевлением заезжаю в ворота. Снова это старое поместье завораживает меня своей красотой. Здесь царит настоящая идиллия: раскидистые деревья, клумбы с вековыми изгородями из самшита, огненно-красные георгины прямо перед домом. Все это трогает меня до глубины души. Я чувствую мурашки на коже.

Я паркую велосипед и слышу детский смех, он доносится с лужайки за домом. Быстро забираю сумку из багажника и иду на звук. Это Валери играет с другой девочкой, они перепрыгивают через самодельные препятствия. Дети явно изображают в лошадок, потому что у Валери на плечах я вижу что-то наподобие упряжи, а другая девочка держит в руках вожжи.

— Привет! — я машу девочкам.

— Привет! — радостно отвечают дети на местном диалекте, и я в сотый раз обещаю себе, что тоже буду пользоваться северонемецким приветствием.

— А твоя мама тоже здесь, Валери?

— Да, она внутри.

— Отлично, — я разворачиваюсь, — тогда я зайду к ней.

Дети снова погружаются в игру и уже направляются к следующему препятствию. Как же им

здесь хорошо! Они могут расти так свободно и так беззаботно! Мне тоже удалось ощутить капельку этой свободы тогда, во время летних каникул на ферме Лобекхоф.

— Привет! Я слышала, как ты идешь, — Лив встречает меня у открытой входной двери.

— Привет!

Я следую за Лив в прохладный вестибюль, какой же он большой! Мой взгляд скользит к балкону, деревянным перилам и окрашенным в темный цвет балкам. Просто невероятно! В жилом доме я не была с детства. На меня нахлынули воспоминания.

Лив между тем уже побежала дальше и придержала для меня небольшую дверь, которая ведет куда-то в сторону. За дверью заметно теплее. Я с любопытством смотрю по сторонам, разглядываю старинный каменный пол и массивную дверную раму. Когда мы с Лив доходим до кухни, я вижу печь-камин.

— Присаживайся, — Лив указывает на массивный угловой стол. — Я только что заварила чай, будешь?

— С удовольствием.

Я снимаю парку, вешаю ее на спинку стула, разматываю шарф на шее, потом беру сумку под

мышку и сажусь на угловую скамью.

Лив в это время расставляет на столе блюдца и чашки, зажигает свечу в подставке и ставит на нее пузатый чайник.

Я беру одну чашку, кручу ее в руках, рассматриваю хорошо знакомый мне узор.

— О чем думаешь? — Лив подсаживается ко мне.

— Этот сервиз кажется мне знакомым. — Я ставлю чашку на стол. — А может быть такое, что этим сервизом пользовались твои бабушка и дедушка?

— Да, такое может быть. — Лив берет чайник и разливает чай. — Еще когда я была ребенком, я обожала эту посуду.

— Кажется, я тоже.

Мы улыбаемся друг другу, и, вероятно, у нас обеих в этот момент перед глазами всплывают лица Эльфи и Пира. Как же давно это было.

— Здорово, что ты сохраняешь наследие бабушки и дедушки, ферму и… — вдруг что-то невероятно трогает меня, — и вообще. Благодаря вам с Валери дом продолжает жить. Не знаю почему, но это успокаивает меня.

— Во всяком случае, мы изо всех сил стараемся вдохнуть в него жизнь, — взгляд Лив блуждает

по комнате. — Здесь все такое большое. У нас с Валери есть жилая часть дома, а все остальное пустует.

— И квартира для отдыха?

— Да, и она тоже, — Лив пожимает плечами. — Мне нужно ее модернизировать. Кухня, ванная — все устарело, никто не захочет жить в такой квартире сегодня. Но на ремонт сейчас денег нет.

— Тогда хорошо, — я сияю, словно фокусница, чей час настал, — что я пришла! С этой минуты для Лобекхофа начинается новый этап.

Я достаю из сумки — нет, не кролика — проект договора об аренде и энергично кладу его на стол.

— Вот он, наш рождественский магазин, — я слегка касаюсь пальцами бумаги.

Перед тем как отправиться к Лив на велосипеде, я позвонила ей, предупредила и вкратце ввела в курс дела.

— Ты меня заинтриговала, — Лив пододвигает к себе договор, читает, медленно листает страницы. — И ты думаешь, что это сработает? — женщина бросает на меня вопросительный взгляд.

— Конечно!

— И аренда не будет для нас проблемой?

— Это мелочи. К счастью, Клас согласился на мою сделку, поэтому мы поделим с ним плату пополам. Кроме того, мы сможем сэкономить, ведь нам не нужно будет отдельное место на рождественской ярмарке.

Я достаю из сумки телефон и открываю галерею с фотографиями.

— Только взгляни! — я подношу к Лив экран телефона и одну за другой показываю ей фотографии, которые сделала во время осмотра помещения. — Этот магазин идеально нам подходит. И-д-е-а-л-ь-н-о! — я до сих пор в полном восторге. — Я уже не могу дождаться, когда…

— Тсс! — Лив перебивает меня, прикладывает палец к губам. — Ты слышишь это?

— Что именно? — я прислушиваюсь, что с ней такое…

— Журавли! — Лив встает и распахивает окно с переплетами.

Теперь и я их слышу. Я соскальзываю с лавки, становлюсь рядом с Лив у открытого окна, поднимаю глаза к осеннему небу. И вот он приближается: большой клин в форме тонкой цифры «1». Воздух наполнен птичьим криком. Несколько журавлей отстают. Они стараются нагнать остальных, чтобы снова вернуться в строй.

— Чудесно, правда? — голос Лив становится хриплым.

— Да, чудесно.

— Ты знала, — женщина взглядом следует за птицами, — что пары журавлей всю жизнь живут вместе? И неважно, куда они улетают. Журавли — самые верные птицы на свете.

Нет, этого я не знала. Я думала, что самые верные птицы — это совы. Я бы с удовольствием спросила об этом Лив, она наверняка знает ответ. Но сейчас не самое лучшее время для этого. Сейчас у Лив какое-то особенное настроение. Что это с ней?

— Когда журавли улетают, меня всегда одолевает такая тоска. — Лив поглаживает лоб. — Это странно, но во мне есть что-то, что тянет меня в мир, в дальние края, далеко-далеко.

Я смотрю на Лив, на ее серьезное лицо. По-моему, она слишком бледная сегодня — во всяком случае, очень худая. И у нее действительно какое-то странное настроение.

— Но, возможно, — она резко берется за ручку и энергично закрывает окно, — все люди чувствуют подобное, когда видят журавлей.

— Да, — я прокашливаюсь, — возможно.

— Пойдем, — голос Лив снова становится твер-

дым, — поговорим о рождественском магазине.

Мы снова занимаем наши места.

— Я полностью доверяю тебе в этом деле, — Лив смотрит на договор. — У меня есть только одна просьба. Давай четко разделим задачи? Я позабочусь о хлебе и сыроварне. Все остальное — обустройство магазина, маркетинг, рождественский декор и административные вопросы — возьмешь на себя ты. Я не справлюсь с этим дополнительно.

— Без проблем, я так и планировала. Единственное, что мне хотелось бы взять с фермы, — это стеклянные холодильные прилавки из твоего садового кафе. Они бы пригодились нам в магазине. Сможешь без них обойтись?

— Конечно, кафе зимой все равно закрыто. Можешь еще на время взять для магазина несколько столов и стульев или кухонные приборы. Просто посмотри, что тебе может понадобиться. Там ведь все есть.

— Гениально, все складывается просто идеально, ты так не думаешь? Кажется, что все именно так и должно быть. — Я на секунду замолкаю, обдумывая собственные слова. — Я уже поговорила с Класом, он позаботится об официальной стороне дела. К счастью, он знает ответствен-

ных людей в городском управлении. Для нашего временного магазинчика нам еще нужно разрешение, всю эту бюрократию он берет на себя.

— Это хорошо, потому что у нас осталось не так много времени, — Лив одобрительно кивает. — Клас знает в Люнебурге каждого прохожего. Он идеально подходит для решения подобных задач, как минимум потому, что у него есть свой ресторан.

— Свой ресторан? — я в шоке.

— Да, ресторан вьетнамской кухни в районе рынка принадлежит Класу. Ты не была у Нхи?

— Была, — отвечаю я, опешив. — Еще когда приехала в Люнебург, мы ходили туда с Класом. Это его ресторан?

— Да, — кажется, Лив не видит в этом ничего необычного.

— Вот оно что, — я откидываюсь на спинку скамьи. — Клас полон сюрпризов. Кажется, ему принадлежит половина Люнебурга.

— Да, примерно так оно и есть, он получил всю эту недвижимость в наследство от отца, — Лив кривит рот. — У них были не очень хорошие отношения. Некоторые даже считают, что Люнебург оказался слишком тесным для них двоих — и поэтому Клас так долго колесил по свету.

«Если отец характером был хоть немного похож на своего сына, — размышляю я, — то что-то в этой истории есть».

— Кажется, Класа никогда не интересовали дела старика, — продолжает Лив. — Выпечка, дело сына, не сильно впечатляла отца, — женщина смеется. — Это был бесчувственный деловой человек старой закалки, однажды мне довелось познакомиться с ним. Сторонник патриархата до мозга костей, в темно-синем пиджаке с золотыми пуговицами. Просто представь себе противоположность Класа — это и будет образ его отца.

— Хм.

Я хорошо представляю, что это был за мужчина, о котором идет речь. С таким отцом Класу явно пришлось нелегко. Неудивительно, что он надел маску грубияна.

— Что ж, — Лив громко вздыхает, — теперь вся эта история принадлежит сыночку. Куча недвижимости. Вставать ни свет ни заря и печь булочки, чтобы заработать на жизнь, — в этом для Класа явно нет никакой нужды.

Лив хочет продолжить «…чего нельзя сказать обо мне» и сдерживается, но я все равно слышу эти слова. Снова это странное настроение, которое исходит от Лив. В ее голосе чувствуется

усталость и изнеможение. Такой я ее еще не видела. Я вдруг вспоминаю про Виллема, профессора-пчеловода. Разве он не говорил, что в долгосрочной перспективе Лив не выдержит такой нагрузки? Что справиться с фермой одному человеку просто невозможно? Меня вдруг охватывает чувство тревоги.

— Скажи, Лив, — я наклоняюсь вперед через стол, беру ее за руку, — у тебя все хорошо?

Она кивает, но глаза ее по-прежнему устремлены вниз.

— Но ведь с тобой что-то не так, правда? — переспрашиваю я. — Я чувствую это.

— Н-да, ты знаешь, сейчас все это для меня как-то тяжело…

— …я и раньше удивлялась, как ты со всем справляешься: большой дом, сыроварня, столько животных, а еще — Валери.

— Нет, — она отдергивает руку, — я не об этом.

Она растягивает слова, словно жевательную резинку. Потом засовывает руку в карман, достает оттуда что-то белое с розовым наконечником и кладет на стол. Сначала мне кажется, что это фломастер, но это не он.

— Тест на беременность? — у меня глаза полезли на лоб.

— Сделала сегодня утром. Он, — Лив запинается, — положительный.

— Ты беременна? — вопрос, который мне не стоило задавать: все и так отчетливо видно.

Я пытаюсь сохранять спокойствие и не говорить ничего лишнего. Обеими руками убираю волосы с лица, выпрямляюсь.

— Это было, эм, запланировано?

Лив молча качает головой. Я так и думала.

— Ты хочешь…

— Да, — перебивает меня Лив, — я рожу ребенка во что бы то ни стало.

— Отлично, с этим разобрались. А отец?

— Он пока не знает об этом.

— О-к-е-й, — протягиваю я это короткое слово, насколько возможно.

Мне нужно подумать над тем, что сказать дальше, но Лив меня опережает:

— Это не так важно. — Ее взгляд становится каменным. — Сама справлюсь.

В этот момент на меня накатывает волна сострадания. Лив так молода, у нее такая сила воли — и она так одинока. Она выросла на этой огромной ферме без отца, как и Валери. Как же все это тяжело.

— Еще один ребенок без отца? — я обязана за-

дать Лив этот вопрос, ведь он слишком глубоко затрагивает мою собственную историю.

Глаза Лив, которые смотрят прямо на меня, наполняются слезами.

— Что ж, — она всхлипывает, — если при таких обстоятельствах тебе станет слишком тяжело в нашем рождественском магазине, то мы можем…

— Глупости! — быстро перебиваю я, но тут же становлюсь нежнее: — Ты думаешь, что я брошу тебя?

Лив в полной растерянности, всхлипывания становятся громче. Я встаю со скамьи, подхожу к Лив, наклоняюсь и обнимаю ее. Прижимаюсь своей щекой к ее щеке.

— Теперь тем более, — шепчу я, а затем повторяю: — Теперь мы тем более откроем нашу лавку.

Когда ее дыхание успокаивается, я выпрямляюсь и глажу Лив по волосам.

— Я очень жду появления твоего малыша. — Самое время, чтобы сказать это. — Когда он родится?

— Я думаю, примерно через восемь месяцев. — Лив снова всхлипывает.

— Что ж, тогда у нас есть еще куча времени.

Мы ни в коем случае не упустим возможность принять участие в рождественской ярмарке.

Мне даже не нужно специально добавлять в свои слова глубокую уверенность. Она искренняя. Я верю в нас, в Лив и в себя, в наши продукты, в наш успех. Повторюсь: сейчас это как никогда важно.

— Не волнуйся, — я беру договор, который все еще лежит на столе. — Об этом не беспокойся. С этого момента я буду заботиться обо всем, о чем смогу. Доверься мне.

Я перебрасываю свою сумку через плечо, засовываю туда бумагу.

— А теперь мне пора. Много дел.

Я снимаю парку со стула, обматываю шарф вокруг шеи, обнимаю Лив и покидаю дом. Когда я выезжаю со двора на велосипеде, навстречу мне галопом несутся дети. Они по-прежнему играют в лошадок, объявив, что огромная лужа — это канава. Я машу им, детский смех эхом отдается у меня в голове. Как же все-таки прекрасна жизнь на ферме Лобекхоф! И как же хорошо, что совсем скоро этой жизни станет больше.

Я миную пастбища и уже собираюсь погрузиться в лес, как слышу следующий клин журавлей. Я останавливаюсь, слезаю с велосипеда, поднимаю

глаза к небу. И вот они появляются над верхушками деревьев. Вместе с ними — не сравнимый ни с чем, полный тоски зов. Лив права: этот зов затрагивает какие-то струны человеческой души.

Журавли пролетают прямо надо мной. Я запрокидываю голову, любуюсь сильными, но такими невесомыми телами, изящными крыльями. Я смотрю вслед журавлям, и мой взгляд снова падает на пастбища, на крыши Лобекхофа. Я вдруг понимаю, что люблю это место. Это ясно как день. В моем сердце — чистая, светлая любовь. Никаких сомнений. Совсем.

И я знаю кое-что еще: полный вперед! Каждый цент, накопленный за последние годы, я вложу в нашу рождественскую лавку. Она просто обязана обернуться успехом. Более того, я организую для нас максимальную поддержку. Главный помощник! Как хорошо, что Клас в нашей команде, он в Люнебурге фигура весомая. А у меня в рукаве есть еще один козырь: я знаю кое-кого, кто сможет посодействовать нашему успеху. Я поворачиваюсь назад, снимаю с багажника сумку, роюсь в ней в поисках кошелька. Я положила туда кое-что и теперь хочу это найти. Это кое-что сделано из плотного светло-серого картона, а напечатанное на нем имя покрыто лаком канареечно-желтого

цвета.

Тесная связь

— Превосходно!

Подняв руки и растопырив пальцы, Катинка шествует по магазину и светится, словно неоновая реклама. Затем резко разворачивается на каблуке и, будто полководец, осматривает рыночную площадь. Измеряет шагами стену, тихонько считая про себя, возвращается в центр и поворачивается вокруг собственной оси.

— Рождество! — Катинка снова вскидывает руки. — Великолепная обстановка!

Катинка только-только приехала из Гамбурга, поэтому я встретила ее на вокзале и повела прямиком в наш новый магазин. Поскольку вокзал расположен недалеко, а осеннее солнце сегодня тепло и приветливо освещает Люнебург, мы пошли пешком. Для Катинки это была прекрасная возможность обрести тесную связь с городом, а еще, как она выразилась, прочувствовать «внешний облик и эмоциональный отклик».

Когда мы добрались до нашей лавки, Катинка была уверена, что попала в будущий рождественский городок. Это чувство только усилилось в ее компании: на обратном пути мы прошли мимо рыбного рынка, через мостик Браузебрюкке — поистине живописное место, где самым прекрасным образом встречаются река и исторические постройки: окна с переплетами, каркасные дома, кирпичная кладка, извилистые улочки и шум воды. Катинка была очарована. Я тоже.

— Фрауке, а какого цвета фургон, который вы хотите разместить в магазине? — Катинка прислонилась спиной к одному из окон.

— Белого, — отвечаю я.

— Белого, — Катинка произносит это слово так, будто совершила какое-то редкое открытие. — Это хорошо. Снег белый, молоко белое… — бормочет она.

— Наш козий сыр белый! — замечаю я.

— Да, точно, белый козий сыр, — отзывается она эхом, полностью погрузившись в свои мысли.

Кажется, что где-то в голове у нее раскрылось полотно, на котором разыгрываются самые разные сценарии. Потом Катинка вдруг поднимает взгляд, разглядывает необработанные кирпичные стены прямо перед нами.

— Был потоп, — объясняю я, — пришлось убрать штукатурку. Нам нужно придумать какое-то простое решение. Может быть, прикрепим к стене несколько гипсокартонных листов.

— «Гипсокартонных листов»? — Катинка смотрит на меня так, будто я сказала что-то оскорбительное. — Нет-нет, эта разбитая стена совершенно прекрасна, этот трухлявый шарм — именно то, что нам нужно.

Она подбегает к стене, бережно проводит кончиками пальцев по кирпичной кладке.

— Роскошь и упадок дополняют друг друга, — женщина поворачивается ко мне. — Вместе они создают ни с чем не сравнимое очарование. Вспомните хотя бы старинные загородные усадьбы, вспомните Венецию! Это изящество! Где еще Рождество может быть более романтичным, более стильным?

Затем она погружается в себя. Кажется, думает о чем-то, развивает какую-то мысль.

— Фрауке, знаете, чего не хватает этому месту? Знаете чего? — Катинка запрокидывает голову, снова оборачивается. — Богатства! Декаданса! Люстры на потолке! Громадной шикарной люстры! Чтобы она сияла и сверкала до самой рыночной площади. Просто представьте себе это!

Катинка смотрит на меня, полная блаженства. Затем взгляд женщины скользит и задерживается в двух метрах слева от меня. Я с интересом следую за ним.

— Привет! — широко расправив плечи, Клас стоит в дверном проеме в сопровождении Дерезы, которая, узнав меня, тут же приходит в восторг.

Хозяин таксы между тем без всякого стеснения рассматривает Катинку: ее восторженное выражение лица, ослепительно белые волосы, зачесанную наверх челку, ярко-желтые очки, вязаный кардиган длиной по щиколотку из пушистого мохера в яркую полоску, желтые кроссовки, вместительную дизайнерскую сумку на плече.

Пока Клас с присущим ему спокойствием изучает Катинку, лицо женщины озаряет легкая улыбка.

— А у вас хороший вкус, дорогая Фрауке, — говорит она и тоже рассматривает новоприбывшего с головы до ног.

— Э-э… — Я оставляю Дерезу в покое и переключаюсь на моих собеседников: — Позвольте представить: Катинка, это Клас, мой *деловой партнер*. Клас, я тебе рассказывала про Катинку. Она только что приехала из Гамбурга, чтобы

помочь мне обустроить наш рождественский магазин.

— Вот оно как. — Клас протягивает Катинке руку. — Значит, из Гамбурга.

— Да, из Гамбурга, — подтверждает женщина и пожимает протянутую руку. — С нетерпением жду нашей совместной работы.

— Хм, — звучит единственный комментарий Класа.

В своей привычной «обаятельной» манере он отворачивается от женщины и хватает свою папку-скоросшиватель, которую держит под мышкой.

— Вот. — Он подносит папку прямо к моему лицу. — Я только что был в мэрии. Все улажено, разрешение получено. Теперь твоя очередь.

Словно эстафетную палочку, Клас вручает мне свернутую папку и, не говоря больше ни слова, исчезает через открытую дверь. Снова ушел. И Дереза вместе с ним. Катинка безразлично смотрит обоим вслед, говорит:

— Интересно! — а затем сразу же возвращается к тому, на чем мы остановились.

— Итак, Фрауке, я возьму на себя гламур. И кирпичные стены мы оставим такими, какие они есть. Что нам понадобится, так это нату-

ральные материалы: небольшие тюки сена и, — Катинка снова поднимает взгляд, оценивая высоту потолков, — большая елка, примерно три метра высотой. И несколько поменьше: вот таких, таких и таких, — женщина показывает рукой размеры. — Сможете достать несколько деревьев? У вашей коллеги, о которой вы мне рассказывали, есть ферма. Деревья должны быть прямыми, чтобы мы могли установить их, как стелы. — Катинка снова показывает рукой различные размеры.

— Думаю, смогу, — размышляю я.

Я вспоминаю чудесный аромат, который на днях исходил от срубленных елей в лесу. Было бы просто замечательно, если бы нам удалось привнести хоть немного этого аромата в нашу рождественскую лавку.

Я достаю телефон, параллельно спрашивая Катинку, что еще нам понадобится. Открываю чистый лист для заметок, чтобы записать несколько ключевых пунктов.

— У нас все есть!

— Но как же, — я поднимаю на женщину удивленный взгляд, — это всё?

— Все остальное я куплю. — Она довольно оглядывается по сторонам. — Только сделайте мне

одно одолжение: пришлите мне план помещения и фотографию вашего фургона.

— Катинка, — я быстро делаю заметку в телефоне, — я ценю ваши идеи, безусловно, но нам еще нужно обустроить прилавок для хлеба, полки и холодильники со стеклянными дверцами, чтобы увеличить площадку для демонстрации и продажи сыра. К тому же я бы хотела добавить несколько барных столиков, может, со скамейками по бокам, чтобы наши гости могли присесть и перекусить. У нас есть мебель из сада, которая, возможно, подойдет. И я бы, конечно, могла раздобыть парочку овечьих шкур, которые мы разложим тут и там, — я вспоминаю пастуха Зёрена. — Вы знаете, все это не должно обойтись нам слишком дорого, поэтому нам стоило бы использовать уже имеющиеся средства. Это ведь всего лишь на месяц и…

— Это я уже поняла, — перебивает меня Катинка. — Насчет денег не беспокойтесь, у меня есть свои источники. Кроме того, сегодня все можно взять напрокат. Все это мелочи. Главное, чтобы *идея* соответствовала, а она соответствует.

— Хорошо. — Катинка меня успокоила, она излучает уверенность в себе. — Тогда я просто сфотографирую все, что, как мне кажется, долж-

но быть в магазине, а вы решите, подходит это или нет.

Катинка удовлетворенно кивает.

— А я, в свою очередь, посчитаю затраты, которые необходимы для обустройства помещения. Сегодня среда, — размышляет она. — Я предоставлю вам все необходимое не позднее пятницы.

— Замечательно! — Я чувствую, как с души свалился камень.

Все происходит быстрее, чем я думала.

— Когда рождественская лавка должна быть готова?

— Мы открываемся в канун первого воскресенья перед Рождеством, а всего их четыре. — Я смотрю календарь в телефоне. — То есть торжественное открытие начнется двадцать шестого ноября в шесть часов вечера.

— Чудесно. — Катинка протягивает мне руку. — С таймингом проблем не будет.

— Как же так? — Я автоматически пожимаю руку. — Уже уходите?

— Ах да, у меня много работы. К тому же мне надо еще получше прочувствовать этот город и его звучание.

— Хорошо. — Я пытаюсь уследить за ее мыслями. — Могу я тогда хотя бы проводить вас обратно

на вокзал?

— Нет, — в знак отказа Катинка вскидывает обе руки, — нет. Сейчас мне нужно побыть одной. Пока-пока!

После этих слов Катинка выходит за дверь — и исчезает за ближайшим поворотом. Я же в это время чувствую себя так, будто по мне проехался скоростной поезд. Я засовываю папку Класа в сумку и роюсь в ней в поисках ключей от лавки. Захлопываю входную дверь и запираю ее на замок.

У Катинки очень хорошие идеи, но она действительно сумасшедшая. Как сказала бы Бетти, «типичная творческая натура». У нее в конторе полно таких. Да, думаю, Катинка — своего рода «трюфельная свинка», как и я. Только в своей сфере, не в кулинарии, а в интерьере — в мире цветов и дизайна. Но дух похожий. Может быть, поэтому я сразу почувствовала с ней какую-то связь, когда мы познакомились друг с другом в сентябре на пустоши. Я просто не смогла забыть встречу с Катинкой и почему-то догадывалась, что мы с ней еще увидимся. В любом случае насчет нее у меня хорошее предчувствие. Если кто-то и может сделать из нашей лавки настоящее загляденье, то только она.

Я бросаю связку ключей обратно в сумку, поворачиваюсь и прислоняюсь к закрытой двери магазина. Передо мной — окруженная деревьями рыночная площадь. «Вероятно, в будущем я буду чаще видеть эту картинку, — размышляю я. — Как же это прекрасно! Что за подарок!» Я глубоко вздыхаю. Жду не дождусь начала рождественской ярмарки, когда мы сможем заехать в нашу новую лавку. Сегодня до обеда мы с Лив, как и каждую среду, были на еженедельном рынке. И да, продажи, разговоры с клиентами — все это по-прежнему доставляет мне невероятную радость. Их восхищение нашим сыром, их готовность пробовать новое, подробные отчеты на следующий день — все это наполняет меня, окрыляет и порождает во мне новые идеи для продуктов. Но, несмотря на это — или, возможно, как раз из-за этого, — пришло время нам с Лив перейти на новый уровень. Сейчас самое время открыть собственный магазин.

Однако до этого момента нам еще предстоит выполнить много дел. Я энергично отталкиваюсь от двери магазина, мне следует поторопиться, чтобы добраться до моего письменного стола: сначала мне нужно позаботиться о пригласительных билетах на наше торжественное открытие,

потом сделать заказ у торговца вином в Провансе, а еще позвонить Хелене Маллинкродт: моя рабочая неделя уже и так забита до отказа, но, как только откроется рождественская лавка, времени действительно будет в обрез. Изначально мы с Лив планировали распределить на двоих время работы магазина, чтобы я могла продолжать ездить в судоходную компанию три раза в неделю. Однако, когда я узнала о беременности Лив, этот вариант перестал казаться мне таким хорошим. Лив просто нужно больше спокойствия, несколько часов, которые она сможет провести наедине с собой или поиграть с Валери. Я ускоряю шаг. Нет, мы с госпожой Маллинкродт найдем какое-нибудь решение — и потом я полностью сосредоточусь на работе в Люнебурге. Ради Лив, а еще ради себя и ради рождественской лавки.

Я с энтузиазмом поворачиваю на следующем углу, объезжаю двух пешеходов и уже репетирую первые предложения для телефонного звонка в судоходную компанию, когда вдруг вижу ее — Лив. Она как раз заходит в кафе на противоположной стороне дороги. Лив, с ее рыжими волосами и высоким ростом, трудно не заметить. Но она не одна, нет, рядом с ней какой-то тип: высокий, стройный, я бы даже сказала, немного

худой. Но, подождите, я его знаю. Это ведь тот молодой человек с праздника фермеров, который делает сидр. Гуннар, точно, теперь я вспомнила его имя.

Его зовут Гуннар. Тот самый тихий омут, в котором, как оказалось, много кто водится. На тюке сена. Вместе с Лив.

Гуннар.

Вот оно как. А это уже интересно.

Любопытный взгляд

— Он висит на самом верху балки.

— Кто?

Я от страха отскакиваю назад и ударяюсь головой прямо о выступ крыши. Кто это говорит?

— Я про ключ от кафе на ферме, ты ведь его ищешь.

Я потираю голову, наклоняю ее чуть ниже и осторожно выглядываю из-под крыши: позади меня, на лугу, стоит профессор-пчеловод.

— Ах, Виллем, это вы! — кричу я ему, а затем снова прячусь под низкой соломенной крышей.

Я приехала на велосипеде на ферму, чтобы сфотографировать для Катинки и нашего временного магазина кое-что из садовой мебели Лив, которая зимует в кафе. Но где же этот проклятый ключ?

— Вот же он. — Я замечаю что-то блестящее, тянусь вверх, хватаю ключ и выбираюсь обратно на свет. — Лив сказала мне, где найти ключ. Она уехала с Валери за покупками, — объясняю я и

высоко поднимаю свое вещественное доказательство.

— Все в порядке. — Профессор-пчеловод подходит ближе. — У меня и мысли не было, что ты собираешься совершить взлом.

Виллем несет в каждой руке по корзине, ставит их на землю, приветствует меня. Я с любопытством заглядываю внутрь.

— Что это у вас там такое красивое?

— Кое-какие запасы на зиму. — Виллем указывает на маленькую корзину: — Например, шиповник, в нем много витамина С, как и в рябине.

— Но лучше вам их не есть, — возражаю я.

— Это еще почему? Многие думают, что рябина ядовитая. Но это неправда, в сыром виде рябина просто горькая. Но если что-нибудь из нее приготовить, горечь пропадет. Я делаю из рябины варенье.

— Вот как.

Я никогда о таком не слышала, но теперь Виллем заинтересовал меня. Ведь, может быть, в этой явной любви к дикой природе кроется вдохновение для нашего следующего сырного творения. Кто знает?

— А что вы там насобирали? — я показываю на

вторую корзину.

— Ягоды боярышника, раньше он рос здесь повсюду. К счастью, на ферме Лобекхоф еще осталась парочка старых живых изгородей, — Виллем указывает подбородком на изгородь поблизости. — Там я могу кое-что насобирать.

— А что вы делаете из этих ягод?

— Ликер, — хитрая улыбка промелькнула на морщинистом лице мужчины. — Моей жене он всегда очень нравился…

Звонок моего телефона перебивает рассказ Виллема.

— Ох, Виллем. — Я быстро открываю сумку. — Пожалуйста, простите, я ждала звонок.

— Не беспокойся, ответь. — Виллем наклоняется к своим корзинам. — У меня все равно еще есть дела.

На экране высвечивается имя, которое я и ожидала увидеть.

— Госпожа Маллинкродт, большое спасибо, что перезваниваете.

— Рада вас слышать, — по голосу слышно, что она спешит. — Что же такое срочное произошло?

— График. Нам нужно перенести несколько моих тренингов.

— Вот оно что, — на заднем фоне я слышу нерв-

ное щелканье компьютерной мыши. — О каких днях идет речь?

Я собираюсь, делаю вдох — и произношу грудным уверенным голосом:

— Речь идет обо всем предрождественском времени.

— Что, простите? — звук компьютерной мыши стихает.

Воцаряется гробовая тишина. Я решаю выложить все карты на стол.

— Видите ли, госпожа Маллинкродт, дело вот в чем, — начинаю я и рассказываю ей о Лив и ферме Лобекхоф, моей работе в фургоне, наших новых продуктах, временном магазинчике, который мы обустраиваем, и о предстоящей рождественской ярмарке.

Я не представляю, как все это воспримет продвинутый менеджер по персоналу. Знаю только, что это правда — и именно она должна прозвучать прямо сейчас.

— Мы открываем наш магазин в первое предрождественское воскресенье, и с этого момента, а может, даже раньше, я больше не смогу приезжать в судоходную компанию. Каждый день я буду проводить за прилавком. Нам нужно перенести оставшиеся тренинги на следующий год.

— Господи! — Я снова слышу щелканье компьютерной мыши. — И приходят же вам в голову такие идеи… Вы же понимаете, что у нас с вами подписан контракт?

— Конечно, речь ведь идет только о том, чтобы *перенести* тренинги. Кроме того…

— Да?

— Кроме того, — я делаю небольшую театральную паузу, настолько долгую, что можно установить мышеловку, — вы у меня в долгу.

— Хм.

— Я говорю о том, что *я* в прошлом проявила гибкость и пошла вам навстречу. *Вы* еще помните мой счет за отмену заказа? До сих пор на мой счет не поступило ни цента, хотя я выставила сумму еще в сентябре. Я могу настоять на оплате, или же мы просто можем забыть об этом.

На другом конце провода тишина.

— Госпожа Маллинкродт, вы говорили, что отблагодарите меня и отблагодарите щедро, — продолжаю настаивать я.

— Знаю-знаю, — стонет она. — Раз уж это необходимо, то нам придется справляться без вас до января. Ума не приложу, как буду объяснять это компании, но я не против.

Я радостно вскидываю одну руку в воздух и

беззвучно выкрикиваю: «Е-е-е!»

— Думаю, с этим пока все ясно, — госпожа Маллинкродт снова спешит. — Мне очень жаль, но меня уже ждет следующий видеозвонок.

Не проходит и десяти секунд, как телефонный звонок прекращается — и я чувствую себя самым счастливым человеком на свете: теперь нашей рождественской лавке не помешает даже госпожа Маллинкродт. Я смогу разгрузить Лив и одновременно — изо всех сил — продвигать наш магазин.

Я засовываю телефон обратно в сумку, и мой взгляд падает на одну из корзин Виллема, которая все еще стоит передо мной. Шиповник в корзине блестит, словно драгоценные камни. Я наклоняюсь вниз, достаю парочку ягод, вдыхаю аромат и бросаю обратно. «Шиповник, — размышляю я, — что мы могли бы придумать с шиповником?» Все еще размышляя над этим, я хватаю корзину и несу ее Виллему.

— Вот, — я ставлю свою находку возле одного из кустов, которым Виллем увлеченно занимается, — вы оставили.

— Спасибо, — мужчина на секунду оборачивается, — вижу, разговор был приятным.

— Ох, неужели у меня все на лице написано?

— Ну-у, — Виллем вскидывает руку вверх, будто рок-звезда, что в его исполнении выглядит действительно забавно, — этот жест был понятным.

— Вы подглядывали! — я пытаюсь казаться строгой.

— Уж извини. — Виллем снова поворачивается к кусту, невозмутимо собирает одну ягоду за другой. — Тебе сообщили хорошие новости?

— Очень хорошие, — выпаливаю я.

Я действительно рада, что могу с кем-то разделить свой успех. Я быстро ввожу профессора-пчеловода в курс дела. Он, как я поняла, уже узнал о нашем рождественском магазине от Лив.

— Значит, у тебя сейчас дела идут так, как у моих пчел, — говорит Виллем, когда я заканчиваю свой рассказ.

— Если вы намекаете на то, что я сейчас очень трудолюбива, то вы правы, — радостно бросаю я. — Мы с Лив и правда носимся туда-сюда с утра до вечера, словно маленькие крылатые насекомые.

— Нет, я не об этом, — он ухмыляется. — Я о том, что медоносные пчелы тоже устраивают что-то вроде карьеры, как и мы, люди.

— Ах. — Виллем снова удивляет меня. — И какая же карьера у пчел?

— Медоносные пчелы — это социальные существа, которые, как и мы, живут целыми семьями. В течение жизни они примеряют на себе, если тебе так понятнее, различные профессии: сначала ухаживают за пчелиной маткой и расплодом, потом собирают нектар и пыльцу, а в самом конце защищают свой род, как солдаты.

— Чего только не бывает!

Я присаживаюсь на корточки, потому что к нам решил присоединиться Клуни — домашний кот с фермы, в которого Бетти влюбилась с первого взгляда. Кот увлеченно трется о мои ноги. Его блестящая шерсть, кажется, стала гуще — плотный ворс, словно бархат, ложится мне на ладонь.

— Медоносные пчелы идут по четко установленному плану, они не могут иначе, — увлеченный пчеловод вошел в азарт. — Однажды они внезапно оставляют свою старую задачу и переключаются на новую. Это происходит так… так, как… — Виллем ищет подходящее слово, — как смена времен года. В один прекрасный день ты выходишь на улицу и понимаешь: наступила осень. Воздух, запах — все другое. В низинах вдруг ложится туман, а свет мерцает немного теплее. Собственно говоря, все это только детали, попытки объяснения, ведь решающее здесь это чувство,

уверенность внутри нас. Мы точно знаем: наступила осень. Шестерня перескочила на один зубец вперед. И это хорошо. Все хорошо так, как есть.

Я притихла. Сижу на корточках рядом с Клуни, глажу его, подставляю затылок лучам послеполуденного солнца, слушаю Виллема и ловлю себя на мысли, что просидела бы так целую вечность. Может быть, я так и сделаю — и просто останусь здесь. Навсегда. Как сейчас.

— Медоносные пчелы — это поистине интересная область для исследований. — Кажется, Виллем насобирал достаточно ягод, поэтому теперь он поднимает корзины и выпрямляется. — Мы, люди, можем многому у них поучиться. Например, мы с коллегами выяснили, что пчелиная семья наиболее успешна тогда, когда состоит из умных и, скажем так, менее умных особей. Это ведь невероятно интересно, не правда ли? — Виллем собирается уходить. — А вот семья, состоящая исключительно из умных пчел, напротив, проигрывает. Кажется, социальное смешение — это отличная стратегия для эволюции.

Теперь и я поднимаюсь, провожаю Виллема до его вагончика, который сейчас стоит на краю сада Лив.

— Вижу, вы нашли новое место для своего

вагончика. Больше не нравится у леса? — интересуюсь я.

— Нравится, нравится, — Виллем ставит корзины на землю. — Просто у моих медоносных пчел сейчас зимняя пауза, а мне здесь немного удобнее.

Потом мы прощаемся: меня ждет садовая мебель, а профессора-пчеловода — банки для варенья.

— Но пока я не ушла, — вдруг мне в голову приходит мысль, — у меня есть еще один вопрос: дикие кабаны действительно пахнут приправами Maggi?

Виллем с удивлением поднимает на меня взгляд, а потом улыбается:

— Вообще, это не по моей части, но да. Дикие кабаны пахнут приправами Maggi. А чем же еще им пахнуть?

Высшее общество

Беспокойно, словно тигрица, я брожу туда-сюда перед витриной нашего магазина. Доставка должна была приехать уже давным-давно. Кажется, я уже в сотый раз извлекаю телефон из сумки, проверяю письмо-подтверждение, смотрю на время: 18:47. Меня уверяли, что вино доставят до 18:00. Я окидываю взглядом улицу, но ничего не меняется. Это раздражает. Через двадцать четыре часа начнется торжественное открытие нашей рождественской лавки. Благодаря Класу и Лив, которые действительно знакомы с половиной города, на праздник придет все высшее общество Люнебурга. И единственное, чего пока не хватает, — это напитки. Поверить в это не могу!

Погруженная в свои мысли, я еще раз просматриваю нашу винную карту: шипучее игристое премиум-качества, сухое белое и — в качестве альтернативы — легкое красное вино. Вот и всё. Мы также предлагаем воду — и больше ничего.

Выбор напитков небольшой, но изысканный. Отборные напитки! Как и все наши продукты. Поэтому я и заказывала в Château Fabuleux, моей любимой винодельне в Провансе. Но где они?

— Попробуешь? — раздается баритон рядом со мной.

Клас. Откуда он взялся? Судя по одежде, он только что из пекарни, ведь она расположена неподалеку отсюда. Видимо, так спешил, что даже не успел набросить куртку. Вместо этого он держит на трех пальцах крошечную тарелочку, на которой лежит маленький кубик.

— Что это? — я делаю паузу. — Похоже на пирог.

— Что-то вроде того.

Клас улыбается, но его улыбка кажется мне немного смущенной. Это вообще возможно?

— Это чизкейк, творение из козьего творожного сыра и ежевики, — объясняет Клас, — приправленное каплей лимонного сока.

— И его… — я не осмеливаюсь это произнести, — в общем, этот пирог… испек *ты*?

— Пробуй уже, — резко отвечает он.

Все ясно: Клас, пекарь, который хочет готовить исключительно хлеб, уклоняется от ответа. Я делаю для себя выводы и беру десертную вилку,

которую он держит прямо перед моим носом. Отламываю кончик квадратного чизкейка и отправляю его в рот. Чизкейк тает, словно шампанские трюфели: нежные, плавящиеся и к тому же удивительно свежие.

— Это невероятно! — Я правда удивлена и с интересом смотрю на тарелочку. — Почему я не додумалась до этого? Ну конечно, чизкейк!

Я закрываю глаза, чтобы еще раз насладиться вкусом.

— Аромат можно было бы дополнить небольшим количеством мяты. Как думаешь? Мы можем положить пару листиков сбоку. А в остальном, по-моему, просто превосходно.

Клас быстро забирает у меня вилку, накалывает на нее весь оставшийся кусок и отправляет себе в рот.

— Да, — говорит он, пережевывая, — мята бы хорошо подошла. — Мужчина глотает. — Знаешь, я подумал, что чизкейк отлично бы пригодился для нашего фуршета завтра вечером. Поэтому я сегодня решил поэкспериментировать, просто так, для удовольствия. — Мужчина поглаживает бороду. — Если хочешь, могу испечь к завтрашнему дню два противня.

— Хочу! — отвечаю я, недолго думая. — Наш

фуршет получится прекрасным! Дай-ка подумать: будут маринованные шарики из козьего сыра в средиземноморском стиле, творожный сыр с фисташками на персике, немного камамбера, твое новое хлебное ассорти и, в довершение всего, чизкейк. Звучит фантастически, разве нет?

В лице Класа что-то меняется, это похоже на улыбку. Она виднеется только в правом уголке губ, но она точно есть.

В этот момент на нас падает яркий луч света, блеск и мерцание. Из магазина доносятся долгие и протяжные «Ах!» и «Ох!», голос Катинки слышен даже на улице. Прохожие останавливаются, с любопытством заглядывая в магазин через витрину. Мы с Класом заходим внутрь через открытую дверь — и вот она весит и сверкает во всем своем великолепии: люстра Катинки. Вау! Какое сокровище! Люстра просто огромная, со своими двенадцатью рожками она выглядит прямо-таки внушительно, а из-за того, что Катинка распорядилась повесить ее довольно низко, ее просто невозможно не заметить. Сверкающие хрусталики наполняют жизнью все пространство, отбрасывают блики не только на стены, но и, как Катинка и предусмотрела, на тротуар. В этом сиянии даже наш скромный фургон выгля-

дит будто дизайнерский элемент. На его белой лакированной поверхности, которую мы с Лив вчера полировали до дыр, свет отражается особенно ярко.

Пока оба электрика, установившие этот шедевр, с громким лязгом складывают свои лестницы, я беру Класа за локоть и подвожу к следующему «гвоздю программы».

— Пойдем, ты просто обязан это увидеть.

На сегодня мы закончили с хлебным прилавком. Мы с Катинкой сложили в П-образной форме небольшие тюки сена, которые Лив привезла на своем тракторе с фермы, а сверху закрепили подходящие по размеру толстые дубовые доски. Сзади, на голой кирпичной стене, мы развесили плетеные корзинки. Мы просто прикрутили их дном к кладке, так что вместе они образуют что-то вроде полок, на которых Клас завтра сможет разложить хлеб.

— Есть кое-какая идея. — Клас изучает нашу конструкцию, потом проводит рукой по гладким дубовым доскам.

— Позвольте, я пройду, — Катинка освобождает себе путь, а мы быстро отходим в сторону.

В руках женщина несет два ведерка для охлаждения шампанского и ставит их по обе стороны

от прилавка. Потом встряхивает квадратные льняные салфетки, красиво складывает их и помещает в отливающие серебром ведерки.

— Весь секрет кроется в сочетании текстур. — Она поправляет уголки салфеток. — Дерево, сено, кирпич кажутся теплыми и натуральными, но при этом грубоватыми и немного простоватыми. Им нужна соответствующая пара: глянцевая нержавеющая сталь и гладкий лен. Клас, — Катинка энергично поворачивается к нему, — в этих ведерках вы завтра будете представлять свои новые багеты. Они достаточно длинные и будут выглядеть в них, — женщина описывает рукой полукруг, — как букеты цветов в роскошном отеле. Так, не хватает только подсвечников.

Катинка снова торопливо убегает.

— Итак, — Клас наклоняет голову ко мне и переходит на шепот, — эта женщина из Гамбурга совершенно безбашенная, — мужчина придвигается еще ближе к моему уху, — но и довольно неплохая.

«Вы только посмотрите, — размышляю я и не могу сдержать улыбку, — Катинке удалось очаровать даже Класа».

— Короче, когда эта женщина из Гамбурга закончит с нашей рождественской лавкой, — Клас

указательным пальцем обводит круг, — пусть заглянет ко мне в пекарню. Уверен, ей придет что-нибудь в голову.

— Однозначно, — шепчу я мужчине на ухо.

— Голубки, если найдется свободное время, — нас снова перебивает чей-то голос, — можете помочь мне.

В следующее мгновение перед нами появляется кипа овечьих шкур и приземляется прямо в руки Класа. Приехал Зёрен — пастух с фермерского праздника. Лив сегодня побывала у него и договорилась, что он снабдит нас овечьими шкурами.

— У нас есть еще одна партия в багажнике. — Зёрен снова спешит на улицу, где его встречает Лив.

Женщина тоже несет охапку овечьих шкур. Я быстро отхожу в сторону.

— Мне кажется, — шепчу я Лив и забираю у нее груз, — тебе не стоит поднимать такие тяжести.

— Куда класть? — Клас догоняет меня.

— На скамейку вон там, — я подбородком указываю вперед.

— Вам не кажется, — Зёрен возвращается с последней кипой шкур, — что этого многовато?

— Ни капли! — Катинка вдруг появляется рядом с Зёреном, забирает у него несколько шкур

и обивает ими сиденья, подлокотники и спинки скамеек. — Когда сидишь здесь, должно быть чувство, что ты в карете русского царя.

Я вижу, как Клас закатывает глаза, но в его правом уголке губ снова затаилась улыбка.

— А как у тебя обстоят дела? — я чувствую руку Лив на плече. — Вино пришло?

Ах да, вино. Как же хорошо было, когда я забыла об этой проблеме.

— Нет, — я расстроенно качаю головой, — что-то пошло не так. Теперь я не знаю, что мне делать. Звонки не помогут: в такое время там никто не ответит.

— Думаю, я знаю, как решить эту проблему.

Я внимательно слушаю.

— Ты ведь говорила, что козий сыр и сидр прекрасно сочетаются, — Лив тянет с ответом.

А я в этот момент думаю: «Ага, чую, куда ты клонишь», но ничего не говорю.

— В общем, Гуннар мог бы предоставить нам парочку ящиков. Я звонила ему, и, если ты хочешь…

— Пожалуйста, попроси его прямо сейчас, — я выдыхаю с облегчением, — это будет решением проблемы. К тому же это идеально вписывается в нашу концепцию: сидр с Люнебургской пустоши

— это ведь просто идеально!

Лив улыбается во весь рот, и мне снова бросается в глаза, насколько же она молода. Боже мой, она совсем юна. Лив в ту же секунду достает из кармана телефон и выходит, чтобы сделать звонок. «На самом деле, — размышляю я, смотря ей вслед, — я могла бы и сама додуматься до сидра. Но как же хорошо, что и у других полно идей. Как же прекрасно, что здесь, в Люнебурге, есть Лив и Клас, Катинка и Зёрен, Гуннар и другие люди, которые готовы прийти на помощь. Я здесь всего несколько недель, но, несмотря на это, хочу…»

— Итак, дети, — будто дирижер, Катинка хлопает в ладоши, — теперь финальный штрих! Пожалуйста, все присаживайтесь.

Мы послушно опускаемся на только что обитые лавки, Лив тоже быстро заканчивает телефонный разговор и садится рядом.

— И вправду как в карете русского царя, — женщина с восхищением проводит рукой по густому меху на подлокотнике.

«Да, — думаю я, — выглядит немного упаднически, но вместе с тем невероятно красиво!» В конце концов Катинка смогла переубедить всех.

Сама Катинка между тем приглушила свет люстры и зажгла крошечные прожекторы, ко-

торые нужны нам для продажи в фургоне и у хлебного прилавка. Теперь она достает длинную зажигалку и поджигает ею толстые свечи-столбики, виднеющиеся тут и там в бесчисленных подсвечниках на прилавке, а еще на толстых стволах деревьев, которые заполняют пространство и служат природными стелами. Женщина обходит елочки, между которыми мы спрятали дышло фургона. Мы поместили деревья прямо вместе с корневыми комьями в большие цинковые бадьи разной высоты. К моему большому удивлению, Катинка наотрез отказалась использовать электрические гирлянды.

— Повесить гирлянду может каждый, — сказала женщина. — Эти ели настолько красивые, что сияют сами по себе.

И да, теперь, когда загорается все больше свечей, я вынуждена с ней согласиться.

— Готово! — Катинка зажгла последний фитиль.

Словно директор цирка, заставляющий льва сделать прыжок, женщина выпячивает грудь и вскидывает обе руки. В ответ она слышит восхищенные аплодисменты, хотя, чтобы выразить ей должное уважение, лучше подошли бы фанфары. Ведь то, что Катинка, мастер своего дела, сделала

из этого места в такие короткие сроки, — не что иное, как чудо. Чудо нашей рождественской лавки. Она оригинальная и особенная, как и другие наши товары, которые мы с Лив будем продавать. Кажется, Катинка прочитала мои мысли, потому что я чувствую ее руку на своей. Я поднимаю взгляд на Лив — и вижу пару невероятно счастливых глаз. Эти глаза так и спрашивают меня:

— Мы с тобой всех тут порвем, правда?

Я молча киваю. Да, дорогая Лив, мы это сделаем. Сделаем.

Мастер на все руки

Вчера вечером в «Ламберти» поступило вино из Château Fabuleux, но мы не можем его идентифицировать. Твое имя указано в графе заказчика. Адрес для выставления счета в накладной: улица Ам Маркт, дом 12, Люнебург. Свяжись со мной по этому поводу.

Юстус

Браво! Я опускаюсь на один из стульев на кухне. Теперь я знаю, где мое вино. Оно во Франкфурте, вот черт! Видимо, на винодельне мое имя до сих пор числится под названием «Ламберти», поэтому заказанные ящики с вином отправили на мое прежнее место работы. Как же неприятно! И что мне теперь делать?

— Что-то случилось? — Бетти заходит на кухню, параллельно надевая длинную серьгу, украшенную стразами.

Бетти специально приехала сегодня из Франкфурта, чтобы присутствовать на торжественном открытии нашего магазина.

Я молча протягиваю ей свой телефон, она читает и восклицает:

— О господи!

Да, именно. О господи.

— Вообще, Бетти, ты могла бы привезти вино из Франкфурта. Юстус написал мне еще утром. — Я потираю лоб. — Но во всей этой суете у меня только сейчас дошли руки до того, чтобы прочитать сообщения. И что мне ему ответить?

— Напиши ему все как есть, — Бетти вскидывает плечи. — В конце концов тебе придется признаться и рассказать ему, чем ты занимаешься в Люнебурге.

У меня невольно сжимается желудок, потому что я понимаю, что Бетти права. Но я также знаю, что хочу отложить на длительное время свою старую жизнь, жизнь с Юстусом. Ведь мы с ним договаривались: до Рождества. До Рождества у нас перерыв в отношениях!

— Не смотри так грустно. — Бетти надевает вторую сережку. — Лучше скажи, как тебе они.

Подруга качает головой, яркое украшение позвякивает.

— Оригинально, — отвечаю я, потому что ничего лучше в голову не приходит.

— Ах ты. — Бетти с шумом удаляется, не этот ответ она хотела услышать. — Мне нужно еще пять минут, потом можем выходить.

Мы как раз собираемся в рождественский магазин. Весь день мы с Лив и Класом, а потом и с Бетти работали не разгибая спины, заносили и расставляли товары, полировали стаканы и готовили фуршет. А потом быстро разошлись по домам, чтобы нарядиться и встретить гостей свежими и опрятными.

Но для начала мне нужно написать Юстусу. Я собираюсь с духом и начинаю печатать сообщение:

> Вино должны были доставить в Люнебург, оно нужно мне для празднования. Винодел ошибся с адресом доставки. К сожалению, сегодня я уже не смогу заняться этим вопросом, но скоро выйду на связь. Прости за неудобства.
>
> ***С наилучшими пожеланиями, Фрауке***

Возможно, сообщение получилось немного формальным, но ведь это наш «статус в отношениях». В любом случае я отреагировала и

завтра смогу спокойно подумать, что делать дальше. «К счастью, у нас есть сидр от Гуннара, — успокаиваю я себя, — так мы сможем выйти из проблемного положения».

— Так, я готова, можем идти. — Бетти влетает на кухню, теперь уже с более скромными серьгами; на руке несет пальто.

— Посмотри, так нормально? — я снова подношу к ней свой телефон.

Бетти читает подготовленное мной сообщение, кивает, говорит «Отсылай» и «А теперь пойдем».

Что ж, вперед.

Закутанные в пальто, шапки и шарфы, мы направляемся к рыночной площади. За последние дни в Люнебурге похолодало, вчера пошел первый снег — идеальная погода, чтобы встретить Адвент.

— Смотри, как очаровательно, — Бетти указывает на эркер, один из тех выступов, типичных для домов Люнебурга. В окнах с переплетами на шнурах кремового цвета висят два пучка омелы.

— Сделано со вкусом, — соглашаюсь я с Бетти, — выглядит почти как у Катинки.

Почти все дома, мимо которых мы проходим, украшены к празднику. Повсюду жители проявили креативность: рождественские венки

на дверях с толстыми лентами, украшенные в рождественском стиле еловые ветки в ящиках на балконе, цветочные горшки с зимовником, рождественские календари в окнах. На одном из полиспастов, торчащих из люка на чердаке, висит и ярко сияет моравская звезда.

— Как же мне нравится эта звезда! Если бы у меня был дом в Люнебурге, я бы тоже повесила такую. — Я радостно хватаю подругу под руку.

— Если бы у меня был дом в Люнебурге, — эхом повторяет Бетти. — Что ж, я слышу в этом кое-что, что Юстусу точно не понравится.

— Ах, Юстус, — отмахиваюсь я.

— Нет, а теперь серьезно. — Бетти останавливается и крепко держит меня за руку. — Ты планируешь остаться здесь насовсем?

— У меня еще не закончился перерыв, — я ухмыляюсь.

— Да, но ты должна подумать о том, что будет дальше. — Бетти продолжает путь, прижимая мою руку к себе. — Может быть, твоя идея с временным магазинчиком перерастет во что-то большее, и, кстати, здесь есть красивый пекарь. Между вами что-то есть?

— Нет, — отрезаю я уверенным грудным голосом. — А почему ты спрашиваешь?

— Потому что я что-то чувствую.

— Нет, серьезно, между нами ничего нет.

— Совсем-совсем ничего? — Бетти не успокаивается.

— Ну да, — я делаю вдох, — мы немного целовались у него в квартире. Но на этом все.

— И ты говоришь мне об этом только сейчас? — Бетти снова останавливается. — Почему я ничего об этом не знала?

— Потому что из этого ничего не выйдет! — Я вырываюсь из ее руки и иду дальше одна. — Для начала мне нужно разобраться со своей жизнью и вообще со своим браком. Кроме того, Клас на данный момент — мой деловой партнер. Собственно говоря, все очень просто: сейчас мне плевать на всех мужчин. У меня есть дела поважнее, — я на секунду вспоминаю Лив и ее беременность. — Всё, точка.

— Пф-ф! — Бетти догоняет меня. — По тому, как он на тебя смотрит, все становится ясно: он чего-то от тебя хочет. И не после Рождества.

«Ага, — думаю я, — пронзительный взгляд подруги все уловил». На моем лице мелькает легкая улыбка. К счастью, Бетти этого не замечает. Она снова останавливается, очарованная украшенной елкой, которая расположилась у широкого

входа в дом.

— Люнебург — это самый настоящий рождественский город, — слышу я голос Бетти позади. — Здесь все как на картинках детской книжки.

Я оборачиваюсь, взгляд скользит по всем этим красивым фасадам. Сегодня холодно — и дома выглядят особенно мило и привлекательно. Они словно расположены чуть ближе друг к другу.

— Открыть в этом месте рождественскую лавку было гениальной идеей. — Бетти догнала меня и снова взяла под руку.

— Спасибо, — я вздыхаю полной грудью, — теперь осталось только запустить это дело.

Вскоре мы оказываемся на рыночной площади. Пробираемся через множество украшенных гирляндами деревянных киосков, которые установили здесь на днях, проходим мимо оживленных ларьков с глинтвейном, у которых толпятся люди. Видим наш рождественский магазин. Внутри горит свет.

— Смотри, Лив уже там, — я указываю на большую витрину нашего магазина, через которую виднеется силуэт Лив. — Она уже зажгла свечи.

— Работа с Лив идет отлично, не так ли? — вопрос Бетти звучит чисто риторически.

Я все же резко киваю и делаю еще один шаг. Лив взяла с собой на праздник Валери. Они вдвоем уже ждут нас в лавке — что за прекрасная картина!

— Вы с Лив одного поля ягоды. — Бетти старается не отставать от меня. — Я заметила это еще на рынке. Какое совпадение, что вы пересеклись здесь.

Мы пришли.

— Проходите! — Лив распахивает для нас двери.

Нас встречает восхитительная смесь ароматов: еловые веточки, сено, свежий хлеб. Какое наслаждение! Наш рождественский магазин можно не только увидеть, но и понюхать.

— Ого, какой здесь аромат! — Я снимаю пальто. — Мы специально прошлись по рождественской ярмарке. Оттуда наша лавка выглядит действительно прекрасно.

— Нет, — Лив делает шаг назад, — это *ты* выглядишь прекрасно. Что за восхитительное платье! Тебе невероятно идет этот зеленый цвет.

— Думаешь? — я разглаживаю ткань на бедрах.

— Ты очень красивая, — говорит Валери, прильнув к ноге Лив, — как принцесса.

Какая милая малышка! Чтобы порадовать девочку, я кружусь на месте один раз — и юбка платья в форме колокола разлетается. Сегодня я впервые надела платье, которое купила в своем любимом бутике в Люнебурге. Когда я пару дней назад увидела его на витрине, просто не смогла пройти мимо: оно сияло, будто изумруд. Пошив классический, удачная длина до икр, тканевый пояс завязан бантом и подчеркивает талию. Однако настоящая изюминка платья — это его узор «турецкий огурец», который пышно украшает рукава-фонарики и грудь. Он повторяется по подолу юбки, завиваясь розовым, оранжевым, бирюзовым и фиолетовым цветом.

— Фрауке действительно выглядит как принцесса, — говорит теперь Бетти, устроившись рядом с Валери, будто комментатор, — только восточная принцесса. Фрауке, на самом деле *ты* — самое прекрасное украшение в нашем рождественском магазине.

— Ребята, ну прекратите, — я энергично заканчиваю эту тему. — Вы меня смущаете. К тому же нам, помощницам Деда Мороза, уже пора. До прихода гостей надо еще кое-что успеть.

— Окей, тогда делаем все так, как и договаривались: Фрауке, ты встречаешь и приветствуешь

гостей с сидром, Бетти будет подливать напитки, а Валери займется уборкой пустых стаканов, — Лив перечисляет все имена, загибая пальцы. — Я займусь продажей сыра, Клас берет на себя фуршет. Он приведет с собой из пекарни Мерле и Тима — они будут работать за хлебным прилавком и помогут при необходимости. И да, Гуннар тоже придет.

«Ах, интересно, — размышляю я, — “Гуннар тоже придет”». Знаки, которые посылает Лив, становятся всё более очевидными.

Это, пожалуй, последнее, о чем я успеваю подумать за вечер, потому что с этой минуты события набирают полный ход: только я достаю бокалы, как магазин наполняется первыми гостями. Я стараюсь уделить всем внимание: поприветствовать, представить гостей друг другу и предложить напитки. И я очень рада, когда на помощь мне спешит Клас, специально по случаю праздника повязавший мягкий замшевый передник. Он знает почти каждого пришедшего по имени. Они громко приветствуют друг друга, хлопают по плечам и обсуждают нашу рождественскую лавку.

— Думаю, все на месте. С ума сойти, сколько народа, — шепчет он мне, задерживая дыхание. — Я сейчас соберу своих ребят, и мы начнем разно-

сить закуски. Справишься здесь одна?

Я коротко киваю и беру в руки фужер.

— Кстати, хотел сказать, — Клас подходит настолько близко, что его борода щекочет мне ухо, — ты выглядишь сегодня сногсшибательно.

При этом мужчина слегка тянет за бант на тканевом поясе моего платья. Я краем глаза вижу, что Бетти, проходящая мимо с бутылкой, навострила уши. Волей-неволей, но я краснею. Это не ускользает ни от Класа, ни от Лив.

— Господин Рентроп, — я резко поворачиваюсь в сторону, незаметно забираю у Класа из рук свой пояс, бросаюсь к следующему гостю, — как замечательно, что вы пришли. Как же я рада наконец познакомиться с вашей женой!

Обмен рукопожатиями — и едем дальше. Пришли также Зора с джином, пивовар Маттиас, Макс и Карла с огромной миской картофельных чипсов в качестве сувенира, Гуннар, Зёрен, Виллем и мама Класа — госпожа Андерсон. Они все в восторге, очарованно оглядываются вокруг и за одно мгновение создают просто прекрасное настроение. Как же хорошо! Даже госпожа Маллинкродт, которой я, конечно же, выслала пригласительный, не смогла отказаться и приехала.

— Госпожа Зандер, да вы просто мастер на все руки, — вырывается у нее. — *Этого* я действительно не ожидала.

Госпожа Маллинкродт с открытым ртом оглядывается вокруг и растерянно вручает мне букет амариллисов.

— Это очень мило с вашей стороны, — благодарю я женщину. — Какие красивые цветы!

— Можно забрать? — как всегда предусмотрительная Катинка подходит ко мне. — У меня остался большой подсвечник, мы используем его не по назначению — в качестве вазы.

— Ах, Катинка, хорошая идея! — я радуюсь помощи. — Разрешите вам заодно представить госпожу Маллинкродт.

Я уверена, что две жительницы Гамбурга найдут, о чем поговорить. Так оно и есть: не проходит и десяти секунд, как женщины объединяются и теряются в толпе. Отлично, обеих заняли, теперь можно продолжать.

Я энергично оборачиваюсь, ведь уже слышу следующего гостя. Но на этот раз мой рот открывается от изумления. Ведь то, что я вижу перед собой, — не что иное, как мираж.

Точнее: не кто иной, как мой муж.

Табу

— Боже мой, — шок пронизывает тело. — Юстус!

Его имя вырывается у меня из горла, будто хрип. Я не могу поверить, кто передо мной стоит. Часть меня все еще отчаянно надеется, что это оптическая иллюзия, поразительное сходство — и сейчас прозвучит что-то вроде: «Вы, должно быть, обознались, я не Юстус» или «Извините, мы знакомы?»

Но этих фраз не последовало. Вместо этого он произносит лишь:

— Э-э…

Кажется, мое очевидное смятение сбило моего мужа с толку. В таком состоянии я его раньше не видела.

— Я подумал, — голос Юстуса звучит хрипло, — что тебе может понадобиться это.

Он поднимает коробку с вином, которую несет перед собой.

— Моя дорогая Фрауке, когда я прочитал надпись Château Fabuleux, я вспомнил о том, что было раньше. О нас, о нашей поездке в Прованс. Разве это время не было прекрасным? Помнишь, как мы гостили у винодела, сидели на ящиках из-под вина, и я…

— Привет, Юстус. Вот так сюрприз. — Бетти, заметив мое затруднительное положение, приходит на помощь, забирает у меня коробку с вином. — Ну наконец-то! Вот оно, наше вино.

Юстус снова сбит с толку. Кажется, он вообще не ожидал увидеть здесь мою лучшую подругу.

— О, Бетти, привет, да, вот вино. — Он несколько раз покашливает. — У меня его еще много, — мужчина указывает на улицу. — Полный кемпер.

Я смотрю мимо Юстуса и узнаю наш автомобиль, припаркованный наполовину на тротуаре. Наш сине-белый кемпер. Как же давно я его не видела. Несколько лет назад Юстус его законсервировал. Кажется, с тех пор, когда мы разъезжали на нем по Провансу, прошла целая вечность. Когда я вижу наш автомобиль, к глазам подступают слезы. Это последняя капля, которая переполняет чашу.

— Нельзя оставлять машину на тротуаре, — говорит Бетти подчеркнуто прагматично, ставит

коробку с вином на витрину, единственное свободное место. — Пойдем, нам нужно поспешить с выгрузкой товаров, а ты как раз отгонишь автомобиль.

Бетти хватает Юстуса за руку и тянет через дверь на улицу. Слава богу!

— Я могу чем-то помочь? — рядом со мной оказывается Клас и внимательно смотрит на улицу. — А вот и наше вино наконец-то приехало. Вижу, этот тип не сильно торопился.

Клас не успевает договорить, как уже оказывается рядом с кемпером и забирает у Юстуса следующий ящик с вином. Эта сцена добивает меня окончательно.

— Ну что, принцесса, — Бетти возвращается с нагруженными руками, — что будем теперь делать с двумя принцами, которые к тебе прибились?

Я закрываю глаза для тихой молитвы: «Господи, разверзни землю передо мной, чтобы я смогла сквозь нее провалиться. Прошу, дай мне хоть какое-нибудь убежище, где я смогу спрятаться до конца вечера. Молю!»

Я оглядываюсь, не нахожу никакой дыры, где можно было бы спрятаться, но зато вижу наш фургон. Перед Лив уже выстроилась целая очередь

— вот оно, решение! Решение называется «Куча работы и ни минуты времени на все остальное».

— Выглядишь так, — говорю я через три секунды, протискиваясь через крошечную боковую дверь, — будто тебе нужна помощь.

Лив одаривает меня благодарным взглядом и шепчет мне на ухо:

— Наши конфеты из козьего сыра идут нарасхват!

Мое израненное сердце на секунду замирает. Это именно те слова, которые были мне нужны.

— Так, а это чей заказ?

Можно продолжать. Я хватаю чистый белый фартук, повязываю его и убегаю.

И моя стратегия работает: ведь если я не заглядываю вперед больше, чем на метр, то в мире царит полный порядок. В лавке полно покупателей, кругом радостные гости, а наши новые творения вызывают большой интерес. Но стоит мне посмотреть дальше, как мне становится дурно.

После того как Юстус с Класом вместе разгрузили вино, а мой муж заново припарковал машину, оба начали разговор. Я краем глаза слежу за мужчинами, и с каждой минутой их лица становятся все более мрачными. Теперь глаза Юстуса

сужаются до маленьких щелочек — я знаю этот взгляд, он не предвещает ничего хорошего. Клас расправляет плечи — и в этот момент даже Лив что-то чувствует.

— Кто этот тип в ярко-зеленой куртке?

— Это мой муж, — отвечаю я глухим голосом.

— Что? — голос Лив вдруг звучит резко. — Ну, тогда все ясно, — она насмешливо опускает уголок губ. — Они с Класом ведут себя точь-в-точь, как наши козлы, когда их весной выпускают на пастбище. Везде сплошные мачо!

Гуннар подходит к нашему фургону и становится рядом с нами.

— Там что-то назревает, — мужчина большим пальцем показывает в сторону улицы. — Мне стоит вмешаться?

Мы не отвечаем, потому что Клас в этот момент снимает фартук, а точнее срывает его, швыряет на ящики с вином на витрине и с покрасневшим от гнева лицом уходит. Финал.

— Я же говорила, — Лив качает головой. — Прямо как наши козлы.

Я задерживаю дыхание, а вот Лив эта сцена, кажется, не особо потрясла. И наших гостей тоже. Пара-тройка человек обернулись, когда Клас уходил, но вскоре все вновь погрузились в беседу.

В Люнебурге все знают друг друга — и темперамент Класа, видимо, тоже.

Теперь Юстус стоит там довольно одинокий. Я украдкой наблюдаю за ним, пока ищу подарочную упаковку для сыра из баррика: похоже, теперь он носит свою дорогущую функциональную одежду и в обычной жизни. В своем ярком образе Юстус создает впечатление, будто хочет сегодня вечером еще успеть покорить вершину высотой минимум шесть тысяч метров. Я осторожно изучаю его выражения лица, которое приобрело слегка пренебрежительный оттенок. Юстус оценивающе смотрит на меня. Его взгляд скользит по рождественской лавке, и я прекрасно знаю, что он не упустит из вида ни единой детали. И в этот момент у Юстуса в уме уже складывается сумма в евро.

Я чувствую спазм в животе и наклоняюсь вперед, прижимая к животу руку. Мне так больно видеть, как магазин, в который мы вложили всю душу, теперь становится предметом его расчетов. К счастью, его прерывает Бетти. С двумя фужерами сидра и в подчеркнуто хорошем настроении, она подходит к Юстусу, на что тот лишь отмахивается обеими руками. Видимо, он все еще не пьет алкоголь. Бетти и Юстус обмениваются

парой фраз, а потом Юстус разворачивается — и исчезает. Наконец-то. Я с тихим свистом выпрямляюсь. Воздух, который накопился во мне, пока я задерживала дыхание, вырывается из меня, будто из надутого шарика.

— Вот, у меня еще остался один бокал, — Бетти пользуется моментом, пока нет покупателей, и протягивает мне через прилавок сидр. — Мы ведь еще даже не чокались.

Я вдруг замечаю, что это действительно так. А еще я уже несколько часов ничего не пила.

— Лив, принести тебе бокал?

— Не стоит, я за рулем. — Женщина подмигивает мне, а потом хватает свою термокружку. — К тому же я взяла с собой чай.

— Ну что, мои дорогие, за ваше здоровье! — Бетти поднимает бокал. — За вас и за ваш успех!

Прохладная шипучая жидкость, стекающая по горлу, приносит облегчение. Потом моя подруга опирается предплечьями о прилавок и хмурится.

— Юстус рассказал, что отправился в путь сразу же, как только увидел в накладной адрес в Люнебурге. Он забрал свой кемпер из гаража, набил его вещами и поехал сюда. Можно думать о нем что угодно, — Бетти делает глоток, — но, как по мне, его поступок похож на признание в любви.

Ты так не считаешь?

Я предпочитаю промолчать. Мне и не нужно ничего говорить, потому что Бетти уже продолжает:

— Думаю, он представлял свое появление здесь, как бы это сказать, *романтичным*. Может быть, думал, что это станет началом нового.

Мне резко становится плохо. Чертовски плохо.

— Но теперь, когда он познакомился с Класом и узнал о лавке… Ну да, как ты там недавно красиво выразилась: «…сейчас мне плевать на всех мужчин»? Думаю, теперь у тебя с этим проблем не будет.

Перина

— Госпожа Андерсон! — я хватаю ртом воздух. — Я испугалась!

— Я тоже, — госпожа Андерсон хлопает себя одной рукой по груди. — Хотела постучать, а вы прямо в этот момент распахнули дверь.

И тут мы обе не можем удержаться от смеха.

— Вижу, вы собираетесь уходить. Мне повезло, что я застала вас дома.

— Не хотите зайти? — я пошире распахиваю дверь в свое гнездышко.

— Нет-нет, — женщина отказывается, — я пришла из-за одной мелочи. Мой сын попросил кое-что передать вам.

— Вот оно что, — я настораживаюсь.

С момента торжественного открытия нашей рождественской лавки я ничего не слышала о Класе. А прошло уже две недели.

— В понедельник, в час дня, Класу нужно будет приехать в вашу квартиру вместе с кровельщи-

ком. Он говорит, что попасть на крышу можно только через террасу вашей квартиры. Там, наверху, возникла какая-то проблема.

Почему Клас не сказал мне об этом лично? Он знает мой номер телефона. Знает, где меня можно найти каждый день. Неужели действительно нужно было отправлять ко мне для этого свою мать?

— В час дня я всегда в рождественской лавке, — размышляю я вслух, — в полдень у нас очень много покупателей. У нас уже есть парочка завсегдатаев, которые в это время приходят за своими сэндвичами. У меня не получится отлучиться.

— Ах вот как. Да, если это так, то мне нужно еще раз поговорить с сыном.

— Нет, не нужно, — признаюсь я и вспоминаю, что всегда терпеть не могла игру «испорченный телефон». — Вашему сыну нужно просто взять и прийти ко мне в квартиру, у него наверняка есть второй ключ.

— Ну, если это не помешает вам…

— …не помешает, — я нарочито приветливо улыбаюсь.

— Хорошо, тогда все в порядке, спасибо, — госпожа Андерсон нащупывает перила лестницы. — Я хотела еще кое-что сказать. Я очень рада, что ва-

ше дело идет в гору. Мой сын вчера рассказывал об этом.

— Да? Правда?

— Да, он был в полном восторге. Честно говоря, — добавляет госпожа Андерсон осторожно, — сначала мне эта идея не очень нравилась. Я думала: какой смысл вообще открывать магазин всего на месяц? Но то, что вы сделали из этого, госпожа Зандер… Браво, это действительно впечатляет!

— Спасибо, госпожа Андерсон!

Я тронута до глубины души. Хотя мать Класа и чересчур заботливая, но милая. Даже не верится, что они с Класом родственники.

— Так, а теперь мне пора идти. — Я хватаю свою сумку через плечо и закрываю за собой дверь в квартиру. — Мне нужно на ферму, а я не хочу ехать в темноте.

— Ох, да, тогда вам нужно поторопиться.

Мы вместе спускаемся по лестнице, прощаемся, как тут я вспоминаю еще кое-что.

— Ах, госпожа Андерсон, когда начнут перестраивать дом?

— Сразу после Рождества. Мой сын ничего не рассказывал вам об этом? Он ведь наконец получил свое разрешение на строительство.

— Да, — вру я, чтобы не впутывать госпожу Андерсон в нашу с Класом ссору, — он упоминал что-то подобное.

Итак, все начнется сразу после Рождества. Мои дни здесь действительно сочтены. Я действительно никогда не любила игру «испорченный телефон».

Госпожа Андерсон исчезает в соседнем доме, и вскоре я вижу, как у нее на кухне загорается лампа. Когда я смотрю на ее освещенные окна, мне вдруг становится не по себе. Я чувствую себя на «нашей» улице так по-домашнему, расставаться будет тяжело. Прежде всего, потому, что я до сих пор не знаю, как все сложится и где я окажусь дальше.

Я отпираю замок велосипеда, засовываю сумку в багажник и запрыгиваю на сиденье. Свежий воздух, который будет дуть мне навстречу до самой фермы, пойдет мне на пользу. Сегодня после обеда я свободна, впервые за… Даже не спрашивайте, за сколько. Одна из помощниц Лив, которая часто помогает нам с продажей, сегодня на пару часов заменит меня в лавке. Последние недели выдались более чем насыщенными, и все последующие недели до Рождественского сочельника будут такими же. Наш магазинчик

имел огромный успех в Люнебурге, и мы работаем не разгибая спины. Несмотря на это, с тех пор как в Люнебург заявился Юстус, я ничего не слышала от Класа. К слову, от самого Юстуса тоже. Работу за хлебным прилавком взяли на себя Тим и Мерле, сотрудники Класа, которые помогали нам во время торжественного открытия. Все получилось просто идеально — и в конечном счете вполне устраивало меня. Ведь у меня были дела поважнее, чем переживать о мужском настроении. Меня гораздо больше волновал успех нашей рождественской лавки: от него зависело, что будет дальше с фермой Лобекхоф. С тех пор как мы открыли магазин, поняли: наша идея о дальнейшей разработке базовых продуктов — их усовершенствование, комбинирование, улучшение внешнего вида — приносит свои плоды. И эта идея за последние недели подарила столько положительных отзывов, что нам стало совершенно ясно: у лавки Лобекхоф в Люнебурге есть реальные шансы на успех, в том числе и после завершения работы временного магазина.

Этот успех стал для меня бесконечно увлекательным, мотивирующим и важным делом — намного более значимым, чем вопрос, что будет дальше с моей личной жизнью. Потому

что в тот момент, когда перед нашей лавкой появился светло-синий кемпер, я поняла: между нами с Юстусом когда-то была магия. Но что от нее осталось? И не окажусь ли я через пару лет с другим мужчиной, например с Класом, в похожей ситуации? Возможно, эти двое имеют куда больше сходств, чем я думала: один занимается недвижимостью, другой — инвестициями.

— Все одно и то же, — бормочу я про себя и скатываюсь с небольшого холма. — Типичные замашки мачо.

Как бы мне ни было жаль расставаться с моим гнездышком, хорошо, что скоро начнется что-то новое. Ведь, если присмотреться, моя жизнь — у Класа — в Люнебурге мало чем отличается от жизни у Юстуса, во Франкфурте. Я живу *у* мужчины. Я больше не хочу такого расклада, такой зависимости. Мне хочется чего-то своего. И в личной жизни, и в профессии. Концепция деления лавки на двоих сначала была то что надо, но теперь мне нужно решиться на следующий шаг. Иначе в один прекрасный день я буду стоять в этой лавке так же, как когда-то стояла с Юстусом в «Ламберти». В тот день, когда я оставляла ресторан, я оставляла вместе с ним все то, что выстраивала *годами*. Я больше не допущу такую

ошибку. Точно не допущу.

Я энергично кручу педали и вижу, что уже подъезжаю к ферме. Убранные кукурузные поля остались позади меня, теперь нужно пересечь лес. Лив наверняка уже ждет меня. Она попросила меня сегодня вечером присмотреть за Валери и переночевать с ней. Я решила оставить при себе небольшой комментарий, который в тот момент готов был сорваться с языка. Но выводы я сделала. Я с радостью помогу Лив, тем более за последние недели я еще больше привязалась к Валери. Я с нетерпением жду, когда смогу провести с ней время.

Интересно, а Валери уже известно, что в следующем году у нее появится братик или сестричка? Возможно, даже сестра? Конечно, я ничего ей не расскажу, но мне бы очень хотелось увидеть ее лицо, когда она узнает об этом. Заветное желание, которое было у меня в детстве, исполнится как минимум для Валери. Я сглатываю. Как же сильно я раньше мечтала о сестре, об еще одной частичке семьи. Как же сильно… Я вдруг чувствую ком в горле. Хорошо, что скоро я окажусь на ферме.

Когда мой велосипед грохочет по неровной булыжной мостовой перед домом, я вижу, что уже

стемнело. Лив украсила большие кусты самшита возле входа в дом гирляндами. Они радушно встречают меня своим светом. Я прислоняю велосипед к ближайшему дереву и слышу, как открывается дверь.

— Наконец-то ты приехала, — Валери выглядывает через щель. — Белла и Люси уже заждались тебя.

— Вот оно что! Тогда передай им, что я совсем скоро приду. — Я защелкиваю велосипедный замок и бегу к двери.

— Они ведь и сами это видят, — возражает Валери, и до меня доходит, что Белла и Люси — это две игрушечные лошадки, которых малышка держит под мышкой.

Я приветствую всех троих, а потом следую за скачущей впереди Валери на кухню.

— Привет, Фрауке! — Лив стоит у раковины и вытирает большую миску. — Вот это я называю идеальной синхронизацией! Я как раз закончила с уборкой.

— Ты выглядишь сегодня так мило, — я обнимаю женщину в знак приветствия.

В честь этого дня Лив сменила свои поношенные джинсы на короткое темно-красное платье из тонкого вельвета. Она надела шерстяные кол-

готки и ботинки на шнуровке до середины икры. Волосы распущены. Словно блестящая медь, они спадают на плечи.

— А для этого перевоплощения, — я делаю круг рукой, словно фокусник, — есть какой-то особый повод?

Лив кивает — и на ее лице виднеется предвкушение радости.

— А имя этого особого повода случайно не начинается на букву «Г»? — осмеливаюсь я на еще один вопрос.

— Возможно, — Лив открывает дверцу шкафа и ставит туда миску, — но большего сказать не могу.

— Что сказать? — Валери включается в разговор, а ее мама резко меняет тему.

— Ты правда приехала на велосипеде? На улице ведь уже темно.

— Да, мне пришлось задержаться, — рассказываю я, параллельно снимаю парку и кладу ее рядом со своей сумкой на кухонную скамью. — Госпожа Андерсон передала мне весточку от Класа.

— А это звучит любопытно, — Лив в ожидании облокачивается локтями о спинку стула. — И что ему нужно?

— Что-то с крышей в доме, ничего важного, — отмахиваюсь я. — Но я узнала, что Клас получил разрешение на строительство, которое начнется сразу после Рождества, — я обеими руками провожу по лицу. — Наверное, в глубине души я надеялась, что весь этот процесс еще немного затянется. Мне ведь в январе снова нужно возвращаться в Гамбург, в судоходную компанию.

Лив отталкивается от спинки стула.

— В общем, пока ты не оказалась на улице, перебирайся к нам…

— Ура! Да! — Валери начинает подпрыгивать.

— …наша старая квартира для отдыха свободна. Возможно, она не такая симпатичная, как твоя квартира у Класа, но на пару недель этого точно хватит.

Сейчас я действительно ошарашена. Такая возможность даже не приходила мне в голову.

— Подумай об этом как-нибудь, — Лив тактично дает задний ход; видимо, я выгляжу сбитой с толку, и она не хочет давить на меня. — В любом случае сегодня ты ночуешь здесь, внизу. Смотри, мы подготовили для тебя в гостиной диван. — Женщина проходит в соседнюю комнату. — На этом диване я иногда могу подремать, он кажется мне уютным. Как думаешь, тебе подойдет?

— Конечно!

Я заглядываю в комнату через приоткрытую дверь, бросаю взгляд на аккуратно застеленную перину и думаю, что на одну ночь этого точно хватит.

— Твой багаж такой легкий. Ты больше ничего не взяла с собой? — Валери следует за нами, несет перед собой в руках мою сумку и кладет ее возле дивана.

— Нет, в сумку поместились пижама, косметичка и кое-что из белья, — отвечаю я девочке, — а мне понадобится что-то еще?

— Да нет, — малышка пожимает плечами. — А если и понадобится, мы тебе одолжим. Я с подружками всегда так делаю.

— Верно, — Лив кладет руку мне на плечо. — Пожалуйста, бери все, что нужно. Это так мило с твоей стороны, что ты сегодня сможешь присмотреть за этой крошкой. Спасибо тебе!

— Не за что, — я подмигиваю Валери. — Мы отлично проведем этот вечер.

Валери быстро кивает и убегает обратно на кухню.

— Мы приготовили кое-что вкусное на ужин! — кричит девочка оттуда. — Смотри!

Я следую за Валери на кухню и через ее макуш-

ку заглядываю в открытый холодильник.

— С голоду мы точно не умрем.

Рядом с парочкой хорошо знакомых мне кусков сыра я узнаю миску картофельного салата, банку маринованных огурцов, чашечку творожной пасты с зеленью и деревянную дощечку, на которой разложена приготовленная Зёреном домашняя салями из мяса степных овец.

— Мне очень интересно, что ты скажешь насчет творожной пасты с зеленью. Это новый рецепт, я сегодня попробовала его впервые. Мог бы даже подойти для нашего магазина, — бросает Лив, приближаясь к нам сзади. — Я уже положила на стол хлеб и масло. Там еще стоит бутылка красного вина — надеюсь, тебе понравится.

После этих слов Лив наклоняется к каминной печи, открывает стеклянную дверцу и ловкими движениями забрасывает туда два полена.

— Так, этого пока должно хватить. Если вы не против, — Лив снова выпрямляется, — то я уже пойду. Завтра рано утром, когда надо будет начинать работу в хлеву, я уже буду на месте.

Вскоре я слышу, как машина Лив выезжает со двора и катится по булыжной мостовой. Валери между тем уже начала накрывать на стол. Кажется, малышка занимается этим часто: она

самостоятельно достает и ставит на стол приборы, тарелки и стаканы.

— В честь этого дня, — говорю я Валери, — мы с тобой устроимся поуютнее.

В корзине с дровами я нахожу коробочку со спичками. Достаю одну, зажигаю свечи на рождественском венке, который заполняет середину большого обеденного стола. Горят три свечи, совсем скоро Рождество.

— Валери, а ты уже написала список подарков, которые хочешь получить от младенца Иисуса[15]? — Я задуваю спичку. — Я всегда так делала, когда была маленькой. Свой список я вечером клала на подоконник, а наутро его там уже не было. Младенец Иисус пролетал ночью мимо и забирал его.

— Но я ведь пока не умею писать, — на меня тут же уставились два испуганных глаза.

Ой-ой, я совсем не подумала, что малышка только в этом году пошла в школу.

— Ничего страшного, — импровизирую я, — тогда ты просто нарисуешь подарки, которые хотела бы получить. Младенец Иисус поймет.

Кажется, мой ответ убедил Валери. Во всяком

---

[15] Примечания: 15

Младенец Иисус — традиционный персонаж, приносящий подарки детям на Рождество в некоторых регионах Германии.

случае, она хочет начать составлять список желаний сразу после ужина. Уже сейчас, поедая картофельный салат и творожную пасту с зеленью, малышка выдумывает себе самые удивительные подарки. Среди них — маленькая сестренка. Едва мы успеваем поужинать и убрать со стола, как Валери убегает в поисках своих принадлежностей для рисования.

— Ты тоже должна составить список подарков, — предлагает Валери, пока я раскладываю на кухонном столе ее принадлежности.

— Неплохая идея, — соглашаюсь я, наливая себе в бокал немного вина. — В этом году у меня очень много желаний. Боюсь, младенец Иисус вынужден будет работать сверхурочно.

Довольная Валери вырывает из альбома лист и кладет его на стол. Я подвигаю к себе лист, беру красивый красный карандаш и пишу прописными буквами: «Список желаний Фрауке». И приступаю к делу:

Я хочу:

1. Собственный магазин деликатесов вместе с Лив в Люнебурге.

2. Более широкий, но по-прежнему отборный ассортимент из местных продуктов (салями из мяса степных овец, сидр от Гуннара, джин из

можжевельника…).

3. Небольшую квартиру только для меня одной.

4. Жизнь в деревне, чувство сопричастности, единомышленников, свое гнездышко.

На мой взгляд

Луна невероятно ярко светит в мое окно. Но меня разбудил не свет — меня разбудил совенок. «Уху-уху-хухухухуу» — снова разносится по всему двору. Птица сидит совсем рядом, в одном из старых деревьев. Как же громко может кричать одна-единственная сова, когда ночью царит бесконечная тишина. Я поднимаюсь с дивана и закрываю окно. Какая неприятность! О сне я могу сразу забыть, потому что чувствую себя очень бодрой.

Я немного нерешительно хватаю телефон: 6:15. Слишком рано для утра воскресенья. Я снова слышу крик совы и, чтобы отвлечься, гуглю два слова: «совы» и «верные». Первая же ссылка оказывается подходящей:

Совы — моногамные птицы, которые образуют пары на всю жизнь и остаются верными друг другу. Их протяжный крик

можно услышать прежде всего осенью и зимой: в это время птицы токуют и помечают свою территорию.

Ага, на улице кто-то подыскивает себе жену. Вот и разрешился вопрос, действительно ли совы остаются верны друг другу. Сегодня вечером я рассказывала Валери сказку на ночь о двух совятах, которые вместе отправились в приключение, потом вернулись в уютное гнездо и навсегда остались жить вместе. «И всегда, “Уху-уху-хухухухуу, то лишь для того, чтобы сказать друг другу: “Я рядом, я всегда рядом с тобой».

Я рассказывала эту историю точно так же, как рассказывала ее мне когда-то мама. Я все еще слышу ее голос, мелодию ее слов.

Но сейчас не время для сентиментальностей. Я собираюсь с силами, беру телефон и иду на кухню, чтобы выпить воды. Мой стакан по-прежнему стоит на столе, я наливаю в него воду, еще раз бросаю взгляд на свой список желаний — и останавливаюсь на последнем пункте.

— «Жизнь в деревне, чувство сопричастности, единомышленников, свое гнездышко», — читаю я сама себе вслух.

«Да, — размышляю я, — все верно. Всё. Но что

именно я ищу?» В голову приходит слово «семья». Или лучше: «Родные души». Что я ищу — мужчину, отношения? Возможно. Но я уже не уверена в этом так, как раньше. Я закрываю глаза и прислушиваюсь к тому, что происходит внутри и чего мне не хватает.

И вдруг я понимаю. Беру цветной карандаш, на этот раз фиолетовый, и дописываю еще один пункт, последний:

5. Дом.

Это именно то, что я ищу. Дом. Так просто и одновременно так важно. Фух. Я опираюсь обеими руками о столешницу, перечитываю список с самого сначала. Пункт за пунктом. Потом отталкиваюсь от стола и выпрямляю спину — на диване Лив она немного затекла.

Если это действительно мои собственные желания, тогда мне нужно начать претворять их в жизнь. Ведь рождественские герои и принцы на белых конях — штука слишком уж ненадежная. А раз уж я проснулась, то надо что-то делать.

— Тогда вперед!

Я опускаю телефон на угловую скамью, открываю браузер в интернете, а потом — портал недвижимости.

Первое, что мне нужно для счастья, — это новая

квартира. Посмотрим, что предлагает рынок недвижимости в Люнебурге. Но уже через пару минут поисков я откладываю телефон. Все объявления, все фото, которые я открываю, кажутся мне ужасными и угнетают меня. Или, может быть, это все из-за того, что сейчас ночь? Может быть, днем все будет выглядеть намного приятнее? Без понятия. В любом случае во мне все сжимается при мысли о том, что мне придется поселиться в одной из этих безымянных лачуг. Так дело не пойдет.

Телефон с раздражительным грохотом падает на столешницу. Я в ужасе поднимаю взгляд. А если я разбудила Валери? Кажется, был какой-то шум? Я прислушиваюсь к тишине квартиры. Нет, все хорошо, малышка крепко спит.

Отлично. Потому что, если это так, то я не потревожу ее, если ненадолго схожу в разведку. Я надеваю на босые ноги тапочки Лив, которые стоят у двери. Каменные плиты в этом старом доме довольно холодные. Затем я незаметно выхожу из квартиры в вестибюль дома. Оттуда поднимаюсь по лестнице на длинный балкон. Каждый шаг делаю осторожно, потому что лестница скрипит.

Оказавшись наверху, я нащупываю выключатель света, нахожу его — и загорается бра. Я

осматриваюсь по сторонам, здесь есть три тяжелые деревянные двери: я точно помню, что левая ведет в нашу старую квартиру для отдыха. Нажимаю на ручку двери, она не заперта. Захожу, включаю свет — и застываю от удивления.

Ничего не изменилось. Все как прежде: вешалка для одежды из кованого железа, полка для обуви. Только часы на стене остановились. Я осторожно ступаю в небольшую прихожую и распахиваю дверь напротив. Если меня не обманывает память, эта дверь ведет… Да, она ведет на кухню: передо мной открывается интерьер — мечта любого из восьмидесятых. Встроенный кухонный гарнитур горчичного цвета, который я сразу же узнаю, выглядит в стиле ретро: широкие ручки-выемки на дверцах, типичная мойка из нержавейки, кухонный фартук из коричневой плитки. Этот узор я до сих пор отчетливо помню. Лив права: здесь действительно нужен ремонт. Но — я открываю кран с водой — кухня работает. И она — я заглядываю в духовку — идеально чистая.

Я иду дальше, бегу по своим ожившим воспоминаниям: сначала в гостиную с кожаным гарнитуром, потом в обе спальни. Интересно, какого размера эта квартира? Семьдесят квад-

ратных метров? Или даже восемьдесят? В любом случае места достаточно. И во всем есть потенциал: здесь есть камин, потертый дощатый пол можно обновить, а старые деревянные двери просто прекрасны.

Возможно — я возвращаюсь бегом на маленькую кухню — стену, которая ведет в гостиную, можно было бы демонтировать: тогда в нее попадало бы больше света. А ванную — я открываю узкую дверь в прихожей — нужно все равно переделывать. Но тогда — я оборачиваюсь вокруг своей оси — квартира бы просто идеально подошла мне, то есть подошла бы навсегда. Я возвращаюсь в гостиную, опираюсь руками об узкий подоконник и смотрю в окно на освещенный луной двор, на Лобекхоф, на могучие деревья в саду.

Неужели это действительно реально? Я на ферме Лобекхоф, жизнь на Люнебургской пустоши? Здесь, с Лив и ее детьми? Мы откроем наш собственный магазин деликатесов и будем изобретать для наших покупателей все новые и новые продукты? Может ли это стать правдой? Может быть, это был бы тот самый дом, которого мне так не хватает?

Мысль об этом трогает меня, я сглатываю — и

беру себя в руки. Потому что сейчас мне нужно сохранить трезвую голову. Новый магазин и ремонт квартиры влетят в копеечку. Я прикидываю в уме, какая прибыль останется от рождественской лавки, и прибавляю ее к оставшимся деньгам на своем сберегательном счету. Сумма, которая выходит, и близко не покроет расходы. Конечно, я могла бы взять кредит, по крайней мере для магазина. На мой взгляд, нам обязательно нужно открыть его — все-таки в качестве рекомендации у нас теперь есть успех рождественской лавки. Но что мне делать с квартирой? Где взять деньги? Теоретически Лив могла бы отремонтировать квартиру и сдавать ее мне, это могло бы даже быть выгодно для нее за счет более высокой арендной платы. Но если я правильно поняла Виллема, у нее у самой денег в обрез.

Мое тело пробирает дрожь. Бррр. Я так погрузилась в свои мысли, что даже не заметила, как же наверху холодно. Эти помещения, в которых никто не живет, явно не отапливаются. Я растираю плечи, которые покрывает только легкая пижама. Пора возвращаться в теплую кухню Лив, там лучше соображается.

Я бросаю последний взгляд на комнаты, выключаю свет и закрываю за собой дверь квартиры. И

когда я снова оказываюсь на длинном балконе, я вижу ее: она висит прямо напротив, в поле зрения, которое открывается только сейчас. Сюжет мне неизвестен. Но известно все остальное: мазки кисти, которые танцуют на холсте так легко, будто кто-то взбил подушку — и перья закружились в воздухе. В этом есть что-то импрессионистское, но цвета слишком насыщенные, слишком барочные.

На стене напротив висит картина моего отца.

Ужасно холодно

Моя дорогая Мари, ты знаешь то место, где я влюбился. Береги его.

Лето, 1986 год

Под посвящением на обороте — его подпись. Она безошибочно узнаваема. Он написал эту картину летом, когда умер.

Я снова переворачиваю холст. Он небольшой, его можно легко снять и отнести вниз, на кухню Лив. Мой взгляд снова скользит по танцующим вразнобой мазкам кисти, изображающим старый сарай — место, где отца нашли без сознания более тридцати лет назад. Это именно то место.

Я отодвигаю от себя картину на середину стола. Все в этой картине очевидно. Даже это — сентиментальное — посвящение. Ведь мою мать звали не Мари. Но кто она — женщина, в которую влюбился мой отец?

Во рту появляется неприятный пресный привкус. Я знаю этот вкус, обычно я чувствую подоб-

ное, когда меня тошнит. К тому же мне все еще холодно. Ужасно холодно.

Я делаю большой глоток воды и поворачиваюсь к печи. За стеклянной дверцей тлеет маленький уголек. Я отхожу от обеденного стола, достаю из корзины пару небольших поленьев, которые легко загораются, и кладу их на тлеющие угли. Если повезет, печь скоро снова загорится. Я иду в гостиную, снимаю пижаму, одеваюсь. Расстилаю постельное белье и слышу, как на улице кричит совенок. Ну и что, подумаешь!

— Совы — самые верные птицы на всем белом свете, — повторяю я слова мамы.

«Ваша верность была всего лишь шуткой, — так и хочется мне крикнуть ей. — Твой муж тебя обманывал. И меня тоже». Меня охватывает злость. «Что бы он сделал с нами, если бы не умер тем летом, — продолжаю я диалог со своей матерью, — кого бы он выбрал? Нас или ту, другую? Мари».

Я не могу выкинуть это имя из головы, даже когда собираю сумку и когда возвращаюсь на кухню, чтобы снова уставиться на картину отца. И это значит — уставиться в неизвестность. Неизвестную жизнь моего отца. Мари, Мари, Мари.

Я вспоминаю длинный коридор в нашем пент-

хаусе, все те картины, с которыми я чувствую такую сильную связь, которые сопровождают меня уже так долго. Моя святыня. Но одного фрагмента пазла не хватало всегда: холста, который мой отец взял с собой в старый сарай летом 1986 года и который так и не был найден. Теперь я знаю, где он был все эти годы: на ферме Лобекхоф. Но кто его сюда принес? Мари? Да кто это, черт возьми, такая?

Дрова в печи на кухне начали гореть. Я поднимаю глаза, смотрю на языки пламени, теряюсь в мыслях, чувствах, воспоминаниях. Я упиваюсь ими и отдаю себя этому упоению. Спустя, по ощущениям, вечность яркое пламя гаснет, и я замечаю, что стало светлее. Я выглядываю во двор. Наступает раннее утро.

Хорошо. Хорошо, что эта ночь подходит к концу. Я хватаю свою парку, достаю шапку из бокового кармана, надеваю все на себя и выхожу на улицу. Меня встречают холод, воздух. Я иду назад, в сад. Отсюда видно окно в детскую комнату Валери. Я замечу в любом случае, если там что-то произойдет.

Пока я понимаю только, что я не одна. Клуни, кот Лив, бродит по клумбам. Заметив меня, он меняет направление и ускоряет шаг.

— Ну что, разбойник, — приветствую я кота, когда тот начинает тереться о мои ноги.

Я наклоняюсь к зверьку, скольжу рукой по его бархатной шерсти. Выпрямляюсь — и замечаю, что в саду стало еще больше жизни: Виллем выходит из своего вагончика на краю сада, поднимает руку и кричит:

— Привет! А ты ранняя пташка!

От этой радостной интонации мне становится больно. Мне совсем не весело.

Выражение лица мужчины тут же меняется.

— Фрауке, у тебя все в порядке? — Виллем подбегает ко мне почти так же быстро, как Клуни, и осторожно кладет руку мне на плечо.

— Ах, Виллем, — это все, что я могу сказать.

Затем мужчина обнимает меня (наверняка я выгляжу просто ужасно) и крепко прижимает к себе. Как же хорошо!

— Лучше? — спрашивает он, когда я вскоре отстраняюсь от него.

Я киваю.

— Кто такая Мари? — спрашиваю я совершенно неожиданно.

— Маму Лив зовут Мари, — мужчина изучает меня внимательным взглядом.

Из моей груди вырывается стон:

— Я так и думала. А когда Лив родилась?

— Дай-ка припомнить, — Виллем хмурится. — Должно быть, в 1987-м, в мае. — Мужчина снова задумывается. — Да, все верно, в этом году Лив исполнилось тридцать два.

Я прикидываю в голове цифры.

— Значит, это правда, — бормочу я.

— О чем ты, Фрауке? Что правда?

— Это правда, что Лив — моя сестра. У моего покойного отца был роман с ее матерью.

Вот и всё. Правда всплыла, теперь это ни для кого не секрет.

— Пойдем, — Виллем осторожно берет меня за руку. — Посидим в моем вагончике, и ты расскажешь мне все. На улице слишком холодно.

Так мы и делаем. Я сижу на корточках у крошечного складного столика и рассказываю Виллему все без прикрас. Всю эту жалкую историю. Я заканчиваю свой рассказ — и идеальный образ моего отца, моей святыни, рассыпается. Вот так просто.

А Виллем? Он просто сидит, внимательно слушает и доброжелательно смотрит на меня. С этим доброжелательным лицом, в которое я смотрю, я могу поделиться всем своим горем, пока слова не закончатся. На некоторое время становится так

тихо, что я слышу, как в соседнем хлеву блеют козы. После этой паузы Виллем кладет руку мне на предплечье.

— Дорогая Фрауке, мне ужасно хочется рассказать тебе кое-что о моих пчелах, — начинает он и смотрит на меня вопросительным взглядом. — Можно?

«Вообще, — размышляю я, — у меня нет на это настроения». Но Виллем смотрит на меня ужасно милым взглядом — и я коротко киваю.

— Время от времени происходит так, что в улье появляется новая королева. Прежняя королева вместе с роем преданных ей пчел ищет себе другое пристанище. Она образует новый рой — и тогда случается кое-что чудесное, о чем я и хочу тебе рассказать, — Виллем ободряюще улыбается.

— Помнишь, как я рассказывал тебе о карьерной лестнице пчел? О тех определенных задачах, которые медоносные пчелы выполняют в течение жизни? Пчелы, которые образуют вместе с королевой новый рой, попадают в своего рода источник вечной молодости. Они вдруг вспоминают о задачах, которые выполняли в самом начале карьеры. Таким образом, из «солдата» пчела снова может превратиться в того, кто уха-

живает за расплодом. В любом другом случае это было бы просто невозможно. К тому же способность к обучению возрастает. Знаешь, Фрауке, жизнь медоносных пчел не очень длинная. Обычно они живут от тридцати до шестидесяти дней. Но если они основывают новую семью, их жизнь значительно продлевается. Это происходит потому, что теперь нужна каждая пчела. Каждая до единой. Жизнь никогда не заканчивается. Эта жизнь нуждается и в тебе тоже, Фрауке. Оставь прошлое и начни что-то новое. Лив нуждается в тебе. Начните что-то новое вместе.

В этот момент по моим щекам катятся слезы. Я опираюсь локтями о низкий складной столик, прячу лицо в ладонях и плачу навзрыд. Рука Виллема спокойно лежит у меня на спине до тех пор, пока мое дыхание не выравнивается и я медленно не прихожу в себя.

— Слышишь? — мужчина подбородком указывает на улицу, откуда раздается шум приближающегося автомобиля. — Лив возвращается. Козы голодные и хотят, чтобы их подоили. Иди к Лив, отправляйтесь вместе с ней в хлев. Животные всегда помогают — и работа в хлеву, кстати, тоже. А потом поговорите друг с другом.

Я еще раз громко всхлипываю и вытираю сле-

зы.

— Виллем, я…

— Нет, ничего не говори сейчас, иди к Лив. Твоя сестра наверняка уже ищет тебя, — подбадривает меня мужчина.

И в этот момент в моей голове что-то взрывается: «Моя сестра?» На лице мелькает улыбка.

Моя сестра.

С шумом

— Госпожа Андерсон, если вы толкнете посильнее, то картина сразу поместится.

Я сажусь на колени на водительском сиденье и тяну на себя «Чертов мост», пока госпожа Андерсон подталкивает картину снаружи.

— Все, хватит!

Я сползаю с сиденья, вылезаю из машины, захлопываю водительскую дверь и багажник.

— Спасибо, что помогли мне с картиной. Теперь у меня в машине действительно есть все.

— Не стоит благодарностей. Намного сложнее для меня то, что сейчас мне придется с вами прощаться, — госпожа Андерсон протягивает мне руку. — Вы были замечательной соседкой.

Я растроганно смотрю на нее и говорю:

— Вы тоже. — И вдруг я обнимаю пожилую женщину.

Потом, идя вниз по нашей улице и оглядываясь назад, я все еще видела ее — крошечную, рядом

с моим автомобилем на тротуаре. Она махала мне рукой на прощание. Какая очаровательная женщина! Мне будет ее не хватать.

Я бегу по улицам Люнебурга мимо красочных фасадов, которые уже успели стать для меня такими родными. Заглядываю в окна домов и вижу рождественские елки с горящими свечами, семьи и друзей, которые с радостными криками приходят друг к другу в гости, детей, которые взволнованно скачут рядом. Сегодня Рождество.

Вчера, в Рождественский сочельник, был последний день работы нашей рождественской лавки. Мне кажется, я еще никогда в своей жизни не работала так много. Закрыв дверь магазина, мы с Лив нашли в себе силы поехать на ферму, вручить Валери подарки, выпить с Виллемом, который ненадолго заглянул, и съесть много картофельного салата. Затем я отправилась домой, чтобы провести в своем гнездышке последнюю ночь, — и проспала целых двенадцать часов. Потом наступило Рождественское утро, я собрала все свои пожитки и загрузила их в автомобиль, чтобы позже поехать с ними на ферму Лобекхоф. Мы с Лив хотим воспользоваться свободными рождественскими днями: привести в порядок старую квартиру для отдыха, чтобы я смогла в ней

жить. Ведь сразу после Рождества нам придется заняться уборкой нашего временного магазина: договор аренды истекает в канун Нового года. Это будет прощание без сожаления, потому что мы начнем подыскивать что-то новое: маленькую симпатичную лавку где-нибудь в Люнебурге. Мы с Лив откроем там магазин деликатесов, именно такой, о котором я мечтала. Мы будем продавать там наш сыр и другие продукты с Люнебургской пустоши. А потом? А потом мы с сестрой решим, что будет дальше.

«Мы с сестрой» — эта мысль по-прежнему наполняет мое сердце приятным волнением. Я чувствую себя ребенком, маленькой девочкой, чье самое заветное желание исполнилось прямо под Рождество. В последние дни мы с Лив очень много разговаривали друг с другом. Я рассказывала ей о нашем отце, о котором она почти ничего не знала, и внутри меня что-то успокоилось. Думаю, это и был тот момент, когда я наконец обрела себя в своей новой жизни.

Из мыслей меня вырывает звонок. Я открываю сумку и ищу телефон. Бетти звонит.

— Фрауке, ты не поверишь, что произошло сегодня утром, — голос подруги почти срывается из-за волнения. — Я стала бабушкой!

— Не может быть! — я восторженно ликую. — Так это же прекрасно!

В последние дни мы с Бетти тоже много говорили друг с другом. Не только у меня в жизни произошли перемены, поэтому этот телефонный звонок затянулся.

Когда мы заканчиваем разговор, я понимаю, что достигла своей цели.

— Бетти, теперь моя очередь. Пока ты не положила трубку, у меня есть к тебе еще одна просьба. — Я делаю над собой усилие: — Я хочу продать картины отца, мне нужна твоя помощь.

— Что ты хочешь сделать?

Реакция Бетти оказывается на редкость громкой. Я даже убираю телефон от одного уха и прикладываю его к другому.

— Я хочу попросить Виктора забрать все картины, которые висят в пентхаусе, и продать их в его галерее. Я уже предупредила госпожу Хельмштедт, нашу домработницу. У нее есть ключи, она откроет Виктору квартиру. Юстус сейчас в каком-то фитнес-лагере на Майорке — по крайней мере, поздравления с Рождеством он присылал мне именно оттуда. Сама я выберусь во Франкфурт за вещами только в новом году.

— Поверить не могу.

— Нет, можешь, — спокойная твердость в моем голосе удивляет даже саму меня. — Картины мне больше не нужны. Это прошлое. Но мне нужны деньги. Просто и понятно: деньги. Они нужны мне для нашего магазина деликатесов и для того, чтобы перестроить квартиру. Ферме Лобекхоф нужен капитал. Лив вчера предложила мне начать работу с ней на ферме. Этим и займусь.

— Фрауке, ты невероятная.

Теперь на моем лице расплывается улыбка до ушей.

— Ну, строго говоря, отец предоставит своим дочерям стартовый капитал. Это абсолютно нормально.

— Да, можно на это посмотреть и так, — Бетти смеется. — Как же я рада за тебя! И я поздравляю тебя с этим решением. И кстати, — интонация Бетти становится заговорщической, — *одна* мысль приносит мне особую радость. Юстус, эта старая ищейка, у которой всегда была чуйка на крупный бизнес, столько лет прожил рядом с картинами твоего отца и даже не подозревал, насколько они ценны. Когда он узнает, какое сокровище висело у него дома, он будет просто в ярости.

Закончив звонок, я засовываю телефон обратно

в сумку, но потом снова распахиваю ее: два подарка просятся наружу. Первый — большая красивая морковка, на которую я повязала красную ленту. Второй — украшенная в рождественском стиле коробочка. В ней лежат твидовая кепка Класа, которая с праздника фермеров пылилась у меня в комоде, и подходящий по цвету шерстяной шарф, который я приметила в своем любимом бутике. Кроме того, мне надо вернуть моему «арендодателю» ключ от квартиры. Конечно, я могла бы оставить его у мамы Класа, но я не хочу. Не сегодня. Сегодня Рождество.

Итак, я прижимаю оба подарка к груди — и звоню в дверь. Всего через несколько секунд после того, как я открываю гудящую дверь, навстречу мне доносится быстрый топот. Крошечные коготки с шумом несутся вниз по деревянной лестнице. И вот она передо мной — Дереза. Виляет хвостом и скачет так радостно, как только может.

— С Рождеством, дорогая Дереза, — я наклоняюсь к таксе и глажу ее по длинной спинке. — Скажи, крошка, а где же твой хозяин?

Об авторе

Метте Танзен живет в уединении на ферме, где прошло ее детство. После двадцати лет, проведенных в большом городе, 48-летняя писательница и редактор вернулась в деревню и переоборудовала старый амбар в дом. Здесь Метте Танзен смогла полностью сосредоточиться на творческой деятельности.

МИФ Проза

Вся проза на одной странице: mif.to/prose

Подписывайтесь на полезные книжные письма со скидками и подарками: mif.to/proza-letter

#mifproza
#mifproza

Над книгой работали

Руководитель редакционной группы *Анна Сиваева*

Ответственные редакторы *Анна Штерн, Александра Кашканова*

Креативный директор *Яна Паламарчук*

Иллюстрация на обложке и оформление блока *Дарья Нестеренко*

Корректоры *Лилия Семухина, Елена Гребенюк*

ООО «МИФ»

mann-ivanov-ferber.ru

Электронная версия книги — ООО «Вебкнига», 2026